

ВЕСТНИК МГПУ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**СЕРИЯ
«ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ»**

№ 3 (39)

**Издается с 2009 года
Выходит 4 раза в год**

**Москва
2021**

MCU JOURNAL
OF PHILOSOPHICAL SCIENCES

№ 3 (39)

**Published since 2009
Quarterly**

**Moscow
2021**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Реморенко И. М.

председатель

ректор ГАОУ ВО МГПУ,

доктор педагогических наук, доцент, почетный работник общего образования Российской Федерации, член-корреспондент РАО

Рябов В. В.

заместитель председателя

президент ГАОУ ВО МГПУ,

доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО

Геворкян Е. Н.

заместитель председателя

первый проректор ГАОУ ВО МГПУ,

доктор экономических наук, профессор, академик РАО

Агранат Д. Л.

заместитель председателя

проректор по учебной работе ГАОУ ВО МГПУ,

доктор социологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Жукоцкая А. В.

главный редактор

профессор общеуниверситетской кафедры философии

и социальных наук Института гуманитарных наук МГПУ,

доктор философских наук, профессор

Черненко С. В.

зам. главного редактора

доцент общеуниверситетской кафедры философии

и социальных наук Института гуманитарных наук МГПУ,

кандидат философских наук, доцент

Сухорукова О. А.

ответственный редактор

доцент общеуниверситетской кафедры философии

и социальных наук Института гуманитарных наук МГПУ,

кандидат исторических наук, доцент

Ананишнев В. М.

профессор общеуниверситетской кафедры философии

и социальных наук Института гуманитарных наук МГПУ,

доктор социологических наук, профессор

Бессонов Б. Н.

профессор общеуниверситетской кафедры философии

и социальных наук Института гуманитарных наук МГПУ,

доктор философских наук, профессор

Бирич И. А.

профессор общеуниверситетской кафедры философии

и социальных наук Института гуманитарных наук МГПУ,

доктор философских наук, доцент

Гогиберидзе Г. М.

профессор общеуниверситетской кафедры философии

и социальных наук Института гуманитарных наук МГПУ,

доктор педагогических наук, профессор

Мамедова Н. М.

профессор кафедры истории и философии Российского

экономического университета им. Г. В. Плеханова,

доктор философских наук, профессор

Оганисян А. О.

профессор кафедры философии и логики им. академика

Георга Брутяна Армянского государственного педагогического

университета им. Хачатура Абовяна, доктор философских наук

Чжан Байчунь

профессор Института философии Пекинского педагогического

университета, кандидат философских наук

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

ISSN 2078-9238

© ГАОУ ВО МГПУ, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Слово главного редактора

Задачи номера	8
---------------------	---

Социальная философия

Васильев В. В. Дефициты гуманитарной составляющей современного общества как один из источников социальной неопределенности.....	9
Глазунов Н. Г. Власть и социальная модернизация: сравнительный анализ советского и китайского опыта.....	18
Токарева Е. А. Историческая память, практики коммемораций и современная политическая история	28
Королева Л. В. Демократизация и код советскости: политический анализ современных российских предпочтений	37

История идей и современность

Lockard R. P. , Zmazneva O. A., Volnov I. N. Artificial Intelligence: Are Humans Protected from the Systems They Created?	47
---	----

Философия культуры

Хилханов Д. Л., Хилханова Е. В. Феномен культурной дистанции в современных условиях (языковые и религиозные факторы)	56
--	----

Философия образования

- Попова Т. В., Сухорукова О. А. Советское образование: традиция и современность 68
- Казенина А. А., Черненькая С. В. Реализация элективных дисциплин социально-гуманитарного профиля как средство гуманизации и гуманитаризации среднего профессионального образования 86
- Злотников И. В., Ключко О. И. Образовательный потенциал системомыследеятельностной методологии 97

Исследования молодых ученых

- Ковалев Э. Ю. Образ СССР в умах молодежи и предшествовавших поколений 111
- Требования к оформлению статей 122

CONTENTS

Word of Editor in Chief

The Objectives of the Issue	8
-----------------------------------	---

Social Philosophy

Vasiliev V. V. Deficiencies of the Humanitarian Component of Modern Society as One of the Sources of Social Uncertainty	9
Glazunov N. G. Authority and Social Modernization: Comparative Analysis of the Soviet and Chinese Experience.....	18
Tokareva E. A. Historical Memory, Commemoration Practices, and Contemporary Political History.....	28
Koroleva L. V. Democratization and the Code of Sovietness: a Political Analysis of Modern Russian Preferences	37

History of Ideas and Modern Age

Lockard R. P., Zmazneva O. A., Volnov I. N. Artificial Intelligence: Are Humans Protected from the Systems They Created.....	47
--	----

Philosophy of Culture

Khilkhanov D. L., Khilkhanova E. V. The Phenomenon of Cultural Distance in Modern Conditions (Linguistic and Religious Factors).....	56
--	----

Philosophy of Education

Popova T. V., Sukchorukova O. A. Soviet Education: Tradition and Modernity.....	68
Kazenina A. A., Chernenkaya S. V. Implementation of Elective Disciplines of Social and Humanitarian Profile as a Means of Humanization and Humanitarization of Secondary Vocational Education	86
Zlotnikov I. V., Klyuchko O. I. Educational Potential of System-Thinking-Activity Methodology	97

Research of Young Scientists' Research

Kovalev E. Yu. The Image of the USSR in the Minds of Young People and Previous Generations.....	111
Requirements for Style Articles	122

Задачи номера

Многие согласятся, что в оценке современности самыми часто употребляемыми понятиями являются понятия «непредсказуемость», «неопределенность», «явные и неявные угрозы», которые отодвинули на второй план ставшие уже привычными понятия глобализации, глокализации, инноваций, мультикультурализма и т. д. За понятиями, как известно, стоят сами феномены. Этот номер нашего журнала посвящен анализу социальных феноменов, определяющих в данный момент специфику и сущность социального бытия. Одним из таких феноменов является феномен социальной неопределенности, источники которой, причины, факторы, детерминирующие это состояние, еще только предстоит изучить. Другой важнейшей характеристикой современности является явление социальной модернизации, ставшей в нашей стране перманентной и характеризующейся весьма специфическими отношениями власти и общества к непрекращающемуся социальному реформированию. Здесь основным вопросом является вопрос о том, должна ли модернизация

быть управляемым процессом и если да, то в какой степени? Не менее актуальной проблемой является проблема исторической памяти и практики коммемораций в современной политической истории. Какую роль играют практики «исторической памяти» в формировании современной идеологии, политики и массового сознания. Задача исследователя осмыслить концепт «исторической памяти» и понять, как можно им пользоваться в целях сохранения целостности и национальной идентичности страны. Не потерял своей актуальности и феномен культурной дистанции в современных условиях, его языковые и религиозные факторы, влияющие на формирование и поддержание культурной идентичности, особенно миноритарных этносов. В контексте всех уже названных проблем наши авторы анализируют и культурный код советскости, его аксиологическое значение и роль в становлении нынешней российской идентичности. Фактически этот номер посвящен самым актуальным онтологическим проблемам современного общества, нуждающимся в многоаспектном и кроссдисциплинарном научном анализе.

УДК 101.1:316

DOI: 10.25688/2078-9238.2021.39.3.01

В. В. Васильев⁽¹⁾

Дефициты гуманитарной составляющей современного общества как один из источников социальной неопределенности

В статье анализируются основные дефициты в нравственно-правовой сфере, а также в сфере познания и информации, выступающие источником и формирующими факторами социальной неопределенности. В статье отмечается, что правовые и морально-нравственные нормы, формулируемые и реализуемые на уровне государственных, официальных институтов, создают дополнительные основания для возникновения социальной неопределенности в силу непредсказуемости законотворческой деятельности, а также расхождения официально декларируемых и принимаемых обществом духовных ценностей. Автор подчеркивает, что информационные ограничения, дефицит информации и информационные искажения также являются источником социальной неопределенности.

Ключевые слова: социальная неопределенность; гуманитарная составляющая; правовые нормы; морально-нравственные нормы; информация; социально-психологические факторы.

Для цитирования: Васильев В. В. Дефициты гуманитарной составляющей современного общества как один из источников социальной неопределенности // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2021. № 3 (39). С. 9–17. DOI: 10.25688/2078-9238.2021.39.3.01

⁽¹⁾ *Васильев Владимир Викторович* — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории, международного права и зарубежного регионоведения, декан факультета педагогики и психологии СФ МГПУ. Самарский филиал Московского городского педагогического университета (СФ МГПУ), ул. Стара Загора, д. 76, Самара, 443081, Россия.
E-mail: Vasilev-429@mgpu.ru
ORCID: 0000-0003-0643-8911

UDK 101.1:316

DOI: 10.25688/2078-9238.2021.39.3.01

Vladimir V. Vasiliev⁽¹⁾

Deficiencies of the Humanitarian Component of Modern Society as One of the Sources of Social Uncertainty

The article analyzes the main deficiencies in the moral and legal sphere, as well as in the sphere of cognition and information, which are the source and formative factors of social uncertainty. The article notes that legal and moral norms formulated and implemented at the level of state, official institutions create additional grounds for the emergence of social uncertainty due to the unpredictability of legislative activity, as well as discrepancies between officially declared and accepted by society spiritual values. The author emphasizes that informational limitations, information deficit and informational distortions are also a source of social uncertainty.

Keywords: social uncertainty; humanitarian component; legal norms; moral and ethical norms, information; socio-psychological factors.

For citation: Vasiliev, V. V. (2021). Deficity` gumanitarnoj sostavlyayushhej sovremennogo obshhestva kak odin iz istochnikov social`noj neopredelennosti [Deficiencies of the humanitarian component of modern society as one of the sources of social uncertainty]. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 3 (39), 9–17. [in Rus.]. DOI: 10.25688/2078-9238.2021.39.3.01

⁽¹⁾ *Vasiliev Vladimir Viktorovich* — PhD (History), Associate Professor, associate professor of the Department of History, International Law and Foreign Regional Studies, Dean of the Faculty of Pedagogy and Psychology.
Samara branch of the Moscow City University, Stara Zagora st., 76, Samara, 443081, Russia.
E-mail: Vasilev-429@mgpu.ru
ORCID: 0000-0003-0643-8911

Социальная неопределенность как феномен непосредственно выражается в проблемах человека и общества, зачастую носящих личностноориентированный характер. Подобное заключение обосновывается большинством гуманитарных исследований, в центре внимания которых находится человек с его внутренним миром, характеризующимся, с одной стороны, отсутствием четко формализованных критериев и характеристик, а с другой — насыщенным нравственным чувством и этическими нормами.

Рассматривая нравственно-правовую сферу как специфическую систему регуляторов современного общества, необходимо подчеркнуть комплексное воздействие норм права и норм морали на упорядочение отношений в социуме, с одной стороны, а с другой — на формирование оснований для возникновения социальной неопределенности. Развитие правовой культуры, при всем влиянии

государственной власти и идеологии, осуществляется стихийно — эволюционным путем, и с трудом поддается централизованному регулированию и управлению. Стохастичный характер возникновения и компенсаторность содержания большинства новых норм и поправок свидетельствует об отсутствии четко сформулированных целей законотворческого процесса, что позволяет сделать вывод о значительности того вклада, который вносит юридическо-правовая система в формирование состояния социальной неопределенности.

Духовно-нравственные установки и ценности, сформулированные и реализующиеся в обществе, представляя собой своеобразный фон для развития институализированного права, как никакая другая характеристика социальной системы анализируется на соответствие конкретным проявлениям. Возрастающая социальная неопределенность и социальное неравенство, контрастирующие с философско-правовыми принципами, закономерно влечет убежденность в отсутствии правовой государственности.

По мнению П. С. Самыгина, в кризисе таких основных институтов социализации, как семья и система образования, необходимо выделить роль средств массовой информации, пропагандирующих только декларируемые и нереализуемые правовые и нравственные установки, усиливающих неопределенность в социальной среде на фоне разрыва желаемого и действительного (Самыгин, 2008, с. 22). Таким образом, правовые и морально-нравственные нормы, формулируемые и реализуемые на уровне государственных, официальных институтов создают дополнительные основания для возникновения социальной неопределенности в силу непредсказуемости законотворческой деятельности, с одной стороны, и расхождения декларируемых официально и принятых обществом духовных ценностей — с другой.

Проблема объективного соответствия социальной информации связана с пониманием еще одного основания возникновения социальной неопределенности, а именно субъективности знания человека об окружающем мире.

Существует необходимость владения полной информацией при анализе какой-либо проблемы, при этом для большинства актуальных проблемных ситуаций характерно огромное количество связей, взаимодействующих элементов, учесть которые адекватно и в полном объеме не представляется возможным. Тенденции к постоянному усложнению социальных отношений выражаются в избыточности информационных потоков и отсутствии тождественных информационных данных. Р. Т. Яровикова, говоря о крайней актуальности адекватной информации, уточняет, что данная характеристика важна как для анализа глобальных мировых проблем, так и для социальных процессов, в которых человек непосредственно находится и взаимодействует (Яровикова, 2003, с. 35).

Важной качественной характеристикой информации в условиях анализа неопределенных ситуаций и поиска выхода из них, является именно ее гуманистическая направленность. Человек, обладая духовно-интеллектуальным потенциалом, субъективно интерпретируя социальную и научно-техническую

информацию, с одной стороны, стремится к преодолению неопределенности, а с другой — выступает ее источником.

Неполнота или недостоверность информации препятствует эффективному управлению, противодействует реализации тех или иных решений и в конечном счете объясняет неопределенное состояние социальной системы и ее элементов. Подобные информационные ограничения, связанные с потенциальной возможностью прогнозирования вариантов развития социально-экономических процессов, отмечает и Д. Ю. Субботницкий, утверждая, что «дефицит информации» — явление постоянное, в пределах которого приходится существовать человеку, пытаясь все-таки обосновать наиболее возможные варианты развития той или иной ситуации. При этом автор отрицает объективную «недетерминированность» и акцентирует внимание на «недостаточной информированности субъекта» (Субботницкий, 2009, с. 123).

Схожую позицию по поводу возможной роли субъективного в искажении информации занимает Ю. К. Ахапкин. Помимо осознанного действия, информационное искажение и, как следствие, неопределенность связывается автором с потерей информации на этапе ее передачи, с неполнотой знания об объекте. Важной представляется позиция исследователя, когда он, наряду с количественными характеристиками интерпретации информационного пространства, также вводит качественные: правильность рациональной процедуры, учет событий конкретно-индивидуальной действительности и т. д. (Ахапкин, 2008, с. 7).

По поводу проблемы возникновения неопределенности значимой в настоящее время представляется точка зрения И. А. Герасимовой. Автор отмечает, что прогресс научных знаний в современности неразрывно связан с коммерциализацией их результатов. Эта взаимная обусловленность, по ее мнению, может приводить к сознательному искажению информационного пространства. Скрытие слабых сторон или, напротив, акцентирование внимание на минимальных достоинствах технологических решений и инновационных продуктов может повлиять на их коммерческую привлекательность. Логико-психологические уловки искажения объективного представления о результатах научных исследований влекут за собой неопределенные последствия, которых можно избежать только «сменой парадигм в формировании общественного сознания: от наслаждения комфортом перейти к осознанию реальных рисков и пониманию ответственности за будущее планеты» (Герасимова, 2012, с. 137).

Таким образом, большинство исследователей приходит к выводу о том, что информация является одним из наиболее важных факторов, влияющих на возникновение такого явления, как социальная неопределенность. При этом, можно констатировать, что именно неполнота знания человека о социально-экономических процессах в силу различных оснований, обстоятельств и причин, делает социальную неопределенность реальностью современного мира. Чаще всего неполнота знаний обуславливается объективными границами и обстоятельствами, не позволяющими человеку прогнозировать последствия.

Но все более актуальным, часто встречающимся и даже востребованным для различных субъектов социально-экономических и политических отношений становится сознательное искажение, обработка, изменение, сокрытие информации, в результате чего феномен социальной неопределенности проявляет свою сущность.

Не вызывает сомнения тот факт, что человек интерпретирует информацию в зависимости от своих социально-психологических установок и ценностей, т. е. факторов, оказывающих значительное влияние на потенциал стабильного развития общества, при этом изменения могут носить не только позитивный и контролируемый характер. Динамика коллективных представлений может привести к переоценке ценностей, усложнению межгрупповых отношений и настроений в обществе, возникновению новых проблемных ситуаций.

Одним из таких проявлений системного кризиса в глобальных социальных процессах является возникновение социально-психологического феномена под названием «общество риска» (Лукиянов, 2006, с. 3). Основная характеристика этого явления заключается в том, что общественное сознание склоняется к иррациональности. Сомнения и неуверенность индивидуума, безусловно, дополняют картину психологических причин социальной неопределенности.

Психосоциальные причины социальной неопределенности вытекают из анализа конкретных кризисных или проблемных ситуаций, в которые вовлечено все общество или отдельные социальные группы.

Ряд исследований, посвященных процессу социализации молодежи, проблеме, с которой столкнулось российское общество в результате серьезных изменений в системе образования и воспитания в середине 90-х годов XX века, отмечали негативные проявления, девиации в процессе вхождения молодежи в так называемую взрослую жизнь. Не углубляясь в анализ и рассмотрение первичности или вторичности морально-психологических характеристик молодежной среды, исследователи приходили к выводу о том значительном влиянии, которое они оказали на общую картину социальной нестабильности общества в указанный период. В частности, Е. А. Дунаева к означенным негативным проявлениям относит деформацию морально-нравственных устоев, ощущение утраты реальности, утраты статуса и роли в различных социальных структурах (Дунаева, 2008).

Интересной и недостаточно разработанной группой психологических причин социальной неопределенности выступает утрата привычного «облика мира» под воздействием внедрения инноваций в самых различных сферах: технической, политической, культурной и информационной.

О похожих психологических характеристиках, возникающих у современного человека и отражающихся в общественном сознании, пишет Н. Л. Смакотина. Используя термин «гарантированное бытие», существование которого было обеспечено такими доминантами, как Бог, государство и традиции, исследователь поведения в условиях неопределенности приходит к выводу, что в настоящее время эти общепризнанные гарантии либо вовсе отсутствуют,

либо стереотипы мышления и их инерция на индивидуально-психологическом уровне способствуют ложному преодолению неопределенности, что не решает проблемы по существу. Следствием является нестабильность социальной реальности — «негарантированное бытие» — как этап развития человеческой культуры и цивилизации (Смакотина, 1999).

Подобную тенденцию к утрате универсальности ценностей и норм в современном обществе подтверждает и Т. И. Яковук, подчеркивая, что неопределенное состояние общества, выбор людьми рискованных стратегий поведения обусловлены тем, что традиционные, понятные и принятые ментальные структуры не всегда органично синтезируются с новыми, привносимыми модернизацией и глобализацией (Яковук, 2006, с. 29).

Подводя итог обзору роли социально-психологических феноменов в формировании социальной неопределенности, следует подчеркнуть взаимообуславливающий характер этих явлений, а также то, что без изучения и серьезного анализа изменений в коллективных представлениях об окружающей действительности представить изучаемый предмет невозможно. Таким образом, исходя из заявленной актуальности выявления и четкого определения факторов, влияющих на возникновение социальной неопределенности, следует сделать следующие выводы.

Прежде всего, необходимо отметить прямую детерминированность социальной неопределенности рядом внешних факторов социальной среды, а также факторов, возникающих внутри нее. В этом контексте социальная неопределенность рассматривается как их следствие и результат.

Обобщенные результаты анализа работ исследователей, прямо или косвенно посвященные неопределенным состояниям вообще или конкретной социальной среды, позволяют выделить несколько групп причин. Ранее мы анализировали ряд важнейших факторов (Васильев, 2021), поэтому кратко обозначим их еще раз.

В первую очередь следует отметить природно-географические, климатические причины: экологические катастрофы, природные катаклизмы, чрезвычайные ситуации, вызванные наводнениями, засухами, землетрясениями, смерчами и т. д., несомненно оказывают непосредственное влияние на человеческое общество, чаще всего негативное, влекут за собой разрыв выстроенных причинно-следственных управленческих связей, нарушение привычного уклада жизни, не говоря уже о жертвах, эпидемиях, миграционных волнах и т. д. При этом на со современном этапе развития человечества социум и природа характеризуются взаимовлиянием, взаимозависимостью.

Неотъемлемый атрибут, элемент любой социальной структуры — органы управления, государственные и негосударственные акторы. Их деятельность, направленная на упорядочение социальных отношений, тем не менее оказывает влияние на возникновение социальной неопределенности. Поставленные цели не всегда достигаются управленческими решениями, иногда они оказывают прямо противоположное воздействие. Управленческая культура и субъективизм приводят к социальной нестабильности.

Экономика государств, в основе которой лежат рыночные отношения, является для большинства исследователей наиболее очевидным фактором, оказывающим влияние на протекание социальных процессов и зачастую вектор этих процессов сложно предугадать и спрогнозировать. Объективная непредсказуемость экономических процессов в сочетании с низкими возможностями их регулирования, управления ими сопряжена с кризисными ситуациями, выходящими за рамки экономических взаимоотношений и воплощающихся в значительных изменениях социальной структуры, ее отдельных элементов и общества в целом. Особую специфику экономическому фактору и его роли в возникновении социальной неопределенности, придают попытки административного регулирования рыночных отношений.

Объективное развитие социальной системы приводит к эволюции существующих и возникновению новых структурных элементов, изменению, усложнению характера взаимоотношений между ними и переход на новый качественный уровень. Таким образом, динамика социальных процессов и социального взаимодействия обуславливает социальную неопределенность.

Государственные органы и общественные институты, принимая на себя ответственность в области регулирования социальных отношений, сосредоточивают все больше и больше внимания на формулировании правовых и морально-нравственных норм. И если законотворческая деятельность объективно непредсказуема в силу своей рефлексивности к существующей действительности, то попытки навязать обществу духовные ценности, не коррелирующие с уровнем развития массовой культуры и присвоенных моральных норм, создает еще одну группу факторов, лежащих в основании для возникновения социальной неопределенности.

Связь между информацией и социальной неопределенностью наиболее очевидна. Выводимая из объективных возможностей познания и субъективных способностей человеческого разума неполнота знания о социально-экономических процессах делает социальную неопределенность реальностью современного мира. Негативный характер этого явления может возрастать в результате сознательного искажения или ограничения доступа к информации как к важнейшему ресурсу.

Неклассическая парадигма научного познания позволила сформировать еще одну категорию факторов, влияющих на социальную систему. Изменения в коллективных представлениях об окружающей действительности, формируют предпосылки социальной неопределенности, которая, в свою очередь, влияет на социально-психологические феномены.

В заключение, подводя итог рассмотрению причин, влияющих на возникновение социальной неопределенности, можно согласиться с точкой зрения Л. Г. Ивлева, который подчеркивал, что отсутствие должного внимания к научной рефлексии по спектру проблем и процессов, связанных с неопределенным, нестабильным состоянием социальной системы, которая осуществляется представителями гуманитарных наук, приводит к негативным и неконтролируемым процессам, последствия которых возможно было бы избежать (Ивлев, 1999, с. 59).

Литература

- Ахапкин Ю. К. Интерпретация социальногуманистической информации в условиях неопределенности: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.01. М., 2008. 23 с.
- Васильев В. В. О некоторых подходах к исследованию феномена социальной неопределенности и факторах, лежащих в его основании // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2021. № 1 (37). С. 923.
- Герасимова И. А. Неустрашимость неопределенности в социальной оценке техники // Эпистемология и философия науки. 2012. Т. 32, № 2. С. 123–140.
- Дунаева Е. А. Социальная неопределенность как характеристика образовательного пространства молодежи [Электронный ресурс] // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 1 (2). URL: [http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/1\(2\)/Dunaeva/](http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/1(2)/Dunaeva/) (дата обращения: 25.05.2021).
- Ивлев Л. Г. О некоторых возможностях разрешения неопределенности в пользу России // Принцип неопределенности и прогноз развития социально-экономических систем: мат-лы науч. семинара. Томск: Спектр, 1999. С. 5760.
- Лукьянов Г. И. Риск как феномен социальной реальности: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.1. Ставрополь, 2006. 58 с.
- Самыгин П. С. Правовая социализация учащейся молодежи в условиях социальной неопределенности российского общества: автореф. дис. ... д-ра социол. наук: 22.00.04. Ростов-на-Дону, 2008. 406 с.
- Смакотина Н. Л. Рациональное поведение в условиях неопределенности: методология социологического и социально-психологического анализа: автореф. дис. ... д-ра социол. наук: 22.00.01. М., 1999. 41 с. [Электронный ресурс] // Научная электронная библиотека диссертаций и авторефератов. URL: <https://www.dissercat.com/content/ratsionalnoe-povedenie-v-usloviyakh-neopredelennosti-metodologiya-sotsiologicheskogo-i-sotsi> (дата обращения: 18.03.2021).
- Субботницкий Д. Ю. Риск и неопределенность: бесконечный путь к недостижимой истине // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. Т. 97. С. 121–125.
- Яковук Т. И. Фактор неопределенности в социокультурной регуляции духовной жизни молодежи: автореф. дис. ... д-ра социол. наук: 22.00.06. М., 2006. 48 с.
- Яровикова Р. Т. К анализу концепции общественного развития: к разрешению противоречий между определенностью и неопределенностью // Принцип неопределенности и прогноз развития социально-экономических систем. М.; Томск: РАН, 1999. С. 35.

References

- Akhapkin, Yu. K. (2008). *Interpretaciya social`nogumanisticheskoy informacii v usloviyax neopredelennosti* [Interpretation of social humanistic information in conditions of uncertainty]: PhD Thesis (Sociological Sciences) Dissertation: 22.00.01. Moscow. 23 p. [in Rus.].
- Vasiliev, V. V. (2021). O nekotory`x podxodax k issledovaniyu fenomena social`noj neopredelennosti i faktorax, lezhashix v ego osnovanii [On some approaches

- to the study of the phenomenon of social uncertainty and the factors underlying it]. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 1 (37), 923. [in Rus.].
- Gerasimova, I. A. (2012). Neustranimost' neopredelennosti v social'noj ocenke texniki [Irremovability of uncertainty in the social assessment of technology]. *E'pistemologiya i filosofiya nauki [Epistemology and Philosophy of Science]*, 32 (2), 123–140. [in Rus.].
- Dunaeva, E. A. (2008). Social'naya neopredelennost' kak xarakteristika obrazovatel'nogo prostranstva molodezhi [Social uncertainty as a characteristic of the educational space of youth]. *Znanie. Ponimanie. Umenie. [Knowledge. Understanding. Skill]*, 1 (2). [in Rus.]. Retrieved from [http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/1\(2\)/Dunaeva/](http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/1(2)/Dunaeva/)
- Ivlev, L. G. (1999). O nekotoryx vozmozhnostyax razresheniya neopredelennosti v pol'zu Rossii [On some possibilities of resolving uncertainty in favor of Russia]. In: *Princip neopredelennosti i prognoz razvitiya social'no-e'konomicheskix sistem: mat-ly' nauch. seminarov [The principle of uncertainty and forecast of the development of socio-economic systems: Materials of Scientific Seminar]* (p. 5760). Tomsk: Spectrum. [in Rus.].
- Lukyanov, G. I. (2006). *Risk kak fenomen social'noj real'nosti [Risk as a phenomenon of social reality]*: Doctoral Thesis (Philosophy Sciences) Dissertation: 09.00.1. Stavropol. 58 p. [in Rus.].
- Samygin, P. S. (2008). *Pravovaya socializaciya uchashhijsya molodezhi v usloviyax social'noj neopredelennosti rossijskogo obshhestva [Legal socialization of student youth in conditions of social uncertainty of Russian society]*: Doctoral Thesis (Sociol. Sciences) Dissertation: 22.00.04. Rostov-on-Don. 406 p. [in Rus.].
- Smakotina, N. L. (1999). Racional'noe povedenie v usloviyax neopredelennosti: metodologiya sociologicheskogo i social'no-psixologicheskogo analiza [Rational behavior in conditions of uncertainty: Methodology of sociological and socio-psychological analysis]: Doctoral Thesis (Sociological Sciences) Dissertation: 22.00.01. Moscow. 41 p. In: *Nauchnaya e'lektronnaya biblioteka dissertacij i avtoreferatov [Scientific electronic library of dissertations and abstracts]*. [in Rus.]. Retrieved from <https://www.dissercat.com/content/ratsionalnoe-povedenie-v-usloviyakh-neopredelennosti-metodologiya-sotsiologicheskogo-i-sotsi>
- Subbotnitskiy, D. Yu. (2009). Risk i neopredelennost': beskonechny'j put' k nedostizhimoj istine [Risk and uncertainty: an endless path to the unattainable truth]. In: *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena [Proceedings of the A. I. Herzen Russian State Pedagogical University]*, 97, 121–125. [in Rus.].
- Yakovuk, T. I. (2006). *Faktor neopredelennosti v sociokul'turnoj regulyacii duxovnoj zhizni molodezhi [Uncertainty factor in the socio-cultural regulation of the spiritual life of young people]*: Doctoral Thesis (Sociological Sciences) Dissertation: 22.00.06. Moscow. 48 p. [in Rus.].
- Yarovikova, R. T. (1999). K analizu koncepcii obshhestvennogo razvitiya: k razresheniyu protivorechij mezhdru opredelennost'yu i neopredelennost'yu [To the analysis of the concept of social development: to resolve the contradictions between certainty and uncertainty]. In: *Princip neopredelennosti i prognoz razvitiya social'no-e'konomicheskix sistem [The principle of uncertainty and forecast of the development of socio-economic systems]* (p. 35). Tomsk: RAS. [in Rus.].

УДК 316.4

DOI: 10.25688/2078-9238.2021.39.3.02

Н. Г. Глазунов⁽¹⁾

Власть и социальная модернизация: сравнительный анализ советского и китайского опыта

В процессе развития каждое общество периодически испытывает потребность в приведении своих социально-экономических и политических институтов в соответствии с изменившейся социально-экономической конъюнктурой и потребностями населения. Этот процесс носит объективный характер и может протекать по двум основным сценариям. Первый сценарий — модернизация общества осуществляется под четким руководством власти исходя из определенных ею целей и приоритетов. Второй — потребность в социальных преобразованиях реализуется спонтанно исходя из приоритетов наиболее активных сил общества и при игнорировании позиции власти. В этом случае, как правило, социальную систему ждет деградация или гибель в ее прежнем качестве.

Целью статьи является рассмотрение функций власти в условиях социальной модернизации. В качестве эмпирического материала использован опыт преобразований в Китае и Советском Союзе 70–80-х годов XX века, отраженный в социально-экономических и политических исследованиях, официальных документах и воспоминаниях участников событий. Основным методом явился сравнительный анализ советской и китайской практики социальных преобразований.

Сохранение управляемости социальными процессами позволило китайскому руководству осуществлять планомерные структурные преобразования, не подвергая общество чрезмерному стрессу и сохраняя привычный идейно-ценностный уклад. Советский опыт был прямо противоположным. Власть в эпоху перестройки быстро утратила приоритет в определении целей и темпа преобразований и, как следствие, утратила контроль над социально-экономическими и политическими процессами в стране, что неминуемо привело к распаду Советского Союза.

Основной вывод исследования: в процессе развертывания структурных преобразований и вовлечения в данный процесс все большего количества социальных групп и институтов пропорционально должна возрастать активность власти, отстаивающей свой приоритет как главной направляющей силы социальных преобразований, определяющей очередность задач, стоящих перед обществом, и способы их решения. В противном случае высок риск не положительного изменения качества социальной системы, а ее гибели.

Ключевые слова: социальная система; социальная модернизация; власть; функции власти; социальный контроль; социальная стабильность; управляемость социальными процессами.

Для цитирования: Глазунов Н. Г. Власть и социальная модернизация: сравнительный анализ советского и китайского опыта // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2021. № 3 (39). С. 18–27. DOI: 10.25688/2078-9238.2021.39.3.02

- ⁽¹⁾ *Глазунов Николай Геннадьевич* — кандидат философских наук, доцент, заместитель руководителя методологического центра по комплексной реабилитации, ведущий научный сотрудник ФБМСЭ.

Федеральное бюро медико-социальной экспертизы (ФБМСЭ) Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, ул. Ивана Сусанина, д. 3, Москва, 127486, Россия.

E-mail: nickglazunov@mail.ru

UDK 316.4

DOI: 10.25688/2078-9238.2021.39.3.02

Nickolay G. Glazunov⁽¹⁾

Authority and Social Modernization: Comparative Analysis of the Soviet and Chinese Experience

In the process of development, every society sometimes feels the need to bring its socio-economic and political institutions in line with the changed socio-economic situation and the needs of the population. This process is objective in nature, and can proceed according to two main scenarios. In the first one, the modernization of society is carried out under the clear leadership of the government, based on goals and priorities defined by it. In the second scenario, the need for social transformation is fulfilled spontaneously, based on the priorities of the most active forces of society without any regard for the opinion of the authorities. In that case, as a rule, a social system deteriorates or ceases to exist in its original form.

The purpose of the article is to consider the functions of power in the context of social modernization. The empirical material of the study is the experience of transformations in China and the Soviet Union in the 1970–80-s reflected in socio-economic and political studies, official documents and memoirs of the people involved. The main method is a comparative analysis of the Soviet and Chinese practices of social transformation.

Maintaining the manageability of social processes allowed the Chinese leadership to carry out systematic structural transformations without subjecting society to excessive stress, while at the same time maintaining the usual ideological and value structure. The Soviet experience was just the opposite. The government in the era of perestroika quickly lost its central role in determining the goals and pace of transformation and, as a result, lost control over the socio-economic and political processes in the country, which inevitably led to the collapse of the Soviet Union.

The main conclusion of the study: in the process of deploying structural transformations and involving an increasing number of social groups and institutions in this process, the activity of the government should increase proportionally, defending its role as the main guiding force of social transformations which determines the priority of the tasks facing society and ways to solve them. Otherwise, a positive change in the quality of the social system is less likely than its demise.

Keywords: social system; social modernization; authority; functions of power; social control; social stability; manageability of social processes.

For citation: Glazunov, N. G. (2021). Vlast' i social'naya modernizaciya: sravnitel'ny'j analiz sovetskogo i kitajskogo opy'ta [Authority and social modernization: comparative analysis of the soviet and chinese experience]. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 3 (39), 18–27. [in Rus.]. DOI: 10.25688/2078-9238.2021.39.3.02

⁽¹⁾ *Glazunov Nikolay Gennadyevich* — PhD (Philosophy), Associate Professor, Chief Researcher, Deputy Director of the Scientific and Methodical Center.

The Federal Bureau of Medical and Social Expertise of the Ministry of Labor and Social Protection, Ivan Susanin st., 3, Moscow, 127486, Russia.

E-mail: nickglazunov@mail.ru

В процессе развития каждое общество периодически испытывает потребность в приведении своих институтов в соответствие с изменяющимися социальными потребностями. Это процесс объективный: общество должно меняться исходя из качественного изменения потребностей населения, социально-экономической и политической конъюнктуры (Штомпка, 1996).

Исторические события конца XX века продемонстрировали два принципиально различных сценария социальных преобразований — советский и китайский, — которые в первом случае привели к краху Советского Союза, а во втором — к становлению мощнейшей экономической державы мира.

Власти обеих стран, приступая к политике модернизации в Китае и перестройке в СССР, изначально находились в сходных условиях. И в Китае, и в Советском Союзе социально-экономический и политический уклады базировались на сталинской модели социализма. Анализируя преобразования Дэн Сяопина и М. С. Горбачева, представляется принципиально важным остановиться именно на роли власти в процессе данных преобразований (Шульц, 2020; Цыганков, 2016).

В обществах, вступивших в период преобразований, развитие социальной ситуации возможно по двум основным сценариям. Первый — осуществление назревших социальных преобразований под непосредственным контролем власти. Второй — стихийный или организованный социальный взрыв, спровоцированный силами, оппозиционными существующей власти (Розов, 2017).

Пожалуй, можно утверждать, что неуправляемая социальная модернизация в принципе невозможна. Только фактор управляемости позволяет сохранить целостность социальной системы и позволяет добиться положительной динамики. Сохранение управляемости социальными процессами позволяет власти выстраивать иерархию приоритетов социального развития, т. е. выполнять важнейшую для деятельности индивида и общества функцию — целеполагание, без которого невозможна эффективная деятельность.

Консенсус относительно базовых интересов и ценностей позволяет власти определить основной вектор эволюции общества и, в соответствии с поставленными целями, мобилизовывать силы и средства, необходимые для их достижения. Власть, сохранив управляемость социальными процессами, получает

возможность ранжировать проблемы, стоящие перед обществом, в зависимости от их остроты и первоочередности, что позволяет концентрироваться на ключевых проблемах общественной жизни, представляющих фундаментальную опасность. Общество, не имеющее глубинного консенсуса относительно базовых интересов и ценностей, не сможет добиться консолидированных действий и положительного результата (Тощенко, 2017b).

На наш взгляд, наиболее результативна социальная модернизация, которая не имеет четко фиксированных временных рамок и общество находится в состоянии перманентной модернизации, а не подвержено спорадическим модернизационным мероприятиям, спровоцированным сиюминутной конъюнктурой (Розов и др., 2019; Зарубина, 2019).

Успешность социальной модернизации во многом зависит от ритма ее протекания. В этой связи Б. Н. Чичерин отмечал: «Когда правительство, вместо того, чтобы вести народ путем постепенных улучшений останавливает всякое движение и подавляет всякую свободу, оно неизбежно приводит к необходимости крутого перелома. Приходится разом наверстывать потерянное время» (Чичерин, 2000, с. 509).

Справедливость характеристики Б. Н. Чичерина подтверждается многочисленными историческими фактами. Например, скачкообразная модернизация в России, неоднократно инициировавшаяся и прерывавшаяся государством начиная с Петра I и заканчивая Николаем II, вылилась в ярко выраженный конфликт между обществом и государством, между целями и ценностями, которые отстаивало государство, и видением перспектив общественного развития наиболее социально активными силами российского общества, в первую очередь интеллигенцией. Под знаком противостояния, а временами и открытого конфликта государства и интеллигенции, протекало развитие российской социальной системы вплоть до революции 1917 года (Гринин, 2017).

Как видим, неспособность власти обеспечить постепенную и последовательную модернизацию социальной системы привела в конечном итоге к потере управляемости социальными процессами и краху традиционного российского общества (Миронов, 2018).

В Советском Союзе в начале 90-х годов XX века доминировала либеральная доктрина, которая функцию регулирования экономических процессов отводила рыночным механизмам. Власть в Советском Союзе самоустранилась от выполнения одной из важнейших функций — контролирующей. Последовавшие события наглядно продемонстрировали, что возможности саморегулирования рыночной экономики были преувеличены (Горшков, 2018; Анисимов, 2016).

Один из крупнейших российских исследователей новейшей истории Китая Л. П. Делюсин, анализируя внутреннюю политику стран с переходной экономикой, писал: «Возлагать... надежды на рыночную экономику, на “невидимую руку” Адама Смита — это опасная иллюзия, поддаться которой означает обречь себя на массу бед, ибо без руководства и контроля со стороны сильной власти рыночная экономика становится источником различных зол» (Делюсин, 2001, с. 236). Так, власть в СССР, дистанцировавшись на рубеже 80–90-х годов

от регулирования социально-экономических процессов, вскоре вовсе лишилась эффективных рычагов влияния на процессы, происходившие в обществе.

В схожей обстановке Дэн Сяопин изначально декларировал: «Чтобы реформы осуществлялись успешно, необходимо руководить ими и проводить их упорядоченно. Иначе возникнет хаос...» (Дэн Сяопин, 2002, с. 369). Китайское руководство не допускало мысли, что над процессом социальных преобразований не будет установлен самый жесткий контроль.

Исследователь китайских экономических реформ В. Я. Портяков констатировал, что в Китае ориентированы на «...достаточно длительное сосуществование двух гетерогенных хозяйственных систем: демонтируемой планово-распределительной и нарождающейся рыночной... *дозированное увеличение* (выделено нами. — Н. Г.) роли рынка и параллельным свертыванием сегмента экономики, регулируемого... директивным планом...» (Портяков, 2002, с. 6). В данной характеристике четко прослеживается, что глубинные структурные изменения в китайской экономике (а трансформация плановой экономики в рыночную — это, без преувеличения, тектоническое изменение) осуществляются при сохранении в этом процессе первенствующей роли власти, которая *демонтирует, дозирует и направляет* протекающие процессы, одним словом, сохраняет *абсолютный контроль* над социально-экономической ситуацией в стране.

В другом своем заявлении Дэн Сяопин еще четче высказал мысль о приоритетности для власти функции контроля в процессе социальных преобразований. «Мы взяли себе за принцип действовать смело и в то же время двигаться вперед умеренным шагом. Действовать смело — значит твердо и неуклонно вести реформу, а двигаться вперед умеренным шагом — значит как можно быстрее исправлять обнаруженные промахи» (Дэн Сяопин, 2002, с. 274).

Важность контролирующей функции особенно остро проявилась в 1989 году, в ходе студенческих волнений, вспыхнувших в Пекине и других крупных городах Китая. Тяньаньмэньские события сопровождались фактически выдвижением *альтернативной* программы форсированных реформ, по содержанию схожих с советской перестройкой.

Перед Китаем маячила реальная перспектива дезинтеграции по советскому образцу, погружения в хаос и межнациональные конфликты, которые в латентном состоянии присутствуют в Китае многие десятилетия, особенно на национальных окраинах. Как руководитель страны, Дэн Сяопин не мог допустить такой сценарий развития событий, ибо понимал: отказ от декларированного социалистического пути развития, отказ от власти КПК — центрального элемента системы управления страной — гарантированно ввергнут страну в хаос, а возможно, и в полномасштабную гражданскую войну. В сложившихся условиях властью был сделан тяжелый, но социально ответственный выбор — она отстояла свой приоритет в определении направления развития страны, в выборе конкретных мероприятий и темпа проведения социальной модернизации при сохранении полного контроля над этим процессом (Филиппов, 2017).

Руководство Китая, с одной стороны, пыталось отойти от маоистской экономической модели, которая абсолютно не соответствовала нуждам страны с миллиардным населением. С другой стороны, радикальный отказ от государственного патернализма, лишенный какого-либо амортизационного механизма, мог направить развитие социальной ситуации по совершенно бесконтрольному сценарию развития событий. Промежуточный выход был найден в обращении к семейному подряду, что в стране с преимущественно крестьянским населением и сильными патриархальными традициями явилось замещением тотальной патерналистской практики, от которой постепенно отходило государство. Таким образом, даже сущностно меняя социально-экономический уклад, китайское государство не устранилось от контроля над социальной ситуацией, придав ему другую форму и переложив его с государственных органов на членов хозяйственных структур в форме семейного подряда.

Анализируя роль власти в процессе модернизации общества, мы должны выделить те факторы, которые обеспечат реализацию модернизационных мероприятий и на которые власть должна обращать внимание как на своеобразный залог успеха.

В процессе проведения социальной модернизации одним из условий ее успешности является сохранение общественной стабильности. Если преобразования происходят в обществе, не имеющем устойчивых демократических традиций (как это было в Китае и СССР в 80-х годах), то особая ответственность падает на правящую партию, которая ради успеха инициированных преобразований должна отстаивать свою доминирующую роль в общественной жизни, а также право и возможность определять стратегические цели социальной модернизации и располагать достаточным властным ресурсом для мобилизации общества на их достижение. Стабильность, отмечал Дэн Сяопин, является ключом к реформам, ибо без управляемости модернизационными процессами невозможно добиться каких-либо положительных результатов (Скочпол, 2017).

Дэн Сяопин, а за ним и последующие поколения китайских руководителей, отвергли возможность установления в Китае многопартийной системы. Эпоха экономических реформ уже является фактором, провоцирующим социальную напряженность, поэтому руководство Китая не стало усложнять ситуацию одновременным проведением и экономических, и политических реформ. Опыт усиливающихся энтропийных процессов в Советском Союзе заставлял китайское руководство крайне сдержанно относиться к попыткам внедрить западные модели в политическую практику Китая. Исходя из возможностей китайской социально-экономической системы и учитывая негативный опыт СССР, Дэн Сяопин предельно жестко сформулировал свою позицию относительно перспектив политических изменений: «Если мы начали бы болтать о некоей абстрактной демократии, то открыли бы путь расцвету экстремизма, анархии, полностью сломали бы политическую атмосферу спокойствия и единства,

обрекли бы на неудачу четыре модернизации... Китай был бы ввергнут в хаос, разброд, упадок, мрак» (Чжан Шухуа, 1993, с. 35–36). Учитывая, какую колоссальную дезорганизацию внесла, например, в советское общество тотальная критика ленинизма и важнейших составляющих советской идеологии, Дэн Сяопин допускал лишь выборочную критику Мао Цзэдуна, понимая, что критика маоизма неизбежно ударит по авторитету КПК и поставит под сомнение ее легитимность как ведущей политической силы страны (Гринин и др., 2016).

В этом отношении показателен опыт Советского Союза эпохи перестройки. Демократизация вызвала к жизни новые социальные силы, активизировала идеи, альтернативные официальным идеям и ценностям, в результате чего были крайне затруднены целеполагание и сама возможность скоординированных действий, так как некогда общепризнанный центр, формирующий для общества цели и задачи развития — КПСС — утратила свои монопольные позиции в политической сфере.

Вся государственная система Советского Союза базировалась на неразрывном единстве партии и советов различного уровня. Недооценив роль партии в системе государственного управления, Горбачев, после запрета компартии на фоне августовского путча 1991 года, лишился каких-либо рычагов влияния на социально-политические и экономические процессы в стране (Манн, 2018; Тощенко, 2017а).

Приступая к структурным реформам, власти необходимо сделать принципиальный выбор относительно стратегии преобразований, которую можно условно обозначить либо как «советскую» (приоритетна трансформация политической системы), либо как «китайскую» (приоритетно реформирование экономической системы).

Таким образом, можно сделать несколько выводов. Социальная модернизация, являясь ответом на объективные потребности социальной системы, как правило, инициируется властью. Вместе с тем власти не всегда удается сохранить свой приоритет в процессе определения основного вектора модернизации и сохранить управляемость этим процессом. Чтобы избежать потери управляемости, власти, в первую очередь необходимо сохранить общественную стабильность.

Оценивая роль государства как инициатора и координатора модернизационных мероприятий, можно сформулировать следующий методологический принцип: по мере того как все большее количество социальных институтов будут втягиваться в практику модернизации и социальными изменениями будут затрагиваться все большее социальных групп, активность власти должна пропорционально возрастать. Если общество вступило в стадию социальных преобразований, то ради их результативности должен четко соблюдаться следующий принцип: последовательное проведение модернизационных мероприятий и первичность экономических преобразований. Политическая реформа должна быть завершающим этапом социальной модернизации.

Литература

- Гринин Л. Е. Русская революция и ловушки модернизации // Полис. Политические исследования. 2017. № 4. С. 138–155. DOI: 10.17976/jpps/2017.04.10
- Гринин Л. Е., Исаев Л. М., Коротаев А. В. Революции и нестабильность на Ближнем Востоке. М.: Учитель, 2016. 384 с.
- Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа / под ред. М. К. Горшкова, В. В. Пастухова. М.: Весь мир, 2018. 384 с.
- Делюсин Л. П. Китай: полвека — две эпохи. М.: ИВ РАН, 2001. 293 с.
- Дэн Сяопин. Строительство социализма с китайской спецификой: статьи и выступления. М.: Общество дружбы и сотрудничества с зарубежными странами, 2002. 527 с.
- Зарубина Н. Н., Носкова А. В. Образы России: размышляя об эпохах перемен // Полис. Политические исследования. 2019. № 2. С. 173–183. DOI: 10.17976/jpps/2019.02.13
- Манн М. Источники социальной власти: в 4 т. Т. 4. Глобализации, 1945–2011. М.: Дело; РАНХиГС, 2018. 672 с.
- Миронов Б. Н. Модернизация России в XVIII–XX вв. как конвергенционный проект // Социологические исследования. 2018. № 6. С. 91–103. DOI: 10.7868/S0132162518060089
- Портяков В. Я. Экономические реформы в Китае (1979–1999 гг.). М.: ИДВ РАН, 2002. 177 с.
- Розов Н. С. Кризис и революция: поля взаимодействия, стратегии акторов и траектории конфликтной динамики // Полис. Политические исследования. 2017. № 6. С. 92–108. DOI: 10.17976/jpps/2017.06.07
- Розов Н. С. Революционные волны в ритмах глобальной модернизации / Н. С. Розов, Ю. А. Пустовойт, С. И. Филиппов и др. М.: URSS, 2019. 408 с.
- Скочпол Т. Государства и социальные революции: сравнительный анализ Франции, России и Китая. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. 552 с.
- Тощенко Ж. Т. (а) 1917: время превращения идей в материальную силу // Социологические исследования. 2017. № 10. С. 36–43. DOI: 10.7868/S013216251710004X
- Тощенко Ж. Т. (б) Травма общества: между эволюцией и революцией (приглашение к дискуссии) // Полис. Политические исследования. 2017. № 1. С. 70–84. DOI: 10.17976/jpps/2017.01.07
- Филиппов С. И. Условия революционности элит: макроисторический анализ // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, социуме / под ред. И. Т. Касавина, А. М. Фейгельмана. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского, 2017. С. 319–321.
- Цыганков В. В. Типы революционных волн (на материале истории раннего Модерна) // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Ежегодник / под ред. Л. Е. Гринина, А. В. Коротаева, Л. М. Исаева, К. В. Мещериной. Волгоград: Учитель, 2016. С. 263–281.
- Чжан Шухуа. Политические реформы в России и Китае в условиях перехода к рыночной экономике (сравнительный анализ): дис. ... канд. полит. наук. М., 1993. 164 с.

- Чичерин Б. Н. Россия накануне двадцатого столетия // О свободе: антология мировой либеральной мысли (I половина XX века). М.: Прогресс-Традиция, 2000. 693 с.
- Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс, 1996. 416 с.
- Шульц Э. Э. Теория революции. Революции и современные цивилизации. М.: Ленанд; URSS, 2020. 400 с.

References

- Grinin, L. E. (2017). Russkaya revolyuciya i lovushki modernizacii [Russian Revolution and Modernization Traps]. *Polis. Politicheskie issledovaniya [Polis. Policy Studies]*, 4, 138–155. [in Rus.]. DOI: 10.17976/jpps/2017.04.10
- Grinin, L. E., Isaev, L. M., & Korotaev, A. V. (2016). *Revolycii i nestabil`nost` na Blizhnem Vostoke [Revolutions and instability in the Middle East]*. Moscow: Uchitel'. 384 p. [in Rus.].
- Gorshkov, M. K., & Pastuhov, V. V. (Eds) (2018). *Dvadczat` pyat` let social`ny`x transformacij v ocenках i suzhdeniyax rossijan: opy`t sociologicheskogo analiza [Twenty-five years of social transformations in the assessments and judgments of Russians: experience in sociological analysis]*. Moscow: Ves` mir. 384 p. [in Rus.].
- Delyusin, L. P. (2001). *Kitaj: polveka — dve e`poxi [China: half a century — two eras]*. M.: IV RAN. 293 p. [in Rus.].
- De`n Syaopin. (2002). *Stroitel`stvo socializma s kitajskoj specifikoj: stat`i i vy`stupleniya [Building socialism with Chinese specifics: articles and speeches]*. Moscow: Obshhestvo druzhby` i sotrudnichestva s zarubezhny`mi stranami. 527 p. [in Rus.].
- Zarubina, N. N., Noskova, A. V. (2019). Obrazy` Rossii: razmy`shlyaya ob e`poxax peremen [Images of Russia: reflecting on the epochs of change]. *Polis. Politicheskie issledovaniya [Polis. Policy Studies]*, 2, 173–183. [in Rus.]. DOI: 10.17976/jpps/2019.02.13
- Mann, M. (2018). Istochniki social`noj vlasti: v 4 t. T. 4. Globalizacii, 1945–2011 [Sources of social power: in 4 volumes. Vol. 4: Globalization, 1945–2011]. Moscow: Delo; RANHiGS. 672 p. [in Rus.].
- Mironov, B. N. (2018). Modernizaciya Rossii v XVIII–XX vv. kak konvergencionny`j proekt [Modernization of Russia in the XVIII–XX centuries as a convergence project]. *Sociologicheskie issledovaniya [Sociological Research]*, 6, 91–103. [in Rus.]. DOI: 10.7868/S0132162518060089
- Portyakov, V. Ya. (2002). *E`konomicheskie reformy` v Kitae (1979–1999 gg.) [Economic reforms in China (1979–1999)]*. Moscow: IDV RAN. 177 p. [in Rus.].
- Rozov, N. S. (2017). Krizis i revolyuciya: polya vzaimodejstviya, strategii aktorov i traektorii konfliktnoj dinamiki [Crisis and revolution: fields of interaction, strategies of actors and trajectories of conflict dynamics]. *Polis. Politicheskie issledovaniya [Polis. Policy Studies]*, 6, 92–108. [in Rus.]. DOI: 10.17976/jpps/2017.06.07
- Rozov, N. S., Pustovojt, Yu. A., Filippov, S. I., & Cy`gankov, V. V. (2019). *Revolucionny`e volny` v ritmax global`noj modernizacii [Revolutionary waves in the rhythms of global modernization]*. Moscow: URSS. 408 p. [in Rus.].

- Skochpol, T. (2017). *Gosudarstva i social'ny'e revolyucii: sravnitel'ny'j analiz Francii, Rossii i Kitaya* [States and social revolutions: a comparative analysis of France, Russia and China]. Moscow: Izd-vo In-ta Gajdara. 552 p. [in Rus.].
- Toshchenko, Zh. T. (2017a). 1917: vremya prevrashheniya idej v material'nuyu silu [1917: the time of turning ideas into material force]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], 10, 36–43. [in Rus.]. DOI: 10.7868/S013216251710004X
- Toshchenko, Zh. T. (2017b). Travma obshhestva: mezhdu e'vol'yuciej i revolyuciej (priglasenie k diskussii) [Trauma of society: between evolution and revolution (invitation to discussion)]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Policy Studies], 1, 70–84. [in Rus.]. DOI: 10.17976/jpps/2017.01.07
- Filippov, S. I. (2017). Usloviya revolyucionnosti e'lit: makroistoricheskij analiz [Conditions of revolutionary elites: macrohistoric analysis]. In: Kasavin, I. T., & Fejgel'man, A. M. (Eds). *Revolyciya i e'vol'yuciya: modeli razvitiya v nauke, kul'ture, sociume* [Revolution and evolution: models of development in science, culture, society] (p. 319–321). Nizhnij Novgorod: Izd-vo Nizhegorodskogo gos. un-ta im. N. I. Lobachevskogo. [in Rus.].
- Cy'gankov, V. V. (2016). Tipy' revolyucionny'x voln (na materiale istorii rannego Moderna) [Types of revolutionary waves (based on the history of early Modern)]. In: Grinin, L. E., Korotaev, A. V., Isaev, L. M., & Meshcherina, K. V. (Eds). *Sistemny'j monitoring global'ny'x i regional'ny'x riskov: Ezhegodnik* [System monitoring of global and regional risks: Yearbook] (p. 263–281). Volgograd: Uchitel. [in Rus.].
- Chzhan, Shuhua (1993). Politicheskie reformy v Rossii i Kitae v usloviyax perexoda k ry'nochnoj e'konomike (sravnitel'ny'j analiz): PhD (Political Sciences) Dissertation. Moscow. 164 p. [in Rus.].
- Chicherin, B. N. (2000). Rossiya nakanune dvadczatogo stoletiya [Russia on the eve of the twentieth century]. In: *O svobode: antologiya mirovoj liberal'noj my'sli (I polovina XX veka)* [On freedom: an anthology of world liberal thought (I half of the 20th century)]. Moscow: Progress-Tradiciya. 693 p. [in Rus.].
- Shtompka, P. (1996). *Sociologiya social'ny'x izmenenij* [Sociology of social change]. Moscow: Aspekt Press. 416 p. [in Rus.].
- Shul'cz, E'. E'. (2020). *Teoriya revolyucii. Revolyucii i sovremenny'e civilizacii* [Theory of revolution. Revolutions and modern civilizations]. Moscow: Lenand; URSS. 400 p. [in Rus.].

УДК 930.85

DOI: 10.25688/2078-9238.2021.39.3.03

Е. А. Токарева⁽¹⁾

Историческая память, практики коммемораций и современная политическая история

В статье исследуется проблема поиска новой роли и места категории исторической памяти в историко-политическом дискурсе современной России. Отдельно рассмотрены практики коммемораций, свойственные российскому информационному пространству, выражающие политику памяти. Автор, отмечая изменение динамики коммеморации, указывает, что мемориальная модель возоблала над исторической.

Ключевые слова: историческая память; политика памяти; историческая политика; коммеморации; дискурс.

Для цитирования: Токарева Е. А. Историческая память, практики коммемораций и современная политическая история // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2021. № 3 (39). С. 28–36. DOI: 10.25688/2078-9238.2021.39.3.03

⁽¹⁾ Токарева Елена Анатольевна — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории Института гуманитарных наук МГПУ.

Московский городской педагогический университет (МГПУ), 2-й Сельскохозяйственный пр., д. 4, Москва, 129226, Россия.

E-mail: TokarevaEA@mgpu.ru

UDK 930.85

DOI: 10.25688/2078-9238.2021.39.3.03

Elena A. Tokareva⁽¹⁾

Historical Memory, Commemoration Practices, and Contemporary Political History

The article examines the problem of finding a new role and place of the category of historical memory in the historical and political discourse of modern Russia. Separately, we consider the practices of commemorations peculiar to the Russian information space, expressing the policy of memory. The author, noting the change in the dynamics of memory, points out that the memorial model has prevailed over the historical one.

Keywords: historical memory; politics of memory; historical politics; commemorations; discourse.

© Токарева Е. А., 2021

For citation: Tokareva, E. A. (2021). Istoricheskaya pamyat', praktiki kommemoracij i sovremennaya politicheskaya istoriya [Historical Memory, Practices of Commemorations and Modern Political History]. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 3 (39), 28–36. [in Rus.]. DOI: 10.25688/2078-9238.2021.39.3.03

- ⁽¹⁾ Tokareva Elena Anatolievna — PhD (History), Associate Professor, associate professor of the Department of National History of the Institute for Human Sciences. Moscow City University, 2nd Selskohosyaystvenny proezd, 4, Moscow, 129226, Russia. E-mail: TokarevaEA@mgpu.ru

К исходу второго десятилетия XXI века в мире все отчетливее стали проявляться противоречивые последствия глобализации, во многом рассматриваемые в негативном ракурсе их понимания и восприятия обществом. Особенностью этого сложного цивилизационного процесса является нарастающий кризис в духовной сфере, который ставит под угрозу саму возможность сохранения и воспроизводства локальных местных культур, размывая, по сути, национальную идентичность народов и подрывая суверенитет государства. Этим объясняется особый пристальный интерес к проблематике исторической памяти и практике коммемораций со стороны как государства, так и общества.

Рассматривая этот вопрос в контексте современной ситуации в России, обусловленной внутренними и внешними условиями, необходимо использовать понятия «политика исторической памяти» и «историческая политика» для обозначения всей сферы публичных дискуссий в отношении прошлого, т. е. концептуализации, практик коммеморации и построения целостной картины понимания истории. Согласно А. Миллеру, историческая политика — это конфигурация методов, предполагающая «использование государственных административных и финансовых ресурсов в сфере истории и политики памяти в интересах правящей элиты» (Миллер, 2012, с. 19). Как отмечает О. Ю. Малинова, политики чаще всего оперируют свернутыми нарративами, отсылающими аудиторию к материалу, известному по другим источникам. «Соперничающие» нарративы об одном и том же коллективном прошлом отличаются тем, как выстраиваются перспективные связи между событиями и какие звенья исторической цепи «вспоминаются» и (пере)осмысливаются, а какие — намеренно упускаются (Малинова, 2017). Предлагая определенные интерпретации коллективного прошлого, представители властвующей элиты преследуют, как правило, политические цели. По этой причине термины «историческая политика» и «политика памяти» не всегда подходят для описания практики политического использования прошлого. Последнее понятие шире предыдущих, оно описывает любые практики обращения к прошлому в политическом контексте вне зависимости от того, складываются ли они в последовательную стратегию (Малинова, 2015).

В последние годы изучение исторической памяти находится в центре внимания не только среди наиболее активно развивающихся направлений исторических исследований, но также наблюдается возрастающий интерес к этой категории в историко-политическом дискурсе современной России. Это прежде

всего научные исследования данной проблематики в работах А. И. Миллера, О. Ю. Малиновой, А. Дюкова.

Если обратиться к генезису этой категории в историческом контексте, то сама память является мнемоническим парафразом понятия «воспоминания», что позволяет их связать с коллективным бессознательным нарративом, который некоторым образом связывает общность людей на определенной территории общими духовными ценностями и восприятием собственной истории.

Интерес к внеличной памяти (в данном случае она связана с исторической памятью) возникает в отечественной психологической науке в 1970–1980-е годы. Так, В. А. Ребрин (1974), используя термин «социальная память», определяет ее как осуществляемый обществом с помощью специальных институтов, устройств, средств процесс фиксации в общезначимой форме, систематизации и хранения (вне индивидуальных человеческих голов) теоретически обобщенного коллективного опыта человечества, добытого им в процессе развития науки, философии, искусства, знаний и образных представлений о мире (Емельянова, 2019, с. 65).

«К коммеморациям относятся мемориалы, монументы, публичные праздники, юбилеи, похороны и т. п. Как правило, в литературе коммеморативные практики рассматриваются фокусно, т. е. в привязке к практикам мобилизации памяти о конкретном событии, что нашло понимание в рамках концепции “мест памяти” П. Нора» (Ростовцев, Сосницкий, 2014, с. 111). Как отмечал в свое время П. Нора, «сама динамика коммеморации совершенно изменилась. Мемориальная модель возобладала над исторической, что сделало новым — непредсказуемым и капризным — обращение с прошлым. Прошлое утратило свой органичный, безапелляционный и принудительный характер. Имеет значение не то, что прошлое накладывает на нас, а лишь то, что в него вкладывают» (Нора и др., 1999, с. 112).

В России за последние три десятилетия произошла смена парадигмы от отрицания советского прошлого к осторожному принятию и обновлению его как органической части исторической памяти страны, необходимой в качестве формы естественного самовыражения собственной национальной идентичности, крайне необходимой для современного общества постправды. Такое принятие никоим образом не означает полного согласия с основными его нарративами, однако предполагает необходимость признания этого прошлого как части нашей истории со всеми ее противоречивыми страницами.

Здесь необходимо четко понимать, на чем базируется современное общество постправды и какова роль этого явления в формировании постпамяти. Постпамять (от *англ.* postmemory) — это механизм передачи травматического знания и материализованного опыта последующим поколениям. Здесь можно в целом принять утверждение Е. И. Красильниковой и И. А. Вальдмана, что через ценностное отношение к прошлому общество решает проблемы самоопределения и поиска путей развития в будущем. Поэтому актуальным становится формирование критической, научно обоснованной позиции в отношении публичных коммемораций, выражающих политику памяти (Красильникова, Вальдман, 2020, с. 48). В России политика памяти сегодня наиболее явно проявляется

в отношении признания значимых событий для политических субъектов, а также в публичных коммеморативных практиках (памятных мероприятиях, торжествах и мероприятиях государственного уровня). Здесь важно обозначить точные контуры новой роли и места исторической памяти как теоретической категории в современном отечественном историко-политическом дискурсе, обозначить, чем она является для социума на современном этапе развития государства и общества. Как отмечает Ю. А. Сафронова, «выйдя за пределы академического мира, память превратилась в повод и орудие для конфликтов, как в рамках локальных сообществ, так и за их пределами — внутри обществ, государств, на арене международной политики и т. д.» (Сафронова, 2018, с. 12).

Пропагандистское использование истории прошлого для формирования национальной идентичности и оправдания нынешней политики далеко не новость или практика, которую можно отнести исключительно по отношению к России. Однако «войны памяти», которые Россия ведет последние несколько лет с соседними государствами в Восточной Европе, в дополнение к существующим напряженным отношениям между Москвой, Вашингтоном и Брюсселем, повышают актуальность анализа российского политического дискурса, который в последние годы также транслировался на международном уровне через такие СМИ, как *Russia Today* и *Sputnik*, что значительно усилило его потенциальное влияние (Vázquez-Liñán, 2017).

Сегодня необходимо обратить внимание на тот факт, что при передаче исторической памяти важную роль играют эмоциональные механизмы эмпатии, связанные с новейшими мультимедийными технологиями формирования образа прошлого. Следует указать, что «основные установки медиатехнологической обработки массового сознания посредством дискурсов постправды и постпамяти нацелены на замещение рационально-логических компонентов в мышлении публики эффектами эмоциональных потрясений и чувственных переживаний. В итоге производство впечатлений становится для технологов постправды и постистории более значимыми факторами, чем научное изучение реальной доказательной базы» (Русакова, Русаков, 2019, с. 17).

Здесь можно привести множество примеров использования современных пиар и медиатехнологий, характерных для эпохи постправды, которые подменяют серьезный научный и историко-политический дискурс проблемы памяти в межгосударственных отношениях России и ряда стран Восточной Европы и Прибалтики. Наиболее явным примером является манипуляция историческими событиями, последовавшими после подписания пакта Молотова-Риббентропа, и при этом сознательное умалчивание Мюнхенского сговора.

Если рассматривать текущий формат исторического развития России, который происходит в условиях нарастающей конфронтации с коллективным Западом, то нам представляется важным концепт памяти как сопротивления в целях сохранения целостности и национальной идентичности страны. При этом в такой конфронтации историческая память часто используется Западом как инструмент для изменения ментальности и разобщения на постсоветском пространстве.

Задача отечественных историков заключается в правильном его парировании путем полноценного использования интеллектуального ресурса исторической памяти как теоретической категории и коммеморативной практики в современном историко-политическом дискурсе.

По сути, этот процесс перемещается в информационное пространство, где его труднее всего отследить и направить в правильное русло. Наиболее наглядный пример — это отечественная и отчасти зарубежная кинематография. Это и очень спорный с исторической точки зрения фильм «Сволочи» (2006), получивший в 2007 году премию MTV Russia Movie Awards в номинации «За лучший фильм». Это целая серия документально-игровых фильмов А. Пивоварова, показанных в эфире федерального телеканала: «Ржев. Незвестная битва Георгия Жукова» (2009); «Москва. Осень. 41-й» (2009); «Брест. Крепостные герои» (2010); «Вторая ударная. Преданная армия Власова» (2011); «22 июня. Роковые решения» (2011); «Отечественная. Великая» (2011). Фильмы содержат исторические неточности и ошибки, а также дают новую трактовку целому ряду знаковых событий Великой Отечественной войны, что видно уже по их названиям (например, «Брест. Крепостные герои»). В таком же ключе снят художественный фильм «Служу Советскому Союзу», премьера которого прошла 22 июня 2012 года на федеральном телеканале. Это далеко не все примеры подобных информационных атак последнего десятилетия (осознанные это атаки или случайные — вопрос открытый). Из наиболее шумевших событий — опрос на телеканале «Дождь» на тему «Нужно ли было сдать Ленинград, чтобы сберечь сотни тысяч жизней?», прошедший 26 января 2014 года, накануне семидесятилетия полного снятия блокады Ленинграда (Лейман, 2018, с. 410).

Пандемия COVID-19, затронувшая весь мир, внесла свои коррективы и привела к изменению, а также появлению новых информационно-коммуникационных форматов публичных коммеморативных практик, связанных с исторической памятью. В особенности это проявилось в 2020 году, который богат на значимые для отечественной истории памятные даты.

В целях сохранения исторической памяти и в ознаменование 75-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов Указом Президента Российской Федерации от 08.07.2019 № 327 2020 год объявлен в России Годом памяти и славы. Этому событию уделяется внимание как в России, так и на международном уровне. В то время как наследие Великой Отечественной войны занимает важное место в исторической памяти России, многие воспоминания о войне и коммунистическом прошлом намного сильнее различаются в Восточной Европе. Эти сложные и противоречивые исторические нарративы, более известные как «войны памяти», пересекаются с нынешним геополитическим разделением и усугубляют уже существующую напряженность между странами.

Среди множества событий 2020 года, связанных с «войнами памяти» отдельно следует выделить дипломатический конфликт между Россией и Чехией, возникший вследствие демонтажа властями Праги 3 апреля 2020 года памятника маршалу Ивану Коневу. Значительный резонанс также вызвало

принятие Сеймом Польши 9 января 2020 года резолюции, где четко обозначено, что основными виновниками развязывания Второй мировой войны являются два тоталитарных государства — гитлеровская Германия и Советский Союз. Ранее до этого 22 июня 2017 года сейм Польши также принял закон о сносе памятников солдатам Красной армии, освободившим Польшу от фашистов (в памятный день скорби для многих людей на постсоветском пространстве).

В публичном информационном пространстве среди наиболее значимых коммеркативных мероприятий, посвященных Году памяти и славы, следует выделить проект «Дорога памяти», организованный с целью увековечения памяти погибших при защите Отечества. Также сюда можно отнести всенародный исторический проект «Лица Победы» по созданию крупнейшего депозитария данных, отражающего роль каждого, кто внес свой вклад в Великую Победу. В мультимедийном пространстве запущен Всероссийский кинопоказ военных фильмов «Великое кино Великой страны», всероссийский проект форум «Эстафета поколений», посвященный 75-летию Великой Победы и многие другие мероприятия, которые должны помочь сберечь нашу память об этом.

Таким образом, в сложившихся международных условиях преодолевая полученный посттравматический шок от распада СССР и последовавшего в этот период кризиса идентичности, ведется поиск новой роли исторической памяти и ее места в концепте национальной идентичности страны в рамках продолжающегося многие годы историко-политического дискурса. Здесь важное значение продолжают занимать практики коммеморации, которые не всегда являются адекватным ответом на те вызовы, для которых они предназначены. Уделяя много внимания коммеморации, которая увековечивала День победы над фашистской Германией, из поля зрения почти пропал такой же День победы над милитаристской Японией, хотя по значимости он имел не меньшее значение для исторической памяти нашей страны.

При этом, трудно не согласиться с точкой зрения Г. Горновой, по мнению которой современные практики коммеморации приводят к тому, что в коллективной памяти о Великой Отечественной войне в общественном сознании усиленно подкрепляется дискурс триумфа и всячески нивелируется дискурс коллективной травмы (Горнова, 2017). Например, огромные людские потери нашего народа являются символом его мужества и самоотверженности. В то же время, акцентируя внимание на этом, провластные структуры тем самым вызывают критику относительно соизмеримости понесенных жертв войны достигнутыми целями, их целесообразность. Это вызывает в обществе острый дискурс.

Из-за сложившейся ситуации в контексте осознанного принятия новой доктрины исторической политики видится несколько выходов. Во-первых, это возможность задействования ресурса публичной истории. Некоторые спорные моменты, связанные с исторической памятью, следует переводить из плоскости политического дискурса в публичное пространство для выработки качественно иной позиции, которая позволит сгладить наиболее острые углы восприятия отечественной истории.

Во-вторых, современные практики коммеморации следует строить на принципах бережного обращения к прошлому и построению качественно другой мемориальной политики, которая позволит своевременно найти приемлемые для всех заинтересованных сторон ответы на актуальные вопросы современности. Это, в частности, касается снижения уровня конфликтности в межкультурной коммуникации по вопросам, связанным с противоречивыми страницами как отечественной, так и мировой истории, улучшения межстрановых отношений, укрепления политической стабильности в стране и мире. Наиболее удачный пример такой политики — отношения с Финляндией, нормализация отношений с Венгрией.

Итак, политика исторической памяти в последние десятилетия стала неотъемлемой частью историко-политического дискурса в странах бывшего посткоммунистического блока. Политические потрясения, войны и репрессии, обрушившиеся на эти страны в XX веке, оставили после себя неизгладимый след и множество вопросов, на которые до сих пор нет однозначных ответов.

Сегодня многие страны используют историю как оружие против других в попытке получить от этого политические выгоды, а законодательные органы принимают часто противоречивые законы о памяти, определяющие, что можно, а что нельзя говорить о прошлом, вызывая бурю международной критики. По мере того как политические институты формируют всеобъемлющие нарративы национальной памяти, граждане этих стран изо всех сил пытаются заполнить пробелы в понимании своей истории, которая очень часто окрашена сложными и трагическими событиями прошлого.

В отличие от стран бывшего восточного блока, где для решения многих проблем, связанных с исторической памятью, были созданы отдельные национальные институты памяти, улицы и города были переименованы, что часто было против воли некоторых их жителей, старые памятники сносили, а также произошло возвеличивание новых национальных героев, что вызвало кризис в международных отношениях, Россия пошла другим путем. Этот путь во многом вообрал в себя идею преемственности истории и исторической памяти, сохранения общего исторического наследия и преодоления исторических ошибок прошлого на основе диалога и взаимного уважения разных мнений в современном историко-политическом дискурсе. При этом современные практики коммемораций являются стратегическим инструментом поддержания политики памяти как основы сохранения его национальной идентичности и преемственности передачи исторической памяти между разными поколениями.

Литература

- Горнова Г. Коллективная память и практики коммеморации в формировании городской идентичности // Вестник Омского государственного педагогического университета. Серия «Гуманитарные исследования». 2017. № 2. С. 18–21.
- Дюков А. Историческая политика или политическая память // Международная жизнь. 2010. № 1. С. 133–148.

- Емельянова Т. П. Коллективная память о событиях отечественной истории: социально-психологический подход. М.: Ин-т психологии РАН, 2019. 299 с.
- Красильникова Е. И., Вальдман И. А. Политика памяти: исторические символы и коммеморативные практики в системе социально-политической саморегуляции Сибирского региона в XX – начале XXI вв. // Вестник Самарского ун-та. История, педагогика, филология. 2020. № 26 (1). С. 47–54.
- Лейман И. И. Историческая память как объект информационной атаки // Информационные войны как борьба геополитических противников, цивилизаций и различных этосов: сб. тр. Всерос. науч. конференции (г. Новосибирск, 26–27 апреля 2018 г.) / под науч. ред. В. Ш. Сабинова; СибГУТИ. Новосибирск, 2018. С. 407–414.
- Малинова О. Ю. Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: Полит. энциклопедия, 2015. 207 с.
- Малинова О. Ю. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа // ПОЛИТИЯ. 2017. № 4 (87). С. 6–22.
- Миллер А. И. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI века // Историческая политика в XXI веке: сб. ст. / под ред. А. Миллера, М. Липман. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 7–32.
- Нора П., Озуф Ж. де Пюимеж М., Винок М. Франция — память / пер. с фр. Д. Хапаев-вой, научн. конс. пер. Н. Копосов. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. 328 с.
- Ростовцев Е. А., Сосницкий Д. А. Направления исследований исторической памяти в России // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. 2014. Сер. 2. Вып. 2. С. 106–126.
- Русакова О. Ф., Русаков В. М. Дискурс постправды как медиатехнология политики постпамяти // Дискурс-Пи. 2019. № 2 (35). С. 10–26.
- Сафронова Ю. А. Memory studies: эволюция, проблематика и институциональное развитие // Методологические вопросы изучения политики памяти: сб. научн. тр. / отв. ред. А. И. Миллер, Д. В. Ефременко. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. 224 с. С. 11–26.
- Vázquez-Liñán M. Historical memory and political propaganda in the Russian Federation // Communist and Post-Communist Studies. 2017. № 50 (2). P. 77–86. DOI: 10.1016/j.postcomstud.2017.05.004

References

- Gornova, G. (2017). Kollektivnaya pamyat' i praktiki kommemoracii v formirovanii gorodskoj identichnosti [Collective memory and practices of commemoration in the formation of city identity]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Gumanitarny'e issledovaniya» [Bulletin of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Research Series]*, 2, 18–21. [in Rus.].
- Dyukov, A. (2010). Istoricheskaya politika ili politicheskaya pamyat' [Historical politics or political memory]. *Mezhdunarodnaya zhizn' [International Life]*, 1, 133–148. [in Rus.].
- Emel'yanova, T. P. (2019). *Kollektivnaya pamyat' o soby'tiyax otechestvennoj istorii: social'no-psixologicheskij podxod [Collective memory of the events of Russian history: socio-psychological approach]*. Moscow: In-t psixologii RAN. 299 p. [in Rus.].

- Krasil'nikova, E. I., & Val'dman, I. A. (2020). Politika pamyati: istoricheskie simvol'y i kommемorativny'e praktiki v sisteme social'no-politicheskoy samoregulyacii Sibirskogo regiona v XX – nachale XXI vv. [Memory policy: historical symbols and commemorative practices in the system of socio-political self-regulation of the Siberian region in the 20th – early 21st centuries]. *Vestnik Samarskogo un-ta. Istoriya, pedagogika, filologiya* [Bulletin of Samara University. History, pedagogy, philology], 26 (1), 47–54. [in Rus.].
- Lejman, I. I. (2018). Istoricheskaya pamyat' kak ob'ekt informacionnoj ataki [Historical memory as an object of information attack]. In: Sabirov V. Sh. (Ed.). *Informacionny'e vojny' kak bor'ba geopoliticheskix protivnikov, civilizacij i razlichny'x e'tosov: sb. tr. Vseros. nauch. konferencii (g. Novosibirsk, 26–27 aprelya 2018 g.)* [Information wars as a struggle of geopolitical opponents, civilizations and various ethos: Collection of Articles of the All-Russian Scientific Conference (Novosibirsk, April 26–27, 2018)] (p. 407–414). Novosibirsk: SibGUTI. 820 p. [in Rus.].
- Malinova, O. Yu. (2015). *Aktual'noe proshloe: simvolicheskaya politika vlastvuyushhej e'lit'y i dilemmy' rossijskoj identichnosti* [The current past: the symbolic policies of the ruling elite and the dilemmas of Russian identity]. Moscow: Politicheskaya e'nciklopediya. 207 p. [in Rus.].
- Malinova, O. Yu. (2017). Kommемoraciya istoricheskix soby'tij kak instrument simvolicheskoy politiki: vozmozhnosti sravnitel'nogo analiza [Commemoration of historical events as an instrument of symbolic policy: the possibilities of comparative analysis]. *POLITEIA*, 4 (87), 6–22. [in Rus.].
- Miller, A. I. (2012). Istoricheskaya politika v Vostochnoj Evrope nachala XXI veka [Historical politics in Eastern Europe at the beginning of the XXI century]. In: Miller A., Lipman M. (Eds). *Istoricheskaya politika v XXI veke* [Historical politics in the XXI century]: Collection of Articles (p. 7–32). Moscow: Novoe lit. obozrenie. [in Rus.].
- Nora, P., Ozuf, Zh. de Pyuimezh M., & Vinok, M. (1999). Franciya — pamyat' [France — memory] (translated from French D. Khapaeva, scientific translation consultant N. Kopusov). Saint Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta. 328 p. [in Rus.].
- Rostovcev, E. A., & Sosnickij, D. A. (2014). Napravleniya issledovanij istoricheskoy pamyati v Rossii [Directions of research of historical memory in Russia]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo un-ta* [Bulletin of the St. Petersburg University], series 2, 2, 106–126. [in Rus.].
- Rusakova, O. F., & Rusakov, V. M. (2019). Diskurs postpravdy' kak mediatexnologiya politiki postpamyati [Post-Truth Discourse as a Media Technology of Post-memory Politics]. *Discourse-Pi*, 2 (35), 1–26. [in Rus.].
- Safronova, Yu. A. (2018). Memory studies: e'voluciya, problematika i institucional'noe razvitie [Memory studies: evolution, problematics and institutional development]. In: Miller A. I., Efremenko D. V. (Eds). *Metodologicheskie voprosy' izucheniya politiki pamyati* [Methodological issues of studying the politics of memory]: Collection of Articles (p. 11–26). M.; SPb.: Nestor-Istoriya. 224 p. [in Rus.].
- Vázquez-Liñán, M. (2017). Historical memory and political propaganda in the Russian Federation. *Communist and Post-Communist Studies*, 50 (2), 77–86. DOI: 10.1016/j.postcomstud.2017.05.004

УДК 324

DOI: 10.25688/2078-9238.2021.39.3.04

Л. В. Королева⁽¹⁾

Демократизация и код советскости: политический анализ современных российских предпочтений

На долю нашего государства в XX веке выпало немало тяжелых испытаний, в результате которых определенные ступени российской государственности были утрачены, коренным образом изменены либо перестроены. После каждого такого преодоленного этапа общество, раздираемое противоречиями, вновь спланивалось, возрождалось, жило. Что способствовало этому? Сегодня после тридцатилетнего существования обновленной и демократизированной страны мы вновь пытаемся ответить на этот вопрос. Поэтому целью статьи стало выявление зависимости кода советскости и процесса демократизации современного российского общества, влиянию этих факторов друг на друга и анализ последствий этого влияния. В статье рассмотрена происходящая адаптация новых политических институтов, появившихся в России в результате процесса демократизации, таких как права человека, институт президента, парламента, политических партий, — к традиционным социокультурным установкам, проявляющимся в коде советскости. Код советскости берет свое основание в глубинах истории Российского государства, поэтому его можно считать продолжением российского кода. Именно данные коды постоянно оказывают влияние на историческое и современное развитие страны, на ход ее модернизационных преобразований, замедляя или активизируя их. В условиях демократизации российского общества код советскости, в частности, тормозит становление прочных гражданских отношений, основанных на праве и законе, развитии гражданского самосознания и рефлексии. Это находит свое проявление в персонификации лидеров, несущественной роли в обществе политических партий, российского парламента, судебных органов и прочих политических институтов. По-прежнему гражданское общество не разделяет себя с государством, отдавая ему приоритет и право управлять над всем и всеми. В результате граждане продолжают надеяться на президента, а не на себя или же своих представителей в органах власти, не желают влиять на властные структуры, а предпочитают от них дистанцироваться.

Ключевые слова: демократизация; код советскости; российский культурный код; однопартийность; дистанцирование от власти; социальная защищенность; ностальгия по советскому прошлому; гражданское самосознание.

Для цитирования: Королева Л. В. Демократизация и код советскости: политический анализ современных российских предпочтений // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2021. № 3 (39). С. 37–46. DOI 10.25688/2078-9238.2021.39.3.04

- ⁽¹⁾ Королева Лариса Владимировна — кандидат политических наук, доцент.
Московский городской педагогический университет (МГПУ), 2-й Сельскохозяйственный пр., д. 4, Москва, 129226, Россия.
E-mail: KorolevaLV@mgpu.ru
ORCID: 0000-0001-8103-7734

UDK 324

DOI: 10.25688/2078-9238.2021.39.3.04

Larisa V. Koroleva⁽¹⁾

Democratization and the Code of Sovietism: A Political Analysis of Modern Russian Preferences

In the twentieth century, our state suffered a lot of hard trials, as a result of which certain stages of the Russian statehood were lost, radically changed, or rebuilt. And after each such stage overcome, the society, torn by contradictions, again rallied, revived, lived. What contributed to this? Today, after thirty years of being a renewed and democratized country, we are once again trying to answer this question. Therefore, the purpose of the article was to identify the dependence of the code of Sovietism and the process of democratization of modern Russian society, the influence of these factors on each other and the analysis of the consequences of this influence. The article examines the ongoing adaptation of new political institutions that emerged in Russia as a result of the process of democratization, such as human rights, the institution of the president, parliament, and political parties to the traditional socio-cultural attitudes that manifest themselves in the code of Sovietism. The code of Sovietness originates in the depths of the history of the Russian state, so it can be considered a continuation of the Russian code. It is these codes that constantly influence the historical and modern development of the country, the course of its modernization transformations, slowing down or activating them. In the context of the democratization of Russian society, the code of Sovietism in particular hinders the formation of strong civil relations based on law and the law, developed civic consciousness and reflection. This is reflected in the personification of leaders, the insignificant role of political parties, the Russian parliament, the judiciary, and other political institutions in society. As before, civil society does not share itself with the state, giving it priority and the right to rule over everything and everyone. As a result, citizens continue to rely on the president, and not on themselves or their representatives in government, do not want to influence the power structures, and prefer to distance themselves from them.

Keywords: democratization; the code of Sovietism; the Russian cultural code; one-party system; distancing from power; social security; nostalgia for the Soviet past; civic consciousness.

For citation: Koroleva, L. V. (2021). Demokratizaciya i kod sovetskosti: politicheskij analiz sovremenny'x rossijskix predpochtenij [Democratization and the Code of Sovietism: a Political analysis of Modern Russian Preferences]. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 3 (39), 37–46. [in Rus.]. DOI 10.25688/2078-9238.2021.39.3.04

- ⁽¹⁾ *Koroleva Larisa Vladimirovna* — PhD (Politics), Associate Professor.
Moscow City University, 2nd Selskohosyaystvenny proezd, 4, Moscow, 129226,
Russia.
E-mail: KorolevaLV@mgpu.ru
ORCID: 0000-0001-8103-7734

Введение

Тридцать лет в российском обществе идут демократические преобразования в политической сфере. На успех этих преобразований влияют множество факторов, среди которых так называемый код советскости. Как подтверждает накопленный опыт, именно указанный социокультурный индикатор способен затормозить и уже тормозит положительный исход демократической трансформации современной России.

Постановка проблемы

Как влияют традиционные социокультурные факторы на демократические изменения, происходящие в российском обществе в течение последних 30 лет? Какова роль кода советскости в процессе политической модернизации современной России? Почему мы вынуждены учитывать данный фактор? Данная статья предпринимает попытку рассмотреть и проанализировать поставленные проблемные вопросы.

Методология исследования

Основными методами исследования были исторический, компаративный, аналитический. Исторический метод позволил проанализировать отечественную традицию развития социокультурных установок с начала развития Российского государства. Эти установки легли в основание российского культурного кода и кода советскости и повлияли на политические процессы российской государственной системы власти. При помощи компаративного метода можно было в сравнении проследить изменения в демократических предпочтениях современных россиян, произошедшие за последние 10 лет и в самое ближайшее время (за год). Аналитический метод был использован для выявления результатов проведенного исследования. Вся методология была построена на анализе научной литературы политологического и философского направлений, социологических исследований ВЦИОМ, Левада-центра, фонда «Общественное мнение» и других информационных источников.

Результаты исследования

Многочисленные опросы общественного мнения за последние два года, изучающие проблему памяти о советском времени, выявили следующее. В декабре 2019 года интерактивный опрос Общественного телевидения России на тему «Вы бы хотели жить в Советском Союзе?» дал вовсе не неожиданный ответ: 92 % опрошенных сказали «да» (Рудис, 2019). В 2020 году исследования, проведенные «Левада-центром» показали: 75 % россиян считают, что советская эпоха была лучшим временем в истории страны, в целом положительные характеристики советскому времени дают 76 % респондентов (Мухаметшина, 2020). Однако самым невероятным и не обнадеживающим в плане демократии стал результат телевизионного проекта телеканала «Россия» и Института российской истории РАН «Имя России», осуществленный в 2008 году, когда выбирая из всех выдающихся деятелей в истории нашего Отечества, граждане называли три имени в такой последовательности: Александр Невский (524 575 голосов), Петр Столыпин (523 766 голосов), Иосиф Сталин (519 071 голосов) (*«Именем России» стал...*, 2008). Более того, Сталин оказался только уже на первом месте среди выдающихся людей всех времён и народов по опросу «Левада-центра» в 2017 году (*Россияне Советский Союз любят...*, 2020).

Ведь казалось, что совсем недавно, в 1993 году, была принята новая и первая в России либеральная конституция, которая узаконила переход страны к демократическому государству и рыночным отношениям. И вдруг такой откат назад — в тоталитарно-авторитарное прошлое! Только прошлое ли?

Советский период в истории России сформировал свой особенный менталитет, которому присущи как определенные нравственно-психологические качества, так и способы социального поведения, проявившиеся в авторитарном политическом режиме, авторитарных вождях, культах личности, в фактическом отстранении граждан от управления государством, а потому в слабом гражданском обществе и засилье одной политической идеологии. Но, если провести параллели с другими историческими периодами в нашем Отечестве, то мы найдем там те же черты и характеристики. Поэтому совершенно логично говорить о том, что советский код вырос из российского кода. В политической сфере на это указывают патримониализм высшей власти, т. е. управление государством как своим частным владением. Сегодня говорят уже о неопатримониализме в управлении Российским государством. Данный способ предполагает использование старых методов политического руководства по причине невозможности (лучше сказать: неприживаемости) новых способов управления (Фисун, 2010, с. 158–187).

Еще одной характерной чертой, красной нитью прошедшей по российской истории и существующей до сих пор, является синкретизм, т. е. слияние власти и собственности или же их сосредоточение в одних руках. Такое положение не позволяет реформировать общество быстро и по необходимости

или, наоборот, позволяет проводить реформы только тому и так, как позволит стоящий у власти. В результате, а это постоянно подтверждает наша история, реформы в России сменяются контрреформами, а тирании «оттепелями» (Королева, 2020, с. 34–35). Это стало практическим подтверждением закона развития культуры, согласно которому «если нет традиции, нет механизма согласованности между старыми и новыми ценностями, нет общей наследственности, тогда возникает социальный кризис, свидетельствующий о борьбе и противоречиях между старым и новым» (Сухорукова, 2019, с. 47). Отсюда на протяжении тридцати лет возникают бесконечные вопросы о том, нужна ли нам демократия, имеет ли она какие-то специфические черты по сравнению с другими государствами, каковы результаты демократизации в России?

На необходимость демократии для России указывают 52 % опрошенных, которые считают демократию подходящей формой правления для нашей страны, ибо демократия дает возможность гражданам участвовать в управлении государством. С этим согласны 11 % респондентов; кроме того, демократия дает людям права и свободы. За эту формулировку отдали 9 % опрошиваемых. Неподходящей формой правления для России считают демократию 24 % участников опроса, ибо «нет управы, что хотят, то и делают», «у нас уклад и менталитет специфический», «мы люди ведомые, нужно применение силы к нам» (Фонд «Общественное мнение», 2020). Особенно последние размышления граждан доказывают то, что и в современной России по-прежнему ценится сила власти и правителя, от которого ждут всех земных благ. Поэтому-то демократизация не разворачивается в полную меру, а вязнет в многочисленных препонах законодательства, исполнителей чиновников, низком гражданском самосознании населения. Более того, Всемирное исследование ценностей по России регулярно дает результат: спрос на демократию в России ниже не только, чем в Швеции (Inglehart et al., 2008), Германии (Delhey et al., 2011) и США (Welzel, 2007, 2013), и это понятно, но он ниже, чем в Японии, Южной Корее и Китайской Народной Республике (Семенец, 2020).

С момента провозглашения демократизации в начале 90-х годов XX века в стране созданы новые демократические органы государственной и муниципальной власти, постоянно реформируется избирательная система, политические партии от количественных показателей (двести партий в конце 90-х годов XX в.) должны были бы перейти в качественные, т. е. периодически сменяться в парламенте, иметь большое число сторонников. Вместо этого в Государственной Думе с 2003 года засилье одной партии — «Единой России», по-прежнему нет настоящей конкуренции между партиями за избирателей, нет оппозиции — ни системной, ни внесистемной, а критерий наличия оппозиции как признака демократичности общества у нас один из самых низких по сравнению с Западом. Опять страна поворачивает назад к однопартийности, позволяя управлять собой без всяких ограничений. Снова патерналистское сознание в виде господства одной партии, одной личности, самого

государства над обществом не дает нам прочно встать на демократический путь развития.

Поэтому на сегодняшний день вновь остро стоит вопрос о сменяемости президентской власти в России, поскольку, пренебрегая всеми демократическими правилами, во главе государства уже двадцать лет находится один и тот же человек. Поэтому то, что несмотря на поправки к Конституции РФ 1993 года, которые де-юре ограничили пребывание одного человека на президентском посту двумя сроками, население продолжает думать обратное. Опрос «Левада-центра» показал: 47 % россиян не сомневаются в том, что поправки внесены только для продления президентского срока В. В. Путина (Мухаметшина, Корня, 2020).

При этом центральное место поправки уделяют именно реформированию политической сферы, разворачивая ее на путь смешанной формы правления. Теперь при новой системе государственного управления президент передает часть своих полномочий и ответственности парламенту (*Новый текст Конституции РФ...*, 2020, ст. 83 а), д), ст. 103.1, ст. 107, 108). Более того, избиратели должны будут более тщательно голосовать на выборах за своих кандидатов в депутаты, поскольку именно от их волеизъявления зависит функционирование кабинета министров и его главы. Только будет ли это? Чисто по-русски звучит ответ и о роли конституции в жизни общества. Больше всего респондентов — 30 % — считают, что ее роль несущественна (Мухаметшина, Корня, 2020). Таким образом, зачем знать закон и жить по закону, когда он ничего не значит. Следовательно, по-прежнему политические институты играют незначительную роль в жизни общества, а большинство населения не считает возможным в них участвовать и к ним обращаться. Например, 43 % граждан в 2017 году считали, что Государственная дума РФ не нужна, можно руководствоваться указами Президента РФ (Королева, 2017, с. 106).

В то же время большое внимание в обновленной Конституции РФ уделено социальному благосостоянию населения. Здесь главными положениями россияне посчитали: доступность и качество медицинского обслуживания (95 %), признание детей приоритетным направлением государственной политики и обязательное предоставление им социальной поддержки (93 %), ежегодная индексация пенсий (92 %) (Пересыпкина, 2020). Следовательно, как и в советские времена, граждане надеются на защиту со стороны государства и одобряют в первую очередь его социальную направленность. Само государство также выбирает своим приоритетом именно социальную политику. Это особенно стало заметным в начале пандемии G19; можно даже сказать, что благодаря целенаправленной деятельности правительства и президента Россия справляется со сложной эпидемиологической и экономической ситуацией. В данном случае авторитаризм власти только тому способствует. С другой стороны, дистанцирование и боязнь власти остаются.

Так, исследования, проведенные А. А. Аузаном в 2019–2020 годы, выявили следующее: если в 2019 году очередность в предпочтении таких ценностей

как свобода, справедливость и эффективность государственного управления, у населения России была расположена именно в такой последовательности, то в 2020 году она выглядела уже иначе: справедливость, свобода, эффективность. Сегодня по словам самого А. Аузана предпочтения россиян представляются так: эффективность государственного управления, справедливость и свобода (Семенец, 2020).

Очевидно то, что вновь на государство возлагается ответственность за настоящее и будущее граждан, ему отводится главная роль в процессе преобразований и второстепенная роль отдается народу, который по-прежнему добровольно дистанцируется от власти.

Заключение

Указанные предпочтения россиян не просто представляют собой ностальгию по спокойной, стабильной и предсказуемой жизни, которая была, по их мнению, в Советском Союзе. Изменения, вызванные демократизацией общества и государства, совершили революцию в политическом устройстве и экономике, но до конца не перевернули сознание граждан, тем более их культурный код, в котором рука об руку шагают махровый индивидуализм и коллективное начало, выручка, взаимопомощь и полное безразличие ко всему по принципу «моя хата с краю», требование свободы, демократии и нежелание участвовать непосредственно в воплощении этих постулатов. Бесконечные дилеммы российско-советского прошлого и настоящего спустя тридцать лет никуда не уходят, поскольку давно растворились в житейской повседневности и стали социокультурными установками граждан. Они остаются вместе с кодом советскости в качестве его составной части.

Литература

- «Именем России» стал Александр Невский [Электронный ресурс] // Российское новостное интернет-издание «Lenta.ru». 2008. 29 декабря. URL: <https://lenta.ru/news/2008/12/28/namerussia/> (дата обращения: 17.04.2021).
- Королева Л. В. Некоторые критерии эффективности российского парламентаризма на современном этапе // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2017. № 3 (23). С. 103–111.
- Королева Л. В. Влияние социокультурных особенностей на становление и развитие государственного управления современной России // Россия – Китай: управление обществом в цифровую эпоху / науч. ред.: М. Ю. Захаров, И. Е. Старовойтова. М.: ГУУ, 2020. 290 с.
- Мухаметшина Е. Три четверти россиян считают советскую эпоху лучшей в истории страны [Электронный ресурс] // Ведомости. 2020. 24 марта. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/03/23/825985-tri-chetverti> (дата обращения: 16.04.2021).

- Мухаметшина Е., Корня А. Почти половина россиян уверены, что Конституция меняется ради сохранения Путина у власти [Электронный ресурс] // Ведомости. 2020. 31 января. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2020/01/30/821904-popravki-konstitutsiyu> (дата обращения: 16.04.2021).
- Новый текст Конституции РФ с поправками 2020 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Государственной Думы. URL: <http://duma.gov.ru/news/48953/> (дата обращения: 16.04.2021).
- Пересыпкина Т. Россияне назвали наиболее важные поправки в Конституции [Электронный ресурс] // Сетевое издание газеты «Республика Башкортостан». 2020. 24 марта. URL: <https://resbash-ru.turbopages.org/resbash.ru/s/news/politika/Rossiyanе-nazvali-naibolee-vagnie-popravki-v-Konstitutsiyu-182845/> (дата обращения: 17.04.2021).
- Россияне Советский Союз любят, но возвращаться туда не хотят. [Электронный ресурс] // Левада-Центр — От мнений — к пониманию: сайт. 2020. 24 марта. URL: <https://www.levada.ru/2020/03/24/tri-chetverti-rossiyan-schitayut-sovetskuyu-epohluchshej-v-istorii-strany/> (дата обращения: 17.04.2021).
- Рудис Ж. 92 % россиян хотят вернуться в СССР. Мнение Медведева: «идеализировать Советский Союз не надо» [Электронный ресурс] // КОНТ | Платформа для социальной журналистики. 2019. 7 декабря. URL: <https://cont.ws/@jakrudis/1523822> (дата обращения: 16.04.2021).
- Семенец А. Нам всем предстоит выбор между свободами и безопасностью [Электронный ресурс] // Росбалт — Новости России и мира сегодня. 2020. 11 августа. URL: <https://www.rosbalt.ru/moscow/2020/08/11/1858112.html> (дата обращения: 17.04.2021).
- Сухорукова О. А. Нация и культура в учении Н. С. Трубецкого // Евразийский проект модернизации России: история и современность: колл. монография. М.: Издательские решения, 2019. 188 с. С. 48–60.
- Фисун А. А. К переосмыслению постсоветской политики: неопатримониальная интерпретация // Политическая концептология. 2010. № 4. С. 158–187.
- ФОМ MEDIA — проект Фонда «Общественное мнение»: интернет-газета. URL: <https://fom.ru/>
- Delhey J., Newton K., Welzel C. How General is Trust in “Most People”? Solving the Radius-of-Trust Problem // American Sociological Review. 2011. Vol. 76 (5). P. 786–807.
- Inglehart R. F. Development, Freedom, and Rising Happiness: A Global Perspective 1981–2006 / R. F. Inglehart, R. Foa, Ch. Peterson et al. // Perspectives on Psychological Science. 2008. Vol. 3 (4). P. 264–285.
- Welzel C. Are Levels of Democracy Influenced by Mass Attitudes? // International Political Science Review. 2007. Vol. 28 (4). P. 397–424.
- Welzel C. Freedom Rising: Human Empowerment and the Quest for Emancipation. New York: Cambridge University Press, 2013. 472 p.

References

- «Imenem Rossii» stal Aleksandr Nevskij [«The name of Russia» was Alexander Nevsky] (2008). *Rossiiskoe novostnoe internet-izdanie «Lenta.ru»*, 29 dekabrya [Russian

- online news publication «Lenta.ru», December 29]. [in Rus.]. Retrieved from <https://lenta.ru/news/2008/12/28/namerussia/> (accessed: 17.04.2021).
- Koroleva, L. V. (2017). Nekotory'e kriterii e'ffektivnosti rossijskogo parlamentarizma na sovremennom e'tape [Some criteria for the effectiveness of Russian parliamentarism at the present stage]. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 3 (23), 103–111. [in Rus.].
- Koroleva, L. V. (2020). Vliyanie sociokul'turny'x osobennostej na stanovlenie i razvitie gosudarstvennogo upravleniya sovremennoj Rossii [The influence of sociocultural features on the formation and development of public administration in modern Russia]. In: Zaxarov M. Yu., Starovojtova I. E. (Eds). *Rossiya – Kitaj: upravlenie obshhestvom v cifrovuyu e'poxu. [Russia – China: Managing society in the Digital Age]*. Moscow: GUU. 290 p. [in Rus.].
- Mukhametshina, E. (2020). Tri chetverti rossiyan schitayut sovetскую e'poxu luchshej v istorii strany' [Three-quarters of Russians consider the Soviet era to be the best in the country's history]. In: *Vedomosti*. 24 marta. [Vedomosti. March 24] [in Rus.]. Retrieved from <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/03/23/825985-tri-chetverti> (accessed: 16.04.2021).
- Mukhametshina, E, Kornya, A. (2020). Pochti polovina rossiyan uvereniy', chto Konstituciya menyaetsya radi soxraneniya Putina u vlasti [Almost half of Russians believe that the Constitution is being changed to keep Putin in power]. In: *Vedomosti*. 31 yanvarya. [Vedomosti. January 31] [in Rus.]. Retrieved from <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2020/01/30/821904-popravki-konstitutsiyu> (accessed: 16.04.2021).
- Novy'j tekst Konstitucii RF s popravkami 2020 [New text of the Constitution of the Russian Federation as amended 2020] (2020). In: *Oficial'ny'j sayt Gosudarstvennoj Dumy'* [The official website of the State Duma]. [in Rus.]. Retrieved from <http://duma.gov.ru/news/48953/> (accessed: 16.04.2021).
- Peresy'pkina, T. (2020). Rossiyanе nazvali naibolee vazhny'e popravki v Konstitucii [The Russians named the most important amendments to the Constitution]. In: *Setevoe izdanie gazety' «Respublika Bashkortostan»*. 24 marta. [Online edition of the newspaper «Republic of Bashkortostan». March 24]. [in Rus.]. Retrieved from <https://resbash-ru.turbopages.org/resbash.ru/s/news/politika/Rossiyanе-nazvali-naibolee-vagnie-popravki-v-Konstitutsiyu-182845/> (accessed: 17.04.2021).
- Rossiyanе Sovetskij Soyuz lyubyat, no vozvrashhat'sya tuda ne xotyat. [Russians love the Soviet Union, but they don't want to go back there] (2020). In: *Levada-Centr — Ot mnenij — k ponimaniyu: sayt*. 24 marta. [Levada-Center — From opinions to understanding: website. March 24]. [in Rus.]. Retrieved from <https://www.levada.ru/2020/03/24/tri-chetverti-rossiyan-schitayut-sovetskuyu-epohu-luchshej-v-istorii-strany/> (accessed: 17.04.2021).
- Rudis, Zh. (2019). 92 % rossiyan xotyat vernut'sya v SSSR. Mnenie Medvedeva: «idealizirovat' Sovetskij Soyuz ne nado» [92% of Russians want to return to the USSR. Medvedev's opinion: «it is not necessary to idealize the Soviet Union»]. In: *KONT | Platforma dlya social'noj zhurnalistiki*. 7 dekabrya. [KONT | Platform for Social Journalism. December 7]. [in Rus.]. Retrieved from <https://cont.ws/@jakrudis/1523822> (accessed: 16.04.2021).

- Semenets, A. (2020). Nam vsem predstoit vy`bor mezhdu svobodami i bezopasnost`yu [We all have to choose between freedom and security]. In: *Rosbalt — Novosti Rossii i mira segodnya*. 11 avgusta. [*Rosbalt — News of Russia and the world today*. August 11] [in Rus.]. Retrieved from <https://www.rosbalt.ru/moscow/2020/08/11/1858112.html> (accessed: 17.04.2021).
- Sukhorukova, O. A. (2019). Naciya i kul`tura v uchenii N. S. Trubetskogo [Nation and culture in the concept of N. S. Trubetskoy]. In: *Evrazijskij proekt modernizacii Rossii: istoriya i sovremennost`*: koll. monografiya. [*Eurasian project of modernization of Russia: history and modernity*: collective monograph]. Moscow: Izdatel'skie resheniya. 188 p. [in Rus.].
- Fisun, A. A. (2010). K pereosmy`sleniyu postsovetsoj politiki: neopatrimonial`naya interpretaciya [To rethink Post-Soviet Politics: a neopatrimonial interpretation]. *Political Conceptology*, 4, 158–187. [in Rus.].
- FOM MEDIA — proekt Fonda «Obshhestvennoe mnenie»: internet-gazeta [FOM MEDIA — project of the Public Opinion Foundation: online newspaper] (2020). [in Rus.]. Retrieved from <https://fom.ru/>
- Delhey, J., Newton, K., & Welzel, C. (2011). How General is Trust in “Most People”? Solving the Radius-of-Trust Problem. *American Sociological Review*, 76 (5), 786–807.
- Inglehart, R. F., Foa, R., Peterson, Ch., & Welzel, C. (2008). Development, Freedom, and Rising Happiness: A Global Perspective (1981–2007). *Perspectives on Psychological Science*, 3 (4), 264–285.
- Welzel, C. (2007). Are Levels of Democracy Influenced by Mass Attitudes? *International Political Science Review*, 28 (4), 397–424.
- Welzel, C. (2013). *Freedom Rising: Human Empowerment and the Quest for Emancipation*. New York: Cambridge University Press, 472.

UDK 004.8

DOI: 10.25688/2078-9238.2022.39.3.05

Robert P. Lockard⁽¹⁾,
Olesya A. Zmazneva⁽²⁾,
Ilya N. Volnov⁽³⁾

Artificial Intelligence: Are Humans Protected from the Systems They Created?¹

The article appeared as a result of the main theses made on the Open International public discussion with both scientists and industrial participants from the USA, France and Russia that took place in Moscow Polytechnical university in April 2021. The questions under review are devoted to strength, weaknesses, opportunities and threatens that Artificial Intelligence brings to our life. AI have already changed the way we live and work. And from one side, AI can rewrite the social rules and human cognitive bias. At the same time humans can stay on a control position to AI by having risen from the level of intelligence, capable of working with the new as a new combination on a given set of known elements, to the level of thinking, capable of generating something else that is absent in the previous human experience and to the level of meanings that are inalienable from its storage medium. The authors, cybersecurity specialist Robert P. Lockard (USA) and scientists Ilya N. Volnov (MosPolytech) and Olesya A. Zmazneva (IT-department, MosPolytech, Russia) tried to look at AI connected questions from both pragmatic and philosophical points of view.

Keywords: AI; Artificial Intelligence; new skills; social rules; cognitive abilities.

For citation: Lockard Robert, P., Zmazneva, O. A., & Volnov, I. N. (2021). Artificial Intelligence: Are humans protected from the systems they created? *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 3 (39), 47–55. DOI: 10.25688/2078-9238.2022.39.3.05

- ⁽¹⁾ *Lockard Robert P.* — an Oracle ACE Director, recognized internationally for his work in securing databases systems and is the winner of the 2015 Oracle Developers Choice Award for database design. The author of the book «Oracle Database Application Security» (2018).

¹ Текст печатается в авторской редакции (The text is printed in the author's edition).

Oracle ACE Director (USA).

E-mail: rob@oraclewizard.com

- (2) *Zmazneva Olesya Anatolievna* — PhD (Philology), Associate Professor, associate professor of infocognitive department Moscow Poly.

Moscow Polytechnical University, Bolshaya Semyonovskaya st., 38, Moscow, 107023, Russia.

E-mail: ozmazneva@gmail.com

- (3) *Volnov Ilya Nikolaevich* — PhD (Engineering).

Moscow Polytechnical University, Avtozavodskaya st., 16, Moscow, 115280, Russia.

E-mail: ilja-volnov@yandex.ru

УДК 004.8

DOI: 10.25688/2078-9238.2022.39.3.05

Роберт П. Локард⁽¹⁾,

О. А. Змазнева⁽²⁾,

И. Н. Вольнов⁽³⁾

Искусственный интеллект: защищен ли человек от созданной им системы?

Статья представляет собой ряд основных тезисов, которые были сделаны ее авторами на Международной публичной онлайн-дискуссии представителей академического и индустриального сообществ России, Америки и Европы, состоявшейся в Московском политехническом университете в рамках Международного телемоста в апреле 2021 года. Основными вопросами, которые ставят перед собой авторы, являются вопросы недостатков и преимуществ систем искусственного интеллекта, их возможности и потенциальные угрозы для человека, их создавшего. Уже сегодня искусственный интеллект трансформировал социальные практики. И, с одной стороны, AI может существенно изменить социальные основы и поведенческие паттерны. Но, с другой стороны, человек имеет возможность контролировать AI, поднявшись с уровня интеллекта, оперирующего отчуждаемой от своего носителя информацией, на уровень смыслов, не отчуждаемых от своего носителя; с уровня интеллекта, способного работать с новым как новой комбинацией на заданном множестве известных элементов, на уровень мышления, способного порождать иное — отсутствующее в предыдущем опыте человека. Авторы рассматривают эти проблемы как в философском, так и в прагматическом аспектах.

Ключевые слова: AI; искусственный интеллект; новые навыки; социальные правила; когнитивные возможности.

Для цитирования: Локард Роберт П., Змазнева О. А., Вольнов И. Н. Artificial Intelligence: Are humans protected from the systems they created? [Искусственный интеллект: защищен ли человек от созданной им системы?] // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2021. № 3 (39). С. 47–55. DOI: 10.25688/2078-9238.2022.39.3.05

- (1) *Роберт П. Локард* — специалист по кибербезопасности, автор книги «Oracle Database Application Security» (2018).
Oracle ACE Director (США).
E-mail: rob@oraclewizard.com
- (2) *Змазнева Олеся Анатольевна* — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры инфокогнитивных технологий Московского политеха.
Московский политехнический университет, Большая Семеновская ул., д. 38, Москва, 107023, Россия.
E-mail: ozmazneva@gmail.com
- (3) *Вольнов Илья Николаевич* — кандидат технических наук.
Московский политехнический университет, Автозаводская ул., д. 16, Москва, 115280, Россия.
E-mail: ozmazneva@gmail.com

Introduction: philosophical approach

We've had three industrial revolutions: the steam engine, mass production, and the digital era. Each of these changed the way we live and work. The fourth industrial revolution is AI (Schwab, 2017). And the opposition that is often discussed today is «Human vs AI».

Lets start with considering some features of human intellectual activity. To do this, we will distinguish at least 2 levels in the structure of consciousness — intelligence and thinking. Often in modern psychology, neurophysiology and in the developers' environment (Vedyahin, 2021, p. 30), these terms do not differ and are considered synonymous. The maximum that AI developers can distinguish between is artificial intelligence (AI) and the phenomenon of consciousness (Tegmark, 2017), but we will show their fundamental difference and in this difference we will indicate the possibility of compensatory mechanisms.

Intelligence can be understood as a personalized mechanism for working with information for processing it into other types of resources according to known rules and algorithms (Schwab, 2017). It ensures the survival of the individual and is characterized by utilitarianism, a focus on the material, the desire for efficiency and simple, effective, pre-understandable, well-defined results. Beyond the boundaries of the intellect is thinking, understood as its opposite. Thinking can be defined as the ability of a person to perform activities that go beyond biological instincts and expedient behavior, it is not utilitarian and is turned to the ideal. Thinking tends towards complexity and uncertainty, and prefers the interesting to the effective. Thinking, unlike intelligence, is able to distinguish good from good, good from evil, new from different, important from unimportant.

In this comparison, we understand that AI is able to take over only the intellectual part of a person's consciousness.

Alan Turning said “machines can be constructed which will simulate the behaviour of the human mind very closely” (Turing, 1996, p. 256–260). Because the human brain is about two pounds of matter, it was assumed that we could create

Artificial Intelligence that mimicked the human brain. It was not until 1997 when Deep Blue beat Garry Kasparov, the world chess champion that AI was approached with a different mind set. Researchers did not look at how humans played chess, the researchers at IBM focused on playing chess well. This was a completely different approach from early AI research that focused on how humans accomplish a job; this is also when researchers started to be practical.

AI doesn't need to accomplish the task as a human would do it, it just need to do the task well. This is an important point that will keep people from being blindsided by the abilities of AI.

Thinking for AI intelligence is apparently not available and will remain another cognitive limit to the possibility of its development. As we have already seen, the problem here is not that the machine begins to think like a person. The problem is that a person starts thinking like a machine. A person voluntarily renounces thinking from that part of his consciousness that is not formalized and, therefore, cannot be digitized.

It is in thinking that the mechanisms of overcoming AI by a person, its cognitive advantages and the very possibility of holding a controlling position to AI are found. Let's list them:

- Despite the fact that a person psycho-physiologically can not work with big data (at the same time we can not hold more than 7–9 units of information in the mind), a person is able to work with “deep” data, i. e. in big data to distinguish important, necessary and significant information from unimportant, unnecessary and irrelevant. This is how our thinking works: it reduces big data to deep data, discarding redundant information, and builds a model for making the right decision based on the latter. All classical science is built according to this scheme.

- Intelligence works with information, thinking works with flushes. The difference between information and meanings is that information can be alienated from a person, but meanings cannot. This means that the AI works only with meanings reduced to information, and therefore such information will always be incomplete. No matter what big data is used by AI, they are always incomplete, and in the decisions made by artificial intelligence, there is a small, but fundamentally irremediable error.

- One of the arguments of the supporters of strong AI is that a person is not able to make good decisions quickly. However, this argument is valid only at the level of intelligence, at which the loss of human AI became obvious quite a long time ago, starting with the defeat of G. Kasparov to the chess supercomputer “Deep Blue”. But this statement is unfair for the level of thinking, where a person can instantly make the right decisions and there are enough examples of this. It is enough to list a few famous names of mathematicians Sofia Kovalevskaya and Srinivas Ramanujan, physicist Nikola Tesla. Russian shipbuilder Peter Akindinovich Titov, chief engineer of the Franco — Russian Shipbuilding Plant in St. Petersburg and an employee of the famous academician-shipbuilder A. N. Krylov, may be mentioned among the less well-known personalities. P. A. Titov did not have a special education, was not properly educated, but was the author of a lot of inventions.

Which he made “by eye”, and when people who received a European education came to check it, it turned out that all the sizes assigned by Titov strictly coincided with the scientific formulas.

– Through thinking, a person can work with environments characterized as infinite. Thus, within the framework of the probabilistically oriented model of consciousness created by prof. V. V. Nalimov (Vedyahin, 2021), the fundamental possibility of connecting our consciousness with the “semantic vacuum” — an infinite environment containing all possible meanings of the world and extracting specific meanings from it in certain life situations is shown. The ultimate transition from big data to infinite data is also apparently inaccessible to AI and is another of its cognitive limitations.

AI: cases, experience, facts, pragmatical approach

The fourth industrial revolution we live inside brought, as we have already said, by AI. One of the most popular threats is that AI will eliminate jobs. But the fact is that in the past 100 years only one job has been completely eliminated: the elevator operator (Klein, 2019). If you also look at wages and quality of life over the past 100 years, these three industrial revolutions have increased wages and improved quality of life for everyone.

As AI gets better at specific tasks than humans, we can use the AI machine to augment our work, and improve the quality of life. We are already seeing AI based medical systems bringing advanced medical care to remote villages (Guo, Li, 2018), and AI based fraud detection systems improve financial services. When the Automated Teller Machine (ATM) first came about, there was discussion that bank tellers would be eliminated. This turned out to be false, the number of bank tellers increased over the past thirty years. ATM's allowed bank tellers to spend more time with customers to provide better financial services. “AI could contribute up to \$ 15.7 trillion to the global economy in 2030, more than the current output of China and India combined. Of this, \$ 6.6 trillion is likely to come from increased productivity and \$9.1 trillion is likely to come from consumption-side effects.” Economic forces will continue to drive AI forward in both research and implantation. We'll continue to find new ways to put AI to work; many of these will be incremental improvements to the way we work, such as AI Operations in the data center that detect something going wrong and can be corrected before it becomes a large issue. Or AI in the diagnosis of disease; catching a medical issue before it becomes life threatening.

AI can rewrite the rules and our cognitive bias. Because AI requires massive amounts of information to learn, it can and will find patterns in the data that we as humans don't see. This is because of two reasons, our cognitive bias, and the sheer amount of information AI can process. Our cognitive bias is a filter that causes us to overlook information that may be relevant. Let's consider AlphaGo; in it's

thirty-seventh move of the second game against Lee Sedol, AlphaGo placed a stone on the fifth line from the edge. This threw Lee Sedol for a loop; for thousands of years of the game go, there has always been the rule of thumb; avoid placing a stone on the fifth line from the edge (Hassabis, 2017). Why did AlphaGo make that move? This exposes an issue with AI, it will do things that are unexpected, and we are at a loss to understand the logic. This has led to research into understanding the logic behind why AI produces some results. AI does not equal nor does it need to equal human intelligence. It is because of this, we're going to see AI making more inroads into the job market; and some of those inroads will come as a surprise.

As a society we define jobs from the top down. Someone is an Accountant, Lawyer, Doctor, Professor, or Truck Driver, etc. Where AI and Automation in general work is from the bottom up; accomplishing discrete tasks that can be automated, freeing people up to focus on the tasks that require a human to perform. If a task has a well defined goal, there is enough training data, and we can define when that goal is achieved, then there is a high probability that task can be automated (Brynjolfsson, Mitchell, 2017). There will be a chipping away at the corners of the task we perform in our work; bringing us more time to work on interesting tasks that AI can not do. Now just because AI can not do it now, does not mean it won't be able to do it in the future. Kai Fu Lee, in "AI Superpowers: China, Silicon Valley, and the New World Order" said "50 % of all jobs will be automated by AI inside of 15 years" (Lee, 2018, c. 155). We are not so much of a pessimists and believe the issue is much more nuanced. If you spent time writing out what AI can not do, by the time you're done, you'll need to restart your list.

Just as the ATM became the coworker of the bank teller, we believe as AI advances, it will become our coworker, augmenting our abilities, helping us make better decisions, and take over work that is dangerous for humans to do. When Oracle developed the Autonomous Database, that freed up Database Administrators (DBA) to focus on more interesting work. The database administrator knows the data he/she is responsible for better than anybody else. So, database systems that migrated over to the autonomous database freed their database administrators to become the de facto data scientist for the organization. This involved additional education in data science, and those DBA's that undertook the transition to data science were rewarded with more interesting work, and higher salaries, a 10.4 % salary increase in the US National Average (*Glassdoor salaries survey*, 2020).

With AI, jobs will evolve, and some will become less prevalent. In 1950, there were 342,000 telephone operators working for Bell Telephone Systems, in 2020, there were 4,630 telephone operators in the United States (*US Bureau of Labor Statistics*). The decline in telephone operators was a direct impact from advancing technologies. In the future we can see truck drivers, and taxi drivers impacted by advances in autonomous vehicles the same way as the telephone operator. As these jobs disappear, other jobs will take their place. AI will be a slow encroachment in all of our careers, gradually taking over the tasks we need to do. Because of this,

we'll need to rethink parts of our education systems and social safety nets to prevent people from becoming unproductive members of society.

Society has used the model of going to school and getting an education for the first twenty – twenty five years of life to get prepared for a career. Till today the situation looked like this: once you have chosen your selected career, in many industries, there is little continuing education. The information technology industry demands continued education simply to stay relevant. In 1979, the computer had 8K of memory, you loaded the bootstrap by hand, programs, and data was stored on tape. That skill to operate that computer system served well in 1979; however, today it's not much more than trivia. The mindset of continued education should be adapted to other industries that will be impacted by AI and automation.

People will be displaced with the advances in AI, if they don't have a constant learning stream, and guidance on where to focus their learning, people will fall into unemployment or underemployment, putting a burden on society. There is another side of this we tend to ignore, that is the impact on unemployment/underemployment on the person. Many people get a large part of their identity from the work they do, and without that work, there is an increase in mental health issues (Linn et al., 1985). AI will make its biggest impact initially in jobs that have little social interaction and require little dexterity. These would be jobs like, product inspection, garment worker, and truck driver. Although these jobs may not get completely eliminated, AI will make a large impact, reducing the number of people employed in these fields.

What are the skills people need to start picking up to make the ride into the AI revolution as smooth as possible? Two of the most prized skills for the future will involve Creativity and Social based skills (Zmazneva, 2016). These will be careers such as Public Relations, Criminal Defence Attorney, and Social Worker (Kai-Fu, 2018). All of the skills are high in human interaction and creativity; places where AI is stubbornly not able to make much headway in. Even in these "safe" jobs, there will be tasks that AI can perform, improving the decisions made, deciding on the proper way to frame a message before giving it. Because of this, we need to be prepared to adapt as AI takes on tasks we are accustomed to doing ourselves.

In the end, AI will improve the human experience: freeing up people to do interesting things in their work, removing the dull tasks few people enjoy doing, improving healthcare outcomes, and the increase in global GDP by \$ 15.7 Trillion by 2030, will increase wages across the board. Humans need to be ready to adapt.

Conclusion

At the level of intelligence, no one is protected from AI, especially a developer. As a programmer, a developer is forced to think in an artificial programming language that is extremely linear and unambiguous. That is, the strengths of natural languages in their nonlinearity, ambiguity and a wide semantic range of words,

reflected in the flexibility of the consciousness of the speaker of these languages, are completely absent here.

A person (any person), especially a programmer, in principle, cannot work with big data and obviously loses to AI in this field.

Human cognitive abilities are deployed in a different direction — in the ability to work with deep data, i. e. with valuable information and meanings. It is in this field that protection from AI should be sought, but in this field social groups engaged in various types of intellectual activity such as science and philosophy feel confident.

It is possible to remain in a control position towards AI by:

- having risen from the level of intelligence, operating with information alienated from its storage medium, to the level of meanings that are inalienable from its storage medium.

- having risen from the level of intelligence, capable of working with the new as a new combination on a given set of known elements, to the level of thinking, capable of generating something else that is absent in the previous human experience.

- having risen from the level of intelligence, which is completely in metrological, physical (dead) time, to the level of thinking, living in biological, living time with the uncontrollable insights of another form of time interwoven into it — the Greek Kairos.

References

- Aczel, A. D., Ono, K., & Ramanujan, A. S. (2016). *My search for Ramanujan: how I learned to count*. Springer International Publishing. 238 p.
- Brynjolfsson, E., & Mitchell, T. (2017). What Can Machine Learning Do? Workforce Implications. *Science*, 358, 6370. URL: <https://science.sciencemag.org/content/358/6370/1530>
- Dreyfus, H. L. (1992). *What Computers Still Can't Do: A Critique of Artificial Reason*. MIT Press. 776 p.
- Ford, M. (2018). *Architects of Intelligence. The truth about AI from the people building it*. Packt Publishing. 554 p.
- Glassdoor salaries survey* (2020). Retrieved from <https://www.glassdoor.com/>
- Guo, J., & Li, Bin (2018). The Application of Medical Artificial Intelligence Technology in Rural Areas of Developing Countries. *Health Equity*, 2 (1), 174–181. DOI: 10.1089/heq.2018.0037
- Hassabis, D. (2017). *Artificial Intelligence: Chess Match of the Century*. *Nature*. P. 544; 413–14. Retrieved from <https://www.nature.com/articles/544413a>
- Kai-Fu, Lee. (2018). *AI Super Powers China, Silicon Valley and the New World Order*. Retrieved from <https://www.technocracy.news/ai-superpowers-china-silicon-valley-and-the-new-world-order/>
- Klein, A. (2019). *Not All Robots Take Your Job, Some Become Your Co-Worker. Real Clear Markets*. Retrieved from https://www.realclearmarkets.com/articles/2019/10/30/robots_dont_take_your_job_they_become_your_co-worker_103962.html
- Linn, M., Sandifer, R., & Stein, S. (1985). Effects of unemployment on mental and physical health. *Am J Public Health*, 75 (5), 502–506. DOI: 10.2105/ajph.75.5.502

- Nalimov, V. V. (2007). *Spontannost' soznaniya: Veroyatnostnaya teoriya smy'slov i smy'slovaya arxitektonika lichnosti [Spontaneity of Consciousness: Probabilistic theory of Meanings and semantic architectonics of personality]* (2-e izd.). M.: Vodolej Publishers. 374 p. [in Rus.].
- Nikitin, V. (2013). *Inzhenernaya ontologiya. Inzheneriya kak stranstvie [Engineering Ontology. Engineering as a Journey]: Study Guide / V. Nikitin, S. Pereslegin, A. Paribok et al.* Ekaterinburg: Azhur. 230 p. [in Rus.].
- Penrose, R. (1989). *The Emperor's New Mind*. Oxford University Press. 480 p.
- PwC (2018). *Sizing the Prize, PwC's Global Artificial Intelligence Study: Exploring the AI Revolution*. Retrieved from <https://www.pwc.com/gx/en/issues/data-and-analytics/publications/artificial-intelligence-study.html>
- Russell, S. (2019). *Human Compatible: Artificial Intelligence and the Problem of Control*. Viking. 352 p.
- Schwab, K. (2017). *The Fourth Industrial Revolution*. Penguin UK.
- Schwab, K., & Malleret Th. (2020). *COVID-19: The great reset*. Forum publishing.
- Tegmark, M. (2017). *Life 3.0: Being Human in the Age of Artificial Intelligence*. New York: Alfred Knopf Publ. 364 p.
- Turing, A. (1996). Intelligent Machinery, A Heretical Theory. *Philosophia Mathematica*, 3 (4), 256–260. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/97-04-009-tyuring-a-m-myslyaschie-mashiny-ereticheskaya-teoriya-turing-a-m-intelligent-machinery-a-heretical-theory-philosophia-mathematica>.
- US Bureau of Labor Statistics. Retrieved from <https://www.bls.gov>
- Vedyahin, A. (2021). *Sil'ny'j iskusstvenny'j intellekt: Na podstupax k sverxrazumu [Strong Artificial Intelligence: On the approaches to Superintelligence]*. M.: Intellektual'naya literatura. 232 p. [in Rus.].
- Zmazneva, O. (2016) Govorit', chtoby' pobedit': o novy'x programmax po razvitiyu kommunikativny'x navy'kov studentov na IT-fakul'tete Moskovskogo Politekha [Talking to win: about new programs for the development of students' communication skills at the IT Faculty of the Moscow Polytechnic University]. *Kachestvo obrazovaniya [Quality of Education]*, 9, 26–29. [in Rus.].

Д. Л. Хилханов⁽¹⁾,
Э. В. Хилханова⁽²⁾

Феномен культурной дистанции в современных условиях (языковые и религиозные факторы)

Феномен культурной дистанции был описан английскими психологами А. Фернхемом и С. Бочнером и в рамках исследований дистрессов, переживаемых студентами, обучающимися в чужой культуре (концепция культурного шока). В современных условиях информационного общества, в условиях глобализации мы наблюдаем процессы актуализации культурной идентичности миноритарных этносов. В результате роста межкультурного и экономического взаимодействия возникают феномен транснационализма и концепция транскультурации. Несомненно, культурные дистанции между этносами имеют тенденцию к постепенному сокращению, что показывают данные семи массовых опросов Всемирного исследования ценностей с 1981 по 2020 год, но сегодня они сохраняются путем определенных трансформаций своих базовых компонентов: языка и религии. Родной язык миноритарных этносов в современных условиях глобализации снижает свое идентификационное значение, которое выражается в том числе в появлении смешанных языковых кодов. Использование смешанного кода сегодня настолько распространено, что термин «транслингвальность» приобретает все большую популярность.

С конца XX века религиозные ценности становятся основой национального культурного возрождения в посткоммунистических странах, являясь по сути компенсаторным фактором для усиления культурной идентичности в условиях ослабления языкового фактора. Актуальность религиозного фактора культурной дистанции подтверждают все современные классификации культурных различий: типология Г. Хофстеде, Р. Инглхарта, Л. Харрисона. Начиная с 1990-х гг. Россия демонстрирует рост традиционных религиозных ценностей. Роль религиозных ценностей в условиях постсекуляризации возрастает, что приводит к переоценке значимости данных конкретных факторов в контексте культурной дистанции.

Ключевые слова: культурная дистанция; культурная идентичность; этнос; религиозный фактор; языковой фактор; Интернет; бурятский язык; буддизм; транскультурация; культурные типологии.

Для цитирования: Хилханов Д. Л., Хилханова Э. В. Феномен культурной дистанции в современных условиях (языковые и религиозные факторы) // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2021. № 3 (39). С. 56–67. DOI: 10.25688/2078-9238.2021.39.3.06

- (1) *Хилханов Доржи Львович* — доктор социологических наук, профессор. Московский городской педагогический университет (МГПУ), 2-й Сельскохозяйственный пр., д. 4, Москва, 129226, Россия.
E-mail: dorjikh@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9382-7757
- (2) *Хилханова Эржен Владимировна* — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник. Научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1, Москва, 125009, Россия.
E-mail: erzhen.khilkhanova@iling-ran.ru
ORCID: 0000-0001-9369-343X

UDK 323.1

DOI: 10.25688/2078-9238.2021.39.3.06

**Dorzhi L. Khilkhanov⁽¹⁾,
Erzhen V. Khilkhanova⁽²⁾**

The Phenomenon of Cultural Distance in Modern Conditions (Linguistic and Religious Factors)

The phenomenon of cultural distance was described by psychologists A. Furnham and S. Bochner and in the framework of research on the distress experienced by students studying in a foreign culture (the concept of cultural shock). In the modern conditions of the information society, in the conditions of globalization, we observe the processes of actualization of the cultural identity of minority ethnic groups. As a result of the growth of cross-cultural and economic interaction, the phenomenon of transnationalism and the concept of transculturation arise. There is no doubt that cultural distances between ethnic groups tend to gradually decrease, as shown by the data of seven mass surveys of the World Values Survey from 1981 to 2020, but today they are preserved through certain transformations of their basic components: language and religion. The native language of minority ethnic groups, in the modern conditions of globalization, reduces its identification value, which is expressed, among other things, in the appearance of mixed language codes. The use of mixed code is so widespread today that the term translanguaging is very popular.

Religious values, since the end of the twentieth century, have become the basis of national cultural revival in post-communist countries, being in fact a compensatory factor

for strengthening cultural identity, in the context of the weakening of the language factor. The relevance of the religious factor of cultural distance is confirmed by all modern classifications of cultural differences: the typology of G. Hofstede, R. Inglehart, L. Harrison. Since the 1990s, Russia has been demonstrating the growth of traditional religious values. The role of religious values in the context of post-secularization increases, which leads to an overestimation of the significance of these specific factors in the context of cultural distance.

Keywords: cultural distance; cultural identity; ethnos; religious factor; language factor; Internet; Buryat language; Buddhism; transculturation; cultural typologies.

For citation: Khilkhanov, D. L. & Khilkhanova, E. V. (2021). Fenomen kul'turnoj distancii v sovremenny'x usloviyax (yazy'kovy'e i religiozny'e faktory') [The phenomenon of cultural distance in modern conditions (linguistic and religious factors)]. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 3 (39), 56–67. [in Rus.]. DOI: 10.25688/2078-9238.2021.39.3.06

- (1) *Khilkhanov Dorzhi Lvovich* — Dr. Sc. (Sociology), Professor.
Moscow City University, 129226, Moscow, 2nd Selskohozyajstvennyj proezd, 4.
E-mail: dorjikh@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9382-7757
- (2) *Khilkhanova Erzhen Vladimirovna* — Dr. Sc. (Linguistics), Leading Research Associate, Associate Professor.
Institute of Linguistics of the RAS, Bolshoy Kislovsky Lane, bld. 1, Moscow, 125009, Russia.
E-mail: erzhen.khilkhanova@iling-ran.ru
ORCID: 0000-0001-9369-343X

Введение

Феномен культурной дистанции был описан английскими психологами А. Фернхемом и С. Бочнером и в рамках исследований дистрессов, переживаемых студентами, обучающимися в чужой культуре (концепция культурного шока) (Furnham, 2019). При этом ученые отмечают, что компоненты культурной дистанции для индивидов могут являться вполне субъективными в плане их выбора в таком качестве.

В основе культурной дистанции, лежит множество факторов, в том числе и субъективных, но среди базовых несомненно выделяются религиозный и языковой.

Постановка проблемы

В современных условиях информационного общества, в условиях глобализации мы наблюдаем процессы актуализации культурной идентичности миноритарных этносов. В этих условиях данные факторы трансформируются согласно концепции транскulturации. Языки миноритарных этносов постепенно теряют свое функциональное прикладное значение, но сохраняют в полном объеме символическое, поскольку являются основой культурной идентичности (Хилханова, Хилханов, 2020). С конца XX века религиозные ценности

становятся основой национального культурного возрождения в посткоммунистических странах, являясь по сути компенсаторным фактором для усиления культурной идентичности, в условиях ослабления языкового фактора.

Методология исследования

Основным методом исследования был анализ научной литературы, различных количественных баз данных (Карта языков Российской Федерации, Всероссийские переписи населения 2002, 2010 годов), сравнительный анализ известных классификаций культурных различий с целью определения роли языковых и религиозных факторов в поддержании культурной дистанции.

Еще Ю. М. Лотман отмечал, что коммуникативная функция языка не является его главной составляющей. Если искусственные языки успешно осваивают сферу коммуникации, то естественные языки обладают функцией культурной памяти и идентификации. Н. Б. Вахтин отмечал, что утрата коммуникативной функции не способствует исчезновению языка (Вахтин, 2001, с. 304–305). Н. Б. Вахтин считает, что условиях доминирования одного языка миноритарные языковые группы вынуждены актуализировать другие факторы своей культурной идентичности, в том числе различные традиции и обряды (2001, с. 308–309). Подобная ситуация наблюдается в современной культуре бурят, крупнейшего этноса Сибири: ученые отмечают религиозные обряды как основу бурятского культурного возрождения (Quijada et al., 2015). Этот тренд является общим не только для бурят, но и для многих российских народов.

Результаты исследования

Процессы усиления религиозного фактора характерны для этносов, которые исповедуют крупные мировые религии с высокой степенью институционализации. К таким этносам относятся, к примеру, калмыки, татары, но не якуты; невысокий уровень религиозности последних Л. Б. Четырова объясняет тем, что в якутской культуре важную роль играет шаманизм, который не имеет такой организационной структуры, как Русская православная церковь или буддийский дацан, что ограничивает возможности шаманизма для конструирования религиозности (Четырова, 2011, с. 193). Социологическое исследование языка в системе культурных составляющих идентичности татар показало, что значимость языка, традиционно занимающего главенствующее место в иерархии компонентов татарской идентичности, постепенно понижается от 74,9 % в 1994 году до 72,5 % в 2017 году. При этом значимость религии возрастает от 32 до 35,3 % в тех же годах (Габдрахманова, 2020, с. 87). Этот дрейф от языка к религии объясняется ничем иным, как постепенной утратой этнических языков. Следствием этой утраты является замещение языковой

идентичности культурной, которую легче практиковать и нет ощущаемого многими разрыва между высокой символической значимостью этнических языков и низким уровнем реального владения ими.

Современная ситуация с развитием бурятского языка подтверждает данные выводы (Хилханова, 2020). В 2002 году по решению ЮНЕСКО бурятский язык был занесен в «Красную книгу языков, находящихся под угрозой исчезновения». В Атласе языков, находящихся под угрозой исчезновения, бурятский язык обозначен как *severely endangered* — под сильной угрозой исчезновения. Анализ итогов Всероссийской переписи населения показывает, что доля бурятского населения Республики Бурятия со знанием бурятского языка снизилось с 81 %, или 222 107 из 272 910 в 2002 году (*Всероссийская перепись населения, 2002*), до 43 %, или 122 882 из 286 839 в 2010 году (*Всероссийская перепись населения, 2010*).

Несмотря на значительный объем бурятскоязычной медиапродукции и развитые институты языкового образования, сферы его функционального использования ограничены. По результатам исследований только 2,4 % респондентов в г. Улан-Удэ (столица Республики Бурятия) сообщили об использовании бурятского языка на работе или в школе, в сельской местности они составляют в среднем 31,5 % (Quijada et al., 2015, p. 259). Данный факт объясняет причину того, что бурятский язык становится скорее символическим фактором культурной идентичности.

В информационную эпоху развитие языковых форм возможно наблюдать в Интернете. Новые технологии предназначены в первую очередь для молодежи, что является актуальным с точки зрения сохранения и преемственности языковой культуры (Pischlöger, 2016). В проекте Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики» 2016 года проводится количественная оценка текстов на национальных языках народов Российской Федерации (далее — РФ) в Интернете (*Карта языков Российской Федерации*) (рис. 1).

По общему количеству сайтов в Интернете лидерами являются башкирский, татарский, якутский и удмуртский языки. Эти данные достаточно независимы от количества носителей языка: татарский и башкирский этносы являются самыми многочисленными среди этносов РФ, но татар более чем в 3 раза больше, чем башкир: в России 5 310 649 татар и 1 584 554 башкир (*Всероссийская перепись населения, 2010*). При этом башкиры демонстрируют более высокие показатели языковой активности в Интернете. Также следует отметить, что в России есть более многочисленные этносы, чем якуты и удмурты, численность которых составляет 478 085 и 552 299 соответственно (*Всероссийская перепись населения, 2010*).

Анализ бурятского языка по количеству сетевых сообществ дает примерно такую же картину, как и по веб-сайтам (*Карта языков Российской Федерации*). Рисунок 2, взятый с этого ресурса, показывает количество сообществ на бурятском языке в популярной социальной сети «ВКонтакте».

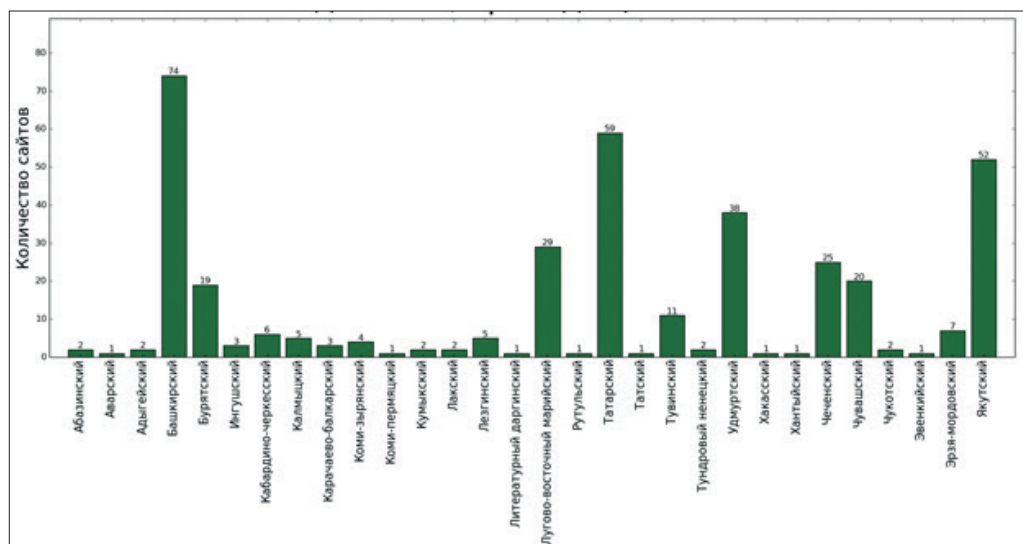

Рис. 1. Количество сайтов на миноритарных языках в РФ

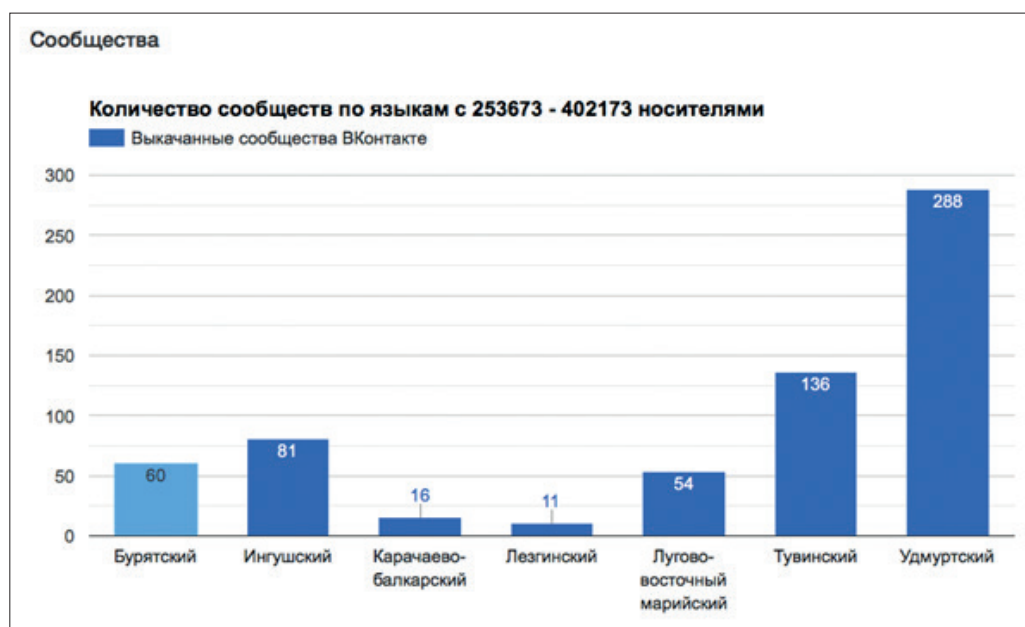

Рис. 2. Количество бурятскоязычных сообществ в социальной сети «ВКонтакте»

По количественным показателям в Интернете бурятский язык занимает средние позиции (Хилханова, 2019). Возможности Интернета активно используются для популяризации бурятского языка, в первую очередь это видеохостинговый сайт YouTube и приложение Instagram. Созданные видеоролики такими авторами, как режиссер Солбон Лыгденов, студент Тимур Дашинимаев, на тему бурятского языка и на бурятском языке, размещаемые на YouTube

и Instagram, собирали десятки тысяч просмотров. Коммуникация на этническом языке в Интернете носит характер смешанного кода, и здесь тенденции использования бурятского языка в Интернете аналогичны использованию других миноритарных языков в мире. Использование смешанного кода сегодня настолько распространено, что термин *translanguaging* («транслингвальность», «трансязычие») приобретает все большую популярность. Мы придерживаемся той точки зрения, что существование на смешанном коде или транслингвальные речевые стратегии и практики — это все же лучший вариант сохранения языка для этноса, чем постепенное прекращение существования менее престижного идиома вообще (Cenoz and Gorter, 2017).

Для новых поколений, в том числе языковых активистов, зачастую этот язык не был передан естественным путем, но поиски культурной идентичности привели их к его изучению, в том числе посредством онлайн-курсов. Именно молодежь, нередко выучившая язык самостоятельно, со всеми вытекающими последствиями в плане литературной правильности и смешанного языкового кода, часто создает и поддерживает интернет-проекты в области сохранения и продвижения бурятского языка. В данном случае транслингвальность символизирует современные процессы трансформации языкового фактора (Khilkhanova, 2019).

В условиях неизбежной трансформации идентификационной значимости родного языка, постепенно возрастает значение религиозного фактора. Карта культурных ценностей Р. Инглхарта демонстрирует в динамике последних лет высокое влияние на страны традиционных (религиозных) ценностей. Так, например, Россия по данной шкале опустилась с относительно высокой позиции секулярных ценностей +1.3 в 1990 году до +0.5 в 2020 году в сторону традиционных (религиозных) ценностей, при этом Россия является согласно данным этой карты более секулярной страной, чем США и страны Латинской Америки (*The Inglehart-Welzel World Cultural Map*). Данная динамика постсекуляризации характерна для всех стран бывшего Советского Союза (атеистического государства) и отражает рост всех основных религиозных конфессий в России. Так, например, в СССР с 1930-х годов был только один действующий буддийский храм (дацан) на территории Бурятии. Сегодня, со слов буддийского священнослужителя, только в этнической Бурятии (Республика Бурятия, бывшие Усть-Ордынский и Агинский автономные округа) их свыше 40, более 10 — в Калмыкии, 8 — в Туве, 1 — в Санкт-Петербурге и Республике Алтай, планируется строительство дацанов в Москве и Казани. Буддийских же общин в России несколько сотен. Также в этнической Бурятии наблюдается институционализация шаманизма, сопровождающаяся увеличением количества проводимых шаманских обрядов.

Следует отметить, что актуальность религиозного фактора культурной дистанции подтверждают все современные классификации культурных различий. Наиболее известной классификационной моделью сегодня является типология культурных изменений Герта Хофстеде (*Hofstede Insights Organisational Culture*

Consulting). В этой типологии религиозный фактор в опосредованном виде представлен во всех шести параметрах: «дистанцированность власти», «избегание неопределенности», «индивидуализм/коллективизм», «маскулинность/фемининность», «долгосрочная/краткосрочная временная ориентация» (данный признак Г. Хофстеде называл «фактором конфуцианского динамизма»), «потворство желаниям/сдержанность» (Латова, 2016). Его научный труд *Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations across Nations* является самым цитируемым в области межкультурного менеджмента и коммуникаций, поэтому мы не будем в данной статье подробно рассматривать его основные результаты. В своих работах Г. Хофстеде признавал приоритет традиционных культурных ценностей: «...культуры, которые прививаются с раннего детства, имеют гораздо более глубокие корни в человеческом сознании, чем культуры профессиональных групп, обретаемые с образованием, либо чем различные организационные культуры, приобретаемые во время трудовой деятельности» (Hofstede, 2011).

Следующая классификация создана в рамках Всемирного исследования ценностей. Данное исследование является самым масштабным социологическим опросом в мире с 1981 года, социологические данные собраны по 97 странам мира (Inglhart, 2018). В результате экономической модернизации последних лет большинство стран, участвующих во Всемирном исследовании ценностей под руководством Р. Инглхарта, демонстрируют постоянную тенденцию движения стран к ценностям самовыражения, что наглядно демонстрирует карта культурных ориентаций, при этом такие развитые страны, как Россия и США, показывают в последние годы сравнительно высокие показатели религиозности (*The Inglehart-Welzel World Cultural Map*). Для изучения всемирных ценностей данные авторы рассматривали такие основные критерии, как: традиционные — секулярно-рациональные ценности и ценности выживания — самовыражения. Традиционные ценности Р. Инглхарт в данной работе определяет именно в контексте религиозного фактора. Наконец, мы хотим рассмотреть типологию культурных традиций Лоуренса Харрисона (Harrison and Huntington, 2001). Данный автор анализирует страны в пространстве 25 параметров, среди которых в том числе религия, этический кодекс, отношения между государством и церковью. Рассмотренные им факторы определяют культурный ресурс для успеха экономической модернизации в конкретной стране. При этом данная классификация в наиболее полном виде описала факторы культурной дистанции. Сам Л. Харрисон, как видно по выбранным им параметрам, подчеркивает определяющую роль религиозных факторов как ценностно-содержательной составляющей и как формальной системы взаимоотношений между светскими и религиозными ценностями. Существуют также другие типологии, например исследования в рамках проекта GLOBE Роберта Хауса (About the Foundation — GLOBE Project) (Crede et al., 2019), типология Ф. Тромпенаарса (Timbalari, 2019), но они, на наш взгляд, частично совпадают по отдельным параметрам с вышеуказанными моделями, а также являются более специализированными и менее универсальными.

Рассмотренные типологии демонстрируют актуальность феномена культурной дистанции и подчеркивают значимость для нее религиозного фактора, который демонстрирует значительное укрепление своего влияния в посткоммунистических странах.

Заключение

Сегодня мы наблюдаем, по сути, противостояние тенденций глобализации и глокализации. В результате роста межкультурного и экономического взаимодействия возникают и феномен транснационализма, и концепция транскультурации. Несомненно, культурные дистанции между этносами имеют тенденцию к постепенному сокращению, что показывают данные семи массовых опросов Всемирного исследования ценностей с 1981 по 2020 год, но сегодня они сохраняются путем определенных трансформаций своих базовых компонентов: языка и религии. Родной язык миноритарных этносов в современных условиях глобализации снижает свое идентификационное значение, которое выражается в том числе в появлении смешанных языковых кодов. Роль религиозных ценностей в условиях российской постсекуляризации постепенно возрастает, что приводит к переоценке значимости данных факторов в контексте культурной дистанции.

Литература

- Вахтин Н. Б. Языки народов Севера в XX веке. Очерки языкового сдвига. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 338 с.
- Всероссийская перепись населения 2002 года (2002). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17> (дата обращения: 01.04.2021).
- Всероссийская перепись населения 2010 года (2010). [Электронный ресурс]. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 01.04.2021).
- Габдрахманова Г. Ф. Язык в системе культурных составляющих идентичности татар // Социолингвистика. 2020. № 2 (2). С. 83–91. DOI: 10.37892/2713-2951-2020-2-2-83-91
- Карта языков Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://web-corpora.net/wsgi3/minorlangs/> (дата обращения: 01.10.2019).
- Латова Н. В. Культурная специфика россиян (этнометрический анализ на основе концепции Г. Хофстеда) // Вестник Института социологии. 2016. № 19. С. 155–179. DOI: 10.19181/vis.2016.19.4.433
- Хилханова Э. В. Интернет и миноритарные языки России: символическое присутствие или инструмент ревитализации? (на примере бурятского языка) // Монголоведение. 2019. № 19 (4). С. 967–988. DOI: 10.22162/2500-1523-2019-4-967-988
- Хилханова Э. В. Новые тенденции по отношению к многоязычию и миноритарным языкам в глобальном масштабе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2020. Т. 19. № 4. С. 64–75. DOI: 10.15688/jvolsu2.2020.4.6

- Хилханова Э. В., Хилханов Д. Л. Этнокультурная идентичность мигрантов из восточных регионов бывшего СССР в свете теории «столкновения культур» // Полилингвильность и транскультурные практики. 2020. Т. 17. № 1. С. 31–38. DOI: 10.22363/2618-897X-2020-17-1-31-38
- Четырова Л. Б. Роль буддизма в конструировании этничности калмыков и монголов // Четвертые востоковедные чтения памяти О. О. Розенберга. СПб: Изд-во А. Голода, 2011. С. 190–196.
- Cenoz J., Gorter D. Minority languages and sustainable translanguaging: threat or opportunity? // Journal of Multilingual and Multicultural Development. 2017. Vol. 38. № 10. P. 901–912. DOI: 10.1080/01434632.2017.1284855
- Crede M., Jong J., Harms P. The generalizability of transformational leadership across cultures: A meta-analysis // Journal of Managerial Psychology. 2019. № 34 (3). P. 139–155. DOI: 10.1108/JMP-11-2018-0506
- Furnham, A. Culture Shock: A Review of the Literature for Practitioners // Psychology. 2019. Vol. 10. № 13. P. 1832–1855. DOI: 10.4236/psych.2019.1013119
- Harrison, L. E., Huntington, S. P. Culture Matters: How Values Shape Human Progress. New York: Basic Books, 2001. 348 p.
- Hofstede G. Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context [Электронный ресурс] // Online Readings in Psychology and Culture. 2011. Unit 2. URL: <http://scholarworks.gvsu.edu/orpc/vol2/iss1/8> (дата обращения: 19.02.2021).
- Hofstede Insights Organisational Culture Consulting [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hofstede-insights.com> (дата обращения: 19.02.2021).
- Inglhart R. F. Cultural evolution: peoples motivations are changing, and reshaping the world // Cambridge University Press. 2018. № 2. P. 198–202.
- The Inglehart-Welzel World Cultural Map [Электронный ресурс] // WVS Database. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp> (дата обращения: 19.02.2021).
- Khilkhanova E. V. Sociolinguistic Study of Language Attitudes Among the Buriat and Russian Youth in the Republic of Buriatia, Russia. Sibirica. 2019. Vol. 18 (2). P. 27–55. DOI: 10.3167/sib.2019.180203
- Pischlöger C. Udmurt on Social Network Sites: A Comparison with the Welsh Case // Linguistic Genocide Or Superdiversity? New and Old Language Diversities. 2016. T. 14. P. 108–132.
- Quijada J. B., Graber K. E., Stephen E. Finding “Their Own”: Revitalizing Buryat Culture Through Shamanic Practices in Ulan-Ude // Problems of Post-Communism. 2015. Vol. 62. № 5. P. 258–272. DOI: 10.1080/10758216.2015.1057040
- The Inglehart-Welzel World Cultural Map [Электронный ресурс] // WVS Database. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp> (дата обращения: 19.02.2021).
- Timbalari C. Dimensions of national culture-cross-cultural theories // Studies in Business and Economics. 2019. № 14 (3). DOI: 10.2478/sbe-2019-0055

References

- Chety`rova, L. B. (2011). Rol` buddizma v konstruirovanii e`tnichnosti kalmy`kov i mongolov [The role of Buddhism in the construction of the ethnicity of the Kalmyks and Mongols] // *Chetverty`e vostokovedny`e chteniya pamyati O. O. Rosenberga*:

- dokl., st., publikacii [Fourth Oriental Readings in memory of O. O. Rosenberg: reports, articles, publications] (p. 190–196). SPb.: Izd-vo A. Goloda. [in Rus.].
- Cenoz, J., & Gorter, D. (2017). Minority languages and sustainable translanguaging: threat or opportunity? *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, 38 (10), 901–912. DOI: 10.1080/01434632.2017.1284855
- Crede, M., Jong, J., & Harms, P. (2019). The generalizability of transformational leadership across cultures: A meta-analysis. *Journal of Managerial Psychology*, 34 (3), 139–155. DOI: 10.1108/JMP-11-2018-0506
- Furnham, A. (2019). Culture Shock: A Review of the Literature for Practitioners. *Psychology*, 10 (13), 1832–1855. DOI: 10.4236/psych.2019.1013119
- Gabdrakhmanova, G. F. (2020). Yazyk v sisteme kul'turny'x sostavlyayushhix identichnosti tatar [Language in the system of cultural components of Tatar identity]. *Sociolingvistika [Sociolinguistics]*, 2 (2), 83–91. [in Rus.]. DOI: 10.37892/2713-2951-2020-2-2-83-91
- Karta yazykov Rossijskoj Federacii [Map of the languages of the Russian Federation]. Retrieved from <http://web-corpora.net/wsgi3/minorlangs/> (accessed: 01.10.2019). [in Rus.].
- Khilkhanova, E. V. (2019). Internet i minoritarny'e yazyki Rossii: simvolicheskoe prisutstvie ili instrument revitalizacii? (na primere buryatskogo yazyka) [The Internet and Minority Languages of Russia: Symbolic Presence or a Revitalization Tool? (a Case Study of the Buryat Language)]. *Mongolovedenie [Mongolian Studies]*, 11 (4), 967–988. [in Rus.]. DOI: 10.22162/2500-1523-2019-4-967-988
- Khilkhanova, E. V. (2020). Novy'e tendencii po otnosheniyu k mnogoyazychiyu i minoritarny'm yazykam v global'nom masshtabe [New trends in relation to multilingualism and minority languages on a global scale]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, Seriya 2. Yazykoznanie [Bulletin of Volgograd State University. Series 2: Linguistics]*, 19 (4), 64–75. [in Rus.]. DOI: 10.15688/jvolsu2.2020.4.6
- Khilkhanova, E. V. (2019). Sociolinguistic Study of Language Attitudes Among the Buriat and Russian Youth in the Republic of Buriatia, Russia. *Sibirica*, 18 (2), 27–55. DOI: 10.3167/sib.2019.180203
- Khilkhanova, E. V., & Khilkhanov, D. L. (2020). E'tnokul'turnaya identichnost' migrantov iz vostochny'x regionov by'vshego SSSR v svete teorii «stolknoveniya kul'tur» [Ethnocultural identity of migrants from the Eastern regions of the former USSR in the light of the “clash of cultures” theory]. *Polilingvial'nost' i transkul'turny'e praktiki [Polylingualism and transcultural practices]*, 17 (1), 31–38. [in Rus.]. DOI: 10.22363/2618-897X-2020-17-1-31-38
- Latova, N. V. (2016). Kul'turnaya specifika rossiyan (e'tnometricheskij analiz na osnove koncepcii G. Hofsteda) [Cultural Specificity Russians (ethnometrical analysis based on the concept of G. Hofstede)]. *Vestnik Instituta Sociologii [Bulletin of the Institute of Sociology]*, 7 (4), 155–179. [in Rus.]. DOI: 10.19181/vis.2016.19.4.433
- Harrison, L. E., & Huntington, S. P. (2001). *Culture Matters: How Values Shape Human Progress*. New York: Basic Books. 348 p.

- Hofstede, G. (2011). Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context. *Online Readings in Psychology and Culture*, unit 2. Retrieved from <http://scholarworks.gvsu.edu/orpc/vol2/iss1/8> (accessed: 19.02.2021).
- Hofstede Insights Organisational Culture Consulting*. URL: <https://www.hofstede-insights.com> (accessed: 19.02.2021).
- Inglhart, R. F. (2018). Cultural evolution: peoples motivations are changing, and reshaping the world. *Cambridge University Press*, 2, 198–202.
- Pischlöger, C. (2016). Udmurt on Social Network Sites: A Comparison with the Welsh Case. Linguistic Genocide Or Superdiversity? *New and Old Language Diversities*, 14, 108–132.
- Quijada, J. B., Graber, K. E., & Stephen, E. (2015). Finding “Their Own”: Revitalizing Buryat Culture Through Shamanic Practices in Ulan-Ude. *Problems of Post-Communism*, 62 (5), 258–272. DOI: 10.1080/10758216.2015.1057040
- The Inglehart-Welzel World Cultural Map. In: *WVS Database*. Retrieved from <https://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp> (accessed: 19.02.2021).
- Timbalari, C. (2019). Dimensions of national culture-cross-cultural theories. *Studies in Business and Economics*, 14 (3). DOI: 10.2478/sbe-2019-0055
- Vakhtin, N. B. (2001). *Yazy`ki narodov Severa v XX veke. Ocherki yazy`kovogo sdviga. [Languages of the peoples of the North in the twentieth century. Essays on the language shift]*. SPb.: Dmitrij Bulanin. 338 p. [in Rus.].
- Vserossijskaya perepis` naseleniya 2002 goda [All-Russian population Census of 2002]* (2002). [in Rus.]. Retrieved from <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17> (accessed: 01.04.2021).
- Vserossijskaya perepis` naseleniya 2010 goda [All-Russian population Census of 2002]* (2010). [in Rus.]. Retrieved from https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (accessed: 01.04.2021).

Т. В. Попова⁽¹⁾,

О. А. Сухорукова⁽²⁾

Советское образование: традиция и современность

Советская цивилизация оставила большое наследие, оно вызывает научный интерес у исследователей. В этом наследии особое место занимает советская доктрина образования, именно к ней обращаются сегодня представители научных и педагогических кругов. Это не случайно, потому что вопрос образовательной системы, ее преемственности с историческим прошлым и взаимосвязь с современностью обусловлен созданием будущей перспективы развития России, модернизации нашего государства, которая невозможна без учета социокультурных основ национальной традиции. Это определило цель данного исследования: рассмотреть на какой социокультурной основе происходил процесс формирования советской доктрины образования и в какой степени, в каком виде сохранились принципы этой доктрины в современном обществе. В статье были рассмотрены особенности советского образовательного дискурса: мировоззренческий подход, системность и демократизация. Анализируя советское наследие, авторы уделяют внимание политехническому образованию, его истокам и его трансформации в период создания Советского государства. Рассмотрены ключевые моменты отечественной традиции в области педагогической мысли и практики, которые были кооптированы в советскую образовательную доктрину при сохранении коммунистической идеологии с учетом исторических реалий советского периода. Обращаясь к современной образовательной системе России и решая проблему о преемственности современного образования с принципами советской доктрины, были сделаны следующие выводы: современный образовательный дискурс унаследовал идеи советской доктрины. К ним можно отнести следующие: идея о гармонично развитой личности; доступность образования для всех; фундаментальное и системное образование; идея свободного и творческого труда. Но в условиях информационной культуры, без заданного образа будущего, когда культурная и политическая элита России не создала мировоззренческую парадигму, соответствующую новым реалиям современного общества, это наследие трансформируется и теряет свой смысл.

Ключевые слова: советская доктрина образования; культурная революция; образ будущего; социальная справедливость; гармоничная личность; гуманистические идеи; современное образование; информационная культура.

Для цитирования: Попова Т. В., Сухорукова О. А. Советское образование: традиция и современность // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2021. № 3 (39). С. 68–85. DOI: 10.25688/2078-9238.2021.39.3.07

- (1) *Попова Татьяна Владимировна* — кандидат исторических наук, доцент. Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники» (НИУ МИЭТ), пл. Шокина, д. 1, Зеленоград, Москва, 124498, Россия. E-mail: ms.popova.tatiana@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5165-9556
- (2) *Сухорукова Ольга Александровна* — кандидат исторических наук, доцент. Московский городской педагогический университет (МГПУ), 2-й Сельскохозяйственный пр., д. 4, Москва, 129226, Россия. E-mail: SukhorukovaOA@mgpu.ru
ORCID: 0000-0003-1707-6151

UDK 37:01

DOI: 10.25688/2078-9238.2021.39.3.07

Tatyana V. Popova⁽¹⁾,
Olga A. Sukchorukova⁽²⁾

Soviet Education: Tradition and Modernity

The Soviet civilization left a great legacy, it arouses scientific interest among researchers. In this legacy, the Soviet doctrine of education occupies a special place; it is to it that representatives of both scientific and pedagogical circles turn today. This is not accidental, because the issue of the educational system, its continuity with the historical past and the relationship with the present is due to the creation of the future prospects for the development of Russia, the modernization of our state, which is impossible without taking into account the socio-cultural foundations of the national tradition. This determined the purpose of this study: to consider on what socio-cultural basis the process of the formation of the Soviet doctrine of education took place and to what extent and in what form the principles of this doctrine were preserved in modern society. The article discusses the features of the Soviet educational discourse: consistency and democratization. Analyzing the Soviet legacy, the authors pay attention to polytechnic education, its origins and its transformation during the creation of the Soviet state. The key points of the national tradition in the field of pedagogical thought and practice, which were co-opted into the Soviet educational doctrine while maintaining the communist ideology, taking into account the historical realities of the Soviet period, are considered. Turning to the modern educational system of Russia and solving the problem of the continuity of modern education with the principles of the Soviet doctrine, the following conclusions were made: the modern educational discourse inherited the ideas

of the Soviet doctrine. These include the following: the idea of a harmoniously developed personality; accessibility of education for all; fundamental and systemic education; the idea of free and creative labor. But in the conditions of information culture, without a given image of the future, when the cultural and political elite of Russia has not created an ideological paradigm corresponding to the new realities of modern society, this heritage is transformed and loses its meaning.

Keywords: Soviet doctrine of education; cultural revolution; image of the future; social justice; harmonious personality; humanistic ideas; modern education; information culture.

For citation: Popova, T. V., & Sukchorukova, O. A. (2021). Sovetskoe obrazovanie: tradiciya i sovremennost' [Soviet Education: Tradition and Modernity]. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 3 (39), 68–85. [in Rus.]. DOI: 10.25688/2078-9238.2021.39.3.07

- (1) *Popova Tatyana Vladimirovna* — PhD (History), Associate Professor.
National Research University of Electronic Technology (MIET), Shokin Square, bld. 1,
Zelenograd, Moscow, 124498, Russia.
E-mail: ms.popova.tatiana@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5165-9556
- (2) *Sukchorukova Olga Aleksandrovna* — PhD (History), Associate Professor.
Moscow City University, 2nd Selskohosyaystvenny proezd, 4, Moscow, 129226,
Russia.
E-mail: SukhorukovaOA@mgpu.ru
ORCID: 0000-0003-1707-6151

Введение

Обращаясь к традиции отечественного образования, мы понимаем всю сложность исследования данного предмета (Субетто, 2015). Слишком большой период времени — это, во-первых, а во-вторых, вся история образования делится на этапы, отличающиеся по своему содержанию и по целеполаганию образовательного процесса. Сравнивая советский период с современностью, мы будем говорить о том, в какой исторической социокультурной образовательной традиции происходило формирование советской доктрины образования, какие принципы легли в ее основу и в каком виде они функционируют в современном образовательном дискурсе.

Постановка проблемы

Современная информационная культура в условиях глобализации оказывает большое влияние на образовательный процесс в России. В связи с этим существует сложность воплощения в жизнь заявленных идей в образовательном дискурсе современной России: системность и универсальность образования; его демократичность и доступность; свобода и творчество в трудовой деятельности обучаемого; формирование гармоничной личности. Почему

существует данная проблема отечественного образования? Какие из принципов советской образовательной системы являются актуальными, но могут быть утрачены в современных реалиях?

Методология исследования

Основными методами исследования были историко-генетический и историко-сравнительный. Историко-генетический метод позволил проанализировать отечественную традицию педагогической мысли и практики в советский период, раскрыть основные принципы становления и последующую эволюцию советской доктрины образования. При помощи историко-сравнительного метода была исследована сущность идейной составляющей советского образовательного дискурса по сходству и различию с образовательными идеологиями в историческом и современном измерении. Вся методология была построена на анализе научной литературы философского и педагогического направления.

Результаты исследования

Советский дискурс образования соответствовал основной концепции советской идеологии: построение коммунистического общества. Это был образ будущего общественного устройства, в котором идея создания нового человека имела ключевое значение. Именно с этой идеи ведет свое начало культурная революция, которая, помимо ликвидации безграмотности, ставила перед собой грандиозную сверхзадачу по изменению мировоззренческой парадигмы российского общества.

Коммунистическая идеология, ставшая на долгие годы основой советской политической и социально-экономической системы, опиралась на идеологию западноевропейской культуры либерального направления. Обращаясь к этой традиции и говоря о том, как шел процесс формирования советской образовательной системы, мы отмечаем идеи К. Маркса, среди которых главное место занимала идея о формировании гармонично развитого индивидуума. Впоследствии, идея о гармонично развитой личности — создание нового человека (Марченко, 2008) — станет одной из главных в советском образовательной системе, она будет идти рука об руку с другой идеей свободного и творческого труда, способного не только принести вклад в этот воспитательный процесс, содействовать развитию способностей человека, доставлять ему радость творчества, но и сыграть решающую роль в становлении общества нового типа. Таким был новый подход к видению труда, его роли в жизни человека, когда труд будущего противопоставлялся труду настоящего: периода активного развития капиталистической формации, в которой не только не было

возможностей для развития человека, но, напротив, личность подчинялась производственному процессу, становясь винтиком социально-экономической системы. Время появления человека экономического, или *homo fabera*, «К. Маркс описывал... в своей теории отчуждения труда, который обесмысливает его и превращает фабричных рабочих в “придатки машины”» (Филатов, 2014, с. 51). Это было время нивелирования личности, жизнь которой определялась профессиональным или экономическим интересом с обеих сторон производства: наемным рабочим и нанимателем-капиталистом, потому что «“Господин” тоже “СЛУЖИТ”, растрчивает свои силы, здоровье, витальные и творческие ресурсы, <...> чтобы добиться наилучшего результата в своей деятельности, смысл которой заключается в абстрактном обогащении» (Джохадзе, 2002, с. 49).

Именно поэтому К. Маркс говорит о новом будущем, в котором не будет места такому экономическому человеку. Делая акцент на ключевой роли труда в педагогическом процессе, Маркс назовет свое образование политехническим. Связь труда со всесторонним развитием личности и влияние этого процесса на формирование общества нового типа — общества будущего, — в свою очередь, определит еще один важный компонент политехнического образования: его системность и его разносторонность, и это понятно, потому, что если речь идет о развитии того или иного таланта человека, его способностей, то закономерным станет включение в образовательный процесс научных дисциплин как технического, так и гуманитарного цикла.

Говоря о наследии идей Маркса, следует говорить об их преемственности с просвещенческой концепцией культуры вообще и образования в частности. В отличие от предшествующих интеллектуальных революций в Западной Европе, Реформации и Возрождения, мыслители Просвещения не искали идеала в прошлом, они верили в прогрессивное развитие общества, поэтому их идеал был устремлен в будущее. В основе философии Просвещения лежала вера в человеческий разум, определившего главную доминанту в жизни общества — просвещение, т. е. приобретение и распространение знаний. Знания становятся абсолютной ценностью в культуре. «Проект Просвещения, подаренный Европой миру, отнюдь не был связан с натаскиванием личности на определенные полезные общественные функции. Большая культура — а Просвещение создало Большую культуру — может развиваться при условии, что ее ценности носят не служебно-подчиненный и функциональный характер, а являются самоценными...» (Панарин, 2006, с. 18). Впоследствии советская доктрина образования примет просвещенческий культ знания, в ее образовательном процессе базовые и системные научные знания станут фундаментом для последующей профессиональной подготовки человека.

В основе просвещенческой модели культуры и образования был важный компонент: теория естественного права, которая, с одной стороны, говорила о равенстве всех людей по их естеству, природе, с другой — означала совершенную природу человека. В дальнейшем в советской образовательной системе эта теория станет идеологическим обоснованием двух важных принципов:

1) доступность образования для всех — его демократичность и всеобщность;

2) исключительная вера в просвещение и образование, в их способность изменить природу человека, которая зависит от социокультурной среды и была повреждена ранее в силу несовершенного общества.

Говоря о просвещенческой модели образования, следует обратить внимание на еще один важный момент: Просвещение было философией абстрактного разума, ее идеи были лишены исторического измерения (Реале, Антисери, 1996, с. 471), это определит культурное единообразие мира — его универсальность. За универсальностью считывалась ориентация на абстрактный конструкт личности, человека вне национальной истории (Сухорукова, 2018, с. 28). Однако идеи Просвещения будут отражать конкретную историческую реальность XVIII века: развитие капитализма и появление нового класса — буржуазии. Все это обусловит двойственное содержание и наименование просвещенческой идеологии: либеральная, со всеми вытекающими из этого наименования ценностями свободы личности, ее абсолютизация, но в то же время буржуазная, отображающая экономические интересы класса буржуазии: их ярко выраженный узко прагматичный экономический характер, который станет обоснованием концепции модели экономического человека, который будет определяться рыночными критериями: максимальная полезность и прибыли (Викулина, 2009, с. 129).

От просветителей К. Маркс берет все, что было связано с главной доминантой Просвещения: культ разума, его значение в жизни социума, всеобщность, доступность знаний и, главное, идею прогресса, согласно которой впереди нас ждет образ идеального будущего. Но, как говорилось выше, у Маркса главная проблема — это проблема экономического человека, поэтому он создает свой рецепт по ее решению: противопоставляет буржуазной идеологии идеологию коммунистическую, считая ее лекарством от всех социальных болезней. Человек новой коммунистической формации противопоставляется человеку буржуазной формации — экономическому.

В итоге просвещенческая модель образования и политехническое образование К. Маркса по содержанию имеют не только сходство, но и различия. К общему можно отнести: абсолютизацию знания; доступность и всеобщность образования; универсальный характер доктрины образования (вне национально-исторического контекста); образ идеального общества в будущем. К различиям относятся: отношение К. Маркса к труду, который является одним из важнейших компонентов образовательной системы, выполняя функцию по формированию личности, по реализации способностей человека, его дарований и талантов. Трудовая деятельность человека связана с главной целью — построение идеального общества — это работа всех по созданию общества будущего.

История XIX века покажет, что идеи просветителей и в Европе, и в России, приобретут национальные особенности в зависимости от того, какую роль

играет или не играет государство в образовательном процессе и каково участие человека в нем. Процесс по созданию и развитию национальных доктрин воспитания будет идти начиная с XIX века до второй половины XX века. В итоге к середине XX века сложился «целый спектр различных доктрин образования, крайними полюсами которого являются “немецко-российская общественно-государственная доктрина образования”», по которой государство несет ответственность за образование, и «либеральная, англо-американская доктрина образования», согласно которой образование является личным делом каждого гражданина, рассматривается только как «индустрия образовательных услуг», поставляемых на «рынок таких услуг». «Немецко-российская общественно-государственная доктрина образования», о которой пишет Т. М. Ашенова ссылаясь на исследование А. И. Субетто (Ашенова, 2012, с. 33), в общих чертах будет соответствовать советской доктрине образования, сформировавшейся в 1930-е годы и принципиально не менявшейся до конца советского периода. Как же шел процесс ее формирования и каково было содержание советской доктрины?

В дореволюционной России господствовала немецкая классно-урочная система образования, но с XIX века у нее появляются конкуренты в области педагогических идей, теорий и учений. Среди них: гуманистическая концепция научного образования К. Д. Ушинского; традиционные религиозные традиции образования: одна из них православная, она нашла свое завершение в педагогическом учении В. В. Зеньковского (Зеньковский, 1996); другая — модернизация мусульманского образования в трудах И. Гаспринского (Саттарова, 2015). Со второй половины XIX века в России начинается педагогический бум, он станет отражением социально-экономических преобразований Александра II и будет непосредственно связан с общественными движениями в стране. Вопросы образования и воспитания волновали писателей, философов, общественных деятелей. Громко звучал голос Л. Н. Толстого, который критиковал и культуру, и образование, предлагая новые идеи, он «проводит морально-нравственную черту между двумя вариантами поведения человека. Один вариант выражен в виде так называемой животной личности, олицетворяющей поведение человека, не осознающего высших ценностей, устремленного к наслаждению, личному благу; второй вариант — это поведение человека, осознающего нравственные ценности и потому отвергающего принципы животного существования» (Сухорукова, 2020, с. 30). Вопрос нравственности соприкасался с проблемой всеобщего народного образования. Педагогика стала выходить на уровень философской антропологии, в которой формирование личности рассматривается через категории абсолютных ценностей. Одним из представителей этого направления стал С. И. Гессен, педагогическую деятельность которого «связывают с развитием в XX веке системы личностно ориентированного образования» (Разбеглова, 2019, с. 11); большую роль в этом процессе играет «путь достижения абсолютных ценностей через культуру, созданную человечеством, и приобщение к ней». Вторым представителем

этого направления стал В. В. Зеньковский, для которого формирование личности — «это устремленность к просветленному божественному первоначалу основания мира: к Абсолютной Любви через “принцип симфонии”» (Крылова, 2003, с. 46). Нельзя не сказать о педагогической деятельности Н. И. Ильминского — просветителя, человека посветившего всю свою жизнь просвещению народов России (Ильминский, 2021). Богатство отечественных идей и теорий найдет свое отражение в работе П. Ф. Каптерева «История русской педагогики», вышедшей в 1915 году (Каптерев, 2004).

При таком многообразии педагогических идей и практик начинается в 1917 году реализация основных идей политехнического образования К. Маркса. Надо сказать, что первоначального единства относительно образовательной концепции у новой власти не было. После целого ряда дискуссий, с учетом замечаний и комментариев Ленина, история советской педагогики начнется в 1918 году с Декрета о единой трудовой школе, которая была объявлена главным средством образования и коммунистического воспитания. Согласно этому декрету были приняты «Основные принципы единой трудовой школы», среди которых: равенство представителей всех национальностей; введение общественно-политических дисциплин коммунистического содержания; соединение обучения с общественно-полезным трудом; создание школьного самоуправления. В итоге в первые годы советской власти широко распространилась теория отмирания школы как особого общественного института, широко используется школьное самоуправление. Однако на практике эта теория привела к значительному снижению качества обучения. Произошел отказ от предметной системы обучения. История как отдельный предмет не изучалась, исторический материал фрагментарно и хаотично включался в комплексные программы по обществоведению (Щулепникова, 2014). Это вызвало проблемы и дискуссии в педагогическом сообществе (Щулепникова, 2020). В конце 1920-х годов стало понятно, что сделанная установка на саморазвитие личности, использование общественно-полезного труда и господство одной коммунистической идеологии и пролетарского интернационализма (Огородникова, Емельянова, 2021, с. 24) при исключении достижений мировой культуры не позволяет дать хорошее образование и, как следствие, дать стране профессионала. Социальный запрос советского государства, связанный с определенными экономическими и политическими требованиями времени в годы НЭПа, а затем в период построения социализма заставил партию большевиков менять курс образования, уходить от марксистско-ленинской политехнической формулы и восстанавливать в какой-то части дореволюционную классическую систему образования. Анализируя историю советского образования в 1920–1930-е годы, Гессен напишет о сложности внедрения в жизнь идей Маркса, отмечая, что идеал «коммунистически-профессионального» образования в конце 1920-х годов вытесняет идеал образования «политехнического», произошла «контрреволюция» в образовании, она заключалась в реставрации элементов старой школы, среди которых были: урок, учебники, дисциплина, оценки, экзамены, авторитет учителя. Отменялся

принцип демократизации школы и вузов, уходили методы проектной деятельности (Гессен, 1933). Это замечание интересно тем, что оно свидетельствует о своеобразной трансформации коммунистической концепции образования: помыкавшись, сделав пробные шаги по реализации в чистом виде модели политехнического образования с присущими ему элементами свободного труда, общественной организации, самоуправления и под верховенством коммунистической идеологии, т. е. всего того, что соответствовало школе будущего, столкнувшись с суровой действительностью, советское образование вынуждено было вернуться к дореволюционной школе с ее традициями. Стране нужны были специалисты, с хорошими знаниями и профессиональными качествами, а партии — контроль над системой образования.

Таким образом, проблема качественного образования и востребованность в специалистах заставили изменить образовательную доктрину «Трудовой школы». Меняя содержание образования, включая в него историческое наследие мировой и отечественной культуры, советская власть создает предпосылки для формирования серьезного научно-образовательного фундамента в мировоззрении советского общества. Системное и фундаментальное знание станет определяющим фактором советской доктрины образования. Восстанавливаются образовательные практики дореволюционной школы: дисциплина, учебники, экзамены, классно-урочная система и другие элементы образовательного процесса. Вместе с ними в том или ином виде включаются в образовательный процесс все те идеи, которые были представлены в образовательном дискурсе императорской России. При этом сохраняются отдельные принципы и политехнического образования, и просвещенческой модели в своеобразном синтезе: коммунистическая идеология, которая ориентирует все общество на построение идеального будущего, в котором участвуют все граждане страны. Труд реабилитируется участием всех в работе и над формированием гармоничной личности, и во включенности советских людей в общее дело. Всеобщность образования, его демократизация создает равные возможности для участия человека в образовательном процессе, создавая перспективу будущего и для личности, и для государства в целом.

Итак, образование, на то и образование (от слова «образ»), потому что формирует у человека образ будущего, являясь главным инструментом становления мировоззрения личности, особенностей ее мышления и восприятия действительности. В этом отношении советское образование, как было выше сказано, являлось продолжением российской традиции включения, синтеза и переработки культурных заимствований в соответствии с поставленными элитой целями и сложившимися общественно-национальными ценностями и возможностями. Этот синтез был успешным, поскольку давал цельную и стройную картину мира. Советская система (как и все в индустриальную эпоху) являлась довольно эффективной образовательной индустрией, предлагающей рациональную картину мира и заманчивый образ совместного строительства прекрасного будущего на основе марксистских идей. Она ставила

своей целью сформировать гармонично развитого человека с коллективистскими ценностями, настроенного на реализацию глобального проекта всеобщего счастья. Присущие ей просвещенческая вера в человеческий разум и прогрессивное развитие вселяли оптимизм, рисовали высокий общественный идеал, давали уверенность в светлом будущем.

Однако в дальнейшем эта система столкнулась с фатальным кризисом в тех условиях, когда практика жизни и образ будущего, рисуемые советской идеологией, окончательно перестали соответствовать реальности, а начавшаяся новая эпоха не смогла предложить стратегий жизненного пути подобного мировоззренческого масштаба. Сегодня нельзя утверждать, что российская элита выработала мировоззренческую модель, адекватную современным реалиям, имеющую четкую цель, дающую стройную систему ценностей, научную картину мира и позитивные символы. Это подтверждается уже хотя бы тем фактом, что образовательные реформы и разного рода непонятные для общества преобразования как дурная реальность делятся бесконечно и вызывают только стрессовое состояние, ожесточенные споры, неудовольствие и неприятие широких общественных слоев.

Чтобы реализация любой реформаторской стратегии была успешной, она должна иметь и четкие понятные цели и учитывать представления и ценности, которые разделяет большинство населения, иначе реформы не будут поддержаны этим большинством. В случае с изменениями в сфере образования элита продемонстрировала определенную нечувствительность к общественным запросам, и если добавить сюда нежелание и неумение объяснять обществу свои намерения, снизила легитимность проводимых преобразований.

Ситуация усугубляется тем мировоззренческим вакуумом, который характерен для сегодняшнего мировосприятия российского общества. Влияние четвертой промышленной революции привело к тому, что мы живем в сложном мире нестабильности, неопределенности, неоднозначности, в котором все меняется чрезвычайно быстро. Наша новая реальность утратила привычные механизмы передачи опыта, даже социализация личности все в большей степени происходит виртуально, и сама культурная среда, включая фильтры культурного восприятия, под влиянием информационных технологий трансформируется гигантскими темпами. Люди же всегда, особенно во времена кризисов и трансформаций, нуждаются в ориентирах, упорно пытаются разглядеть контуры того, что маячит за горизонтом. Вероятно, по этой причине в современном российском обществе зреет понимание необходимости обоснования общей идеологической концепции развития и функционирования общества и государства. Думается, что это закономерное явление (Королева, 2016, с. 30). Но российская элита не смогла предложить вдохновляющий образ будущего для сегодняшнего человека, живущего в информационных реалиях, поэтому мы видим стихийный перенос ценностей из советской модели в условия современной неопределенности.

В первую очередь это идея гармонично развитой личности. Под влиянием пережитого опыта социальных катаклизмов и отсутствия системы мировоззренческих идей, отказа от коллективистского будущего российское общество атомизировалось и появился специфический индивидуализм, которого в таком виде раньше не было. Современный молодой человек понимает идею гармонично развитой личности как исключительно индивидуальную самореализацию, поскольку ему не предлагается никакой другой вариант этой идеи в широком общесоциальном смысле. Человек должен быть всесторонне развит для двух вещей — собственной индивидуальной самореализации и возможности выстраивания индивидуальной стратегии выживания в опасной среде.

В советском контексте гармонично развитая личность — результат всеобщего общественного развития, функционирования коллектива и условие строительства будущего прекрасного общества. В сегодняшней ситуации — из всеобщего перешли на локальный фокус и даже индивидуальный — личность должна быть универсальной, потому что она не часть чего-то мощного и единого, ей не на кого опереться, за ней нет коллектива, в лучшем случае она член команды. Здесь заметно даже лингвистическое фиксирование этой трансформации. Универсальный человек для воплощения грандиозной идеи сменился индивидуумом с универсальными компетенциями. Этот человек не член коллектива, а часть команды, который «способен осуществлять социальное взаимодействие и реализовывать свою роль в команде» для выполнения конкретных функциональных целей (УК-3, ФГОС 3++). Ему нужны знания, чтобы приобрести умения, необходимые для выполнения целей работодателей. Нетрудно заметить, что в новых условиях, когда имеется возможность использовать технологические достижения для развития личности и повышения уровня ее знаний, сохранились общественные представления о государстве, которое несет ответственность за систему образования (немецко-российская и советская модели), а также не соответствующие этим целям худшие практики из советского наследия — бюрократизм и формализация образовательного процесса. Общество надеется на государство, бюрократия же, оказавшись не в состоянии заполнить мировоззренческий вакуум, отказывается на практике от приоритета фундаментального и системного знания, характерного для советского образования. Опыт деятельности без научного мировоззрения и общезначимых целей может привести новому варианту экономического человека, чрезвычайному упрощению личности, тем более что современная информационная культура дает возможность как ее усложнения, так и чрезвычайной примитивизации (Попова, 2018).

Надо сказать, что удовлетворения таким положением дел в российском обществе нет и быть не может, поскольку человеку всегда нужно общее видение и объяснение смысла происходящего, хотя, конечно, потребности рядовых членов часто ограничиваются по преимуществу бытовыми задачами и в отсутствие приемлемой объяснительной модели мира удовлетворяются

заглядыванием в гороскопы, обращениями к странным пророкам и предсказателям. Но для тех, кто ощущает этот идейный вакуум, ностальгия по коллективным целям выражается в сожалении об утрате советского проекта, который идеализируется в отношении научно технических и социальных достижений (Сомов, 2012).

Высокий статус образования как такового тоже необходимо отнести к советскому наследию. Авторитет этот базируется на представлении о прекрасном советском образовании, которое было доступно каждому желающему и открывало возможности для продвижения по социальной лестнице. Получение образования делало вашу жизнь лучше — учишься и станешь инженером или ученым, уважаемым и полезным обществу человеком умственного, не физического труда. Впоследствии это вылилось в настоящий образовательный бум, точнее его симуляцию, все родители стремились дать своим детям высшее образование, полагая его обязательным условием безбедной жизни. Спрос породил предложение — в реальности стали штамповаться не знания, а дипломы. Но сильнейший импульс представления об образовании как большой самостоятельной ценности и наилучшего пути к общественной гармонии сохраняется и инерционно еще очень сильно влияет на поведение современного человека. Именно это дает надежду на дальнейшее интеллектуальное развитие российского общества.

Мы уже отметили опасную возможность упрощения личности в связи с тем, что современная российская образовательная система сохраняет основания индустриальной эпохи, стремится формировать человека не как «венца творения», а как часть социальной машины, обладающую необходимым минимумом знаний для выполнения необходимых функций. Но человека, формирующегося в многочисленности информационных потоков и культурных сред, включая виртуальные, понимающего, что в таких условиях надо быть намного умнее, чем 100 или даже 50 лет назад, уже не может устраивать отношение к себе как к несамостоятельной части, как к существу с формой подличностного мышления (человек — элемент, винтик) или надличностного (совокупного социального) мышления. Поскольку сегодня есть машины с интеллектом, превосходящим обе эти формы, и на них вообще можно переложить интеллектуальный труд, а горизонт жизненного планирования индивида не превышает пяти лет, новая интерпретация идеи гармоничного развития личности потребовала представления о таком образовании, которое не просто механически соединяет *soft skills* и *hard skills*, а дает необходимое сочетание разных видов интеллекта, в том числе эмоционального и социального (IQ, EQ, SQ), для формирования личностного потенциала, необходимого для выживания в непредсказуемых условиях быстроменяющейся среды (Попова, 2017). Тут напрашивается утверждение, что советская идея всесторонне развитой личности, обогащенной «знанием всех тех богатств, которые выработало человечество», сегодня трансформировалась в идею креативной личности, умеющей на основе своего потенциала творчески подходить к решению

любых задач. Но это было бы безоговорочно верным, если бы современная образовательная система не потеряла первенство в формировании картины мира современного молодого человека и не только декларировала, но и справлялась с формированием «критического и понятийного мышления», необходимых для научного мировоззрения. Простое использование ИТ в школах и вузах, увеличивая доступность информации, не помогает решать эту задачу. Когда же на базе клипового мышления и стремления получать несистематические, утилитарные знания под конкретные навыки предлагается формировать «свое мнение», закономерным результатом становится не креативность, а элементарная узость взглядов и их мифологизация. Отсюда же различного рода зависимости, неумение владеть собой, невозможность отделить фейк от реальных знаний.

В условиях растущего запроса на социальную справедливость современном российском обществе (Магун, Руднев, 2019), очень важно отметить сохраняющуюся актуальность советского принципа доступности образования для всех — его демократичности и всеобщности (Воронина, 2019). Поэтому введение системы ЕГЭ обосновывалось в том числе и тем, что она может позволить любому талантливому ребенку поступить в самый престижный московский вуз. Цифровизация школ и университетов будет способствовать ликвидации цифрового неравенства. Создание цифровой национальной образовательной платформы и обучение в онлайн-формате сделают доступным для всех желающих получение знаний от лучших преподавателей и университетов. Однако современная социология фиксирует, что понимание принципа доступности и всеобщности образования стало намного сложнее и вовсе не означает одинаковости знаний на основе единой теории, а рассматривается исключительно как равенство возможностей получения образования, необходимого для индивидуального выживания, индивидуальной самореализации и для «свободы самовыражения личности».

В похожем направлении трансформировалась и идея свободного творческого труда. Он перестал выступать как необходимый и желательный вклад личности в осуществление грандиозного социального проекта счастливого будущего. Но не перестал рассматриваться как необходимая часть воспитательного процесса, содействующая развитию способностей человека. Изменилось целеполагание, в нем отразился общий глобальный тренд современности — изменения в сторону повышения значимости ценностей индивидуального самовыражения (Инглхарт, 2018). Труд обязательно должен быть интересным, никакой рутины, считают современные молодые люди, он должен приносить удовольствие, способствовать самореализации личности. Можно ли предположить, что это проявление окончательного фиаско экономического человека, против которого боролся Маркс, и свидетельство перехода к интеллектуально-творческой экономике? Трудно сказать. Пока это выглядит только как привлекательная цель: человек занят свободным творческим трудом в цифровой экономике доверия. В реальности же многие молодые люди, чьи потребности полностью удовлетворяются и нет нужды в приложении усилий для строительства своей жизни и для получения знаний, оказываются без научной картины мира, а их «творческая реализация» вырождается в инфантилизм и деятельность без смысла.

Заключение

В современных реалиях культурной трансформации, формирования информационной культуры и цифровизации общества можно говорить об инерционном сохранении таких гуманистических принципов советской образовательной системы, как доступность, фундаментальность и системность образования (мировая культура), гармонично развитой личности и необходимости свободного и творческого труда. Однако современная российская элита не смогла предложить образ будущего как мировоззренческую модель, адекватную современным реалиям, имеющую четкую цель, дающую стройную систему ценностей, научную картину мира и позитивные символы, поэтому перенос ценностей из советской модели в условия современной неопределенности носит стихийный характер и положительная сторона советского наследия может окончательно потерять свое значение, поскольку человек в современных условиях не имеет возможности выстроить стратегию своего жизненного пути.

Литература

- Ашенова Т. М. Доктрина советского образования и современная реформа образования // Национальные приоритеты России. 2012. № 1 (6). С. 30–34. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21182576>
- Воронина Н. С. Восприятие социальной справедливости россиянами на основе данных европейского исследования // Научный результат. Социология и управление. 2019. Т. 5. № 1. С. 39–51. DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-1-0-4
- Викулина В. В. Категориальный статус понятия «экономический человек» // Вестник ОГУ. 2009. № 7 (101). С. 128–130. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=12987165>
- Гессен С. И. Судьба коммунистического идеала образования // Новый Град. 1933. № 6. С. 42–59.
- Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Т. 3. Новое время. СПб.: Петрополис, 1996. 736 с. ISBN 5-86708-078-1
- Джохадзе И. Д. Демократия после Модерна. М.: Праксис, 2006. 112 с.
- Зеньковский В. В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. М.: Школа-Пресс, 1996. 272 с. ISBN 5-900249-03-4
- Ильминский Н. И. (2021). Система народного и в частности инородческого образования в Казанском крае [Электронный ресурс] // Православный портал «Азбука веры». URL: https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Ilminskii%CC%86/sistema-narodnogo-i-v-chastnosti-inorodcheskogo-obrazovaniya-v-kazanskom-krae/ (дата обращения: 04.05.2021).
- Инглхарт, Р. Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М.: Мысль, 2018. 346 с. ISBN 978-5-244-01202-6
- Каптерев П. Ф. История русской педагогики: учеб. пособие для студ. высш. и сред. спец. учеб. заведений. СПб.: Алетейя, 2004. 559 с. ISBN 5-89329-644-3

- Королева Л. В. И снова об идеологии (О некоторых идеологических концептах для современной России) // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2016. № 1 (17). С. 28–35. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25941125&>
- Крылова Н. В. Философия образования С. И. Гессена и В. В. Зеньковского // Известия российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2003. Т. 3. № 6. С. 46–55. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=12893433>
- Марченко Ю. Г. Социокультурное конструирование «нового человека» в 1920-е гг. и его современный вариант // Вестник Томского гос. ун-та. 2008. № 317. С. 77–82. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11706237>
- Магун В. С., Руднев М. Г. Динамика базовых ценностей российского населения: 2006–2018 // Будущее социологического знания и вызовы социальных трансформаций (к 90-летию со дня рождения В. А. Ядова): сб. мат-лов Междунар. науч. конф. (Москва, 28–30 ноября 2019 г.) / отв. ред. М. К. Горшков; ФНИСЦ РАН. М., 2019. С. 903. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41587943>
- Огородникова О. А., Емельянова А. А. Дискуссии о преподавании истории в советской школе // Журнал исторических исследований. 2021. Т. 6. № 1. С. 23–26. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44898896&>
- Панарин А. С. Народ без элиты. М. Алгоритм; Эксмо, 2006. 352 с. ISBN 5-699-15010-2
- Попова Т. В. Проблема выбора жизненной стратегии индивида в условиях информационной культуры // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2018. № 3. С. 64–71. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35617773>
- Попова Т. В. Формирование социального интеллекта в условиях современного образования // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2017. № 3 (15). С. 114–118. DOI: 10.24151/2409-1073-2017-3-114-118
- Разбеглова Т. П. Педагогическая теория С. И. Гессена и антропоцентрическая образовательная парадигма XX в. // Гуманитарные науки: научно-практический журнал. 2019. № 3 (47). С. 10–17. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41138932>
- Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Т. 3. Новое время. СПб.: Петрополис, 1996. 736 с.
- Саттарова З. М. Джадидистская реформа образования И. Гаспринского // Вопросы крымско-татарской филологии, истории и культуры. 2015. № 1. С. 25–29. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25772981>
- Сомов В. А. Советский человек как социокультурный тип в современном научном дискурсе // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 6–3. С. 117–122. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20401031>
- Субетто А. И. Качество непрерывного образования в Российской Федерации: состояние, тенденции, проблемы, прогнозы: (опыт мониторинга). СПб.: Астерион, 2015. 385 с. ISBN 9785000453377
- Сухорукова О. А. Религиозно-философские взгляды Л. Н. Толстого и секулярная религиозность // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2020. № 3 (35). С. 28–37. DOI: 10.25688/2078-9238.2020.35.3.03
- Сухорукова О. А. Формирование понятия «нация» в общественно-политической мысли России // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2018. № 3. С. 25–36. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36421634>

- Филатов И. В. Homo faber в его истории // Вестник Московского ун-та. Сер. 6. Экономика. 2014. № 1. С. 37–56. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/homo-faber-v-ego-istorii/viewer>
- Щулепникова Е. И. Дискуссия об истории и обществоведении в 1920-е годы // Преподавание истории в школе. 2020. № 6. С. 56–60. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43782941>
- Щулепникова Е. И. Из истории «Школы без истории» // Государство, общество, церковь в истории России XX века: мат-лы XIII Междунар. науч. конф. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2014. С. 598–604. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22314678>

References

- Ashenova, T. M. (2012). Doktrina sovetского obrazovaniya i sovremennaya reforma obrazovaniya [The doctrine of Soviet education and modern education reform]. *Nacional'ny'e priority` Rossii [National Priorities of Russia]*, 1 (6), 30–34. [in Rus.]. Retrieved from <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21182576>
- Filatov, I. V. (2014). Homo faber v ego istorii [Homo faber in his history]. *Vestnik Moskovskogo un-ta. Ser. 6. E'konomika [Bulletin of the Moscow University. Ser. 6. Economics]*, 1, 37–56. [in Rus.]. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/homo-faber-v-ego-istorii/viewer>
- Hessen, S. I. (1933). *Sud'ba kommunisticheskogo ideala obrazovaniya [The Fate of the Communist ideal of education]*. Novy Grad, 6, 42–59.
- Ilyinsky, N. I. (2021). Sistema narodnogo i v chastnosti inorodcheskogo obrazovaniya v Kazanskom krae [The system of national and in particular foreign education in the Kazan Region]. In: *Pravoslavnyj portal «Azbuka very» [The Orthodox portal «The ABC of Faith»]*. [in Rus.]. Retrieved from https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Il'minskii%CC%86/sistema-narodnogo-i-v-chastnosti-inorodcheskogo-obrazovaniya-v-kazanskom-krae/ (accessed: 04.05.2021).
- Inglehart, R. (2018). *Kul'turnaya e'voljuciya: kak izmenyayutsya chelovecheskie motivacii i kak e'to menyaet mir [Cultural Evolution: how human motivations change and how it changes the world]*. Moscow: My'sl. 346 p. ISBN 978-5-244-01202-6. [in Rus.].
- Jokhadze, I. D. (2006). *Demokratiya posle Moderna [Democracy after Modern]*. Moscow: Praksis. 112 p. [in Rus.].
- Kapterev, P. F. (2004). *Istoriya russkoj pedagogiki [History of Russian pedagogy]*: Textbook for students of higher and secondary specialized educational institutions. SPb.: Aletejya. 559 p. ISBN 5-89329-644-3. [in Rus.].
- Korolyova, L. V. (2016). I snova ob ideologii (O nekotory'x ideologicheskix konceptax dlya sovremennoj Rossii) [And again about ideology (About some ideological concepts for modern Russia)]. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 1 (17), 28–35. [in Rus.]. Retrieved from <https://elibrary.ru/item.asp?id=25941125&>
- Kry'lova, N. V. (2003). Filosofiya obrazovaniya S. I. Gessena i V. V. Zen'kovskogo [The philosophy of education of S. I. Gessen and V. V. Zenkovsky]. *Izvestiya rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena [Proceedings of the A. I. Herzen Russian State Pedagogical University]*, 3 (6), 46–55. [in Rus.]. Retrieved from <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=12893433>

- Magun, V. S., & Rudnev, M. G. (2019). Dinamika bazovy`x cennostej rossijskogo naseleniya: 2006–2018 [Dynamics of the basic values of the Russian population: 2006–2018]. In: Gorshkov M. K. (ed.). *Budushhee sociologicheskogo znaniya i vy`zovy` social`ny`x transformacij (k 90-letiyu so dnya rozhdeniya V. A. Yadova)* [The future of sociological knowledge and the challenges of social transformations (to the 90-th anniversary of the birth of V. A. Yadov)]: Collection of materials of International Scientific Conference (Moscow, November 28–30, 2019). Moscow: FNISTC RAS. 903 p. [in Rus.]. Retrieved from <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41587943>
- Marchenko, Yu. G. (2008). Sociokul`turnoe konstruirovaniye «novogo cheloveka» v 1920-e gg. i ego sovremenny`j variant [Socio-cultural construction of the “new man” in the 1920-s. and its modern version]. *Vestnik Tomskogo gos. un-ta* [Bulletin of Tomsk State University], 317, 77–82. [in Rus.]. Retrieved from <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11706237>
- Ogorodnikova, O. A., & Emelyanova, A. A. (2021). Diskussii o prepodavanii istorii v sovetskoj shkole [Discussions about the teaching of history in the Soviet school]. *Zhurnal istoricheskix issledovanij* [Journal of Historical Research], 6 (1), 23–26. [in Rus.]. Retrieved from <https://elibrary.ru/item.asp?id=44898896&>
- Panarin, A. S. (2006). *Narod bez e`lity`* [The People without the elite]. Moscow: Algoritm; E`ksmo. 352 p. ISBN 5-699-15010-2. [in Rus.].
- Popova, T. V. (2017). Formirovaniye social`nogo intellekta v usloviyax sovremennogo obrazovaniya [Formation of social intelligence in the conditions of modern education]. *E`konomicheskie i social`no-gumanitarny`e issledovaniya* [Economic and socio-humanitarian studies], 3 (15), 114–118. [in Rus.]. DOI: 10.24151/2409-1073-2017-3-114-118
- Popova, T. V. (2018). Problema vy`bora zhiznennoj strategii individa v usloviyax informacionnoj kul`tury` [The problem of choosing an individual`s life strategy in the context of information culture] // *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 3, 64–71. [in Rus.]. Retrieved from <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35617773>
- Razbeglova, T. P. (2019). Pedagogicheskaya teoriya S. I. Gessena i antropocentricheskaya obrazovatel'naya paradigma XX v. [Pedagogical theory of S. I. Gessen and the anthropocentric educational paradigm of the XX century]. *Gumanitarny`e nauki-nauchno-prakticheskij zhurnal* [Humanities: a scientific and practical journal], 3 (47), 10–17. [in Rus.]. Retrieved from <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41138932>
- Reale, J., & Antiseri, D. (1996). *Zapadnaya filosofiya ot istokov do nashix dnei. T. 3. Novoe vremya* [Western Philosophy from the Origins to the Present day. Vol. 3. New Time]. Saint-Petersburg: Petropolis. 736 p. ISBN 5-86708-078-1. [in Rus.].
- Sattarova, Z. M. (2015). Dzhadidistskaya reforma obrazovaniya I. Gasprinskogo [Jadidist reform of education of I. Gasprinsky]. *Voprosy` kry`msko-tatarskoj filologii, istorii i kul`tury`* [Questions of Crimean Tatar philology, history and culture], 1, 25–29. [in Rus.]. Retrieved from <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25772981>
- Somov, V. A. (2012). Sovetskij chelovek kak sociokul`turny`j tip v sovremennom nauchnom diskurse [The Soviet Man as a sociocultural type in modern scientific discourse]. *Vestnik Nizhegorodskogo un-ta im. N. I. Lobachevskogo* [Bulletin of the Lobachevsky Un-ty of Nizhny Novgorod], 6–3, 117–122. [in Rus.]. Retrieved from <https://elibrary.ru/item.asp?id=20401031>

- Subetto, A. I. (2015). *Kachestvo nepreryvnogo obrazovaniya v Rossijskoj Federacii: sostoyanie, tendencii, problemy, prognozy: (opyt monitoringa) [Quality of continuing education in the Russian Federation: state, trends, problems, forecasts: (monitoring experience)]*. Saint-Petersburg: Asterion. 385 p. ISBN 9785000453377. [in Rus.].
- Sukhorukova, O. A. (2018). Formirovanie ponyatiya «naciya» v obshhestvenno-politicheskoy my'sli Rossii [Formation of the concept of “nation” in the socio-political thought of Russia]. *MCU Journal of Historical Sciences*, 3, 25–36. [in Rus.]. Retrieved from <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36421634>
- Sukhorukova, O. A. (2020). Religiozno-filosofskie vzglyady L. N. Tolstogo i sekulyarnaya religioznost' [L. N. Tolstoy's religious and philosophical views and secular religiosity]. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 3 (35), 28–37. [in Rus.]. DOI: 10.25688/2078-9238.2020.35.3.03
- Shchulepnikova, E. I. (2020). Diskussiya ob istorii i obshhestvovedenii v 1920-e gody' [Discussion about history and social science in the 1920-s]. *Prepodavanie istorii v shkole [Teaching History at School]*, 6, 56–60. [in Rus.]. Retrieved from <https://elibrary.ru/item.asp?id=43782941>
- Shchulepnikova, E. I. (2014). Iz istorii «Shkoly bez istorii» [From the history of “Schools without History”]. In: *Gosudarstvo, obshchestvo, cerkov' v istorii Rossii XX veka [The state, society, and the church in the history of Russia of the XX century]*: Proceedings of the XIII International Scientific Conference (p. 598–604). Ivanovo: Ivanovo State Un-ty. [in Rus.]. Retrieved from <https://elibrary.ru/item.asp?id=22314678>
- Vikulina V. V. (2009). Kategorial'nyj status ponyatiya «ekonomicheskij chelovek» [The categorical status of the concept of “economic man”]. *Vestnik OGU [Bulletin of the OSU]*, 7 (101), 128–130. [in Rus.]. Retrieved from <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=12987165>
- Voronina, N. S. (2019). Vospriyatie social'noj spravedlivosti rossiyanami na osnove dannyx evropejskogo issledovaniya [Perception of social justice by Russians based on the data of the European study]. *Nauchnyj rezul'tat. Sociologiya i upravlenie [Scientific result. Sociology and Management]*, 5 (1), 39–51. [in Rus.]. DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-1-0-4
- Zenkovsky, V. V. (1996). *Problemy vospitaniya v svete xristianskoj antropologii [Problems of education in the light of Christian anthropology]*. Moscow: School-Press. 272 p. ISBN 5-900249-03-4. [in Rus.].

УДК 378.141

DOI: 10.25688/2078-9238.2021.39.3.08

А. А. Казенина⁽¹⁾,С. В. Черненькая⁽²⁾

Реализация элективных дисциплин социально-гуманитарного профиля как средство гуманизации и гуманитаризации среднего профессионального образования

В статье рассматривается возможность включения элективных дисциплин социально-гуманитарного профиля в вариативную часть образовательных программ среднего профессионального образования, реализуемых образовательными организациями Москвы. Авторами статьи проведен анализ нормативно-правового сопровождения и методического обеспечения проектирования и реализации данного образовательного цикла, в ходе которого были выявлен ряд проблем, препятствующих модернизационным процессам в сфере профессионального образования. Обосновывая необходимость расширения содержания социально-гуманитарной предметной области в образовательных программах среднего профессионального образования, раскрываются основные положения государственной образовательной и молодежной политики в части выполнения мероприятий по созданию условий для развития у обучающихся гражданской и культурной идентичности, навыков межкультурной и межнациональной коммуникации в условиях современного мира. В этой связи делается акцент на целях и задачах, поставленных государством и обществом перед системой образования, выполнение которых возможно в случае пересмотра традиционных управленческих, организационных и методических подходов к осуществлению образовательной деятельности. В основу концепции модернизации среднего профессионального образования за счет включения элективных дисциплин положен опыт реализации общеуниверситетских элективных модулей в формате Liberal Arts, практикуемом на программах бакалавриата в Московском городском педагогическом университете. В статье представлены основные положения концепции, принципы и подходы, применение которых позволит улучшить качество гуманитарной подготовки обучающихся, повысить мобильность содержания среднего профессионального образования к изменениям социокультурной среды, обеспечить преемственность с высшим образованием уровня бакалавриат.

Ключевые слова: элективные дисциплины; модернизация среднего профессионального образования; инновационные решения.

Для цитирования: Казенина А. А., Черненькая С. В. Реализация элективных дисциплин социально-гуманитарного профиля как средство гуманизации и гуманитаризации среднего профессионального образования // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2021. № 3 (39). С. 86–96. DOI: 10.25688/2078-9238.2021.39.3.08

- ⁽¹⁾ *Казенина Анна Анатольевна* — кандидат философских наук, доцент общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук МГПУ.

Московский городской педагогический университет (МГПУ), 2-й Сельскохозяйственный пр., д. 4, Москва, 129226, Россия.

E-mail: kazeninaa@mgpu.ru

ORCID: 0000-0002-2819-8958

- ⁽²⁾ *Черненко Светлана Васильевна* — кандидат философских наук, доцент, доцент общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук МГПУ.

Московский городской педагогический университет (МГПУ), 2-й Сельскохозяйственный пр., д. 4, Москва, 129226, Россия.

E-mail: Chernenkayav@mgpu.ru

ORCID: 0000-0002-7103-3059

UDK 378.141

DOI: 10.25688/2078-9238.2021.39.3.09

Anna A. Kazenina⁽¹⁾,

Svetlana V. Chernenkaya⁽²⁾

Implementation of Elective Disciplines of Social and Humanitarian Profile as a Means of Humanization and Humanitarization of Secondary Vocational Education

The article considers the possibility of including elective disciplines of the socio-humanitarian profile in the variable part of the educational programs of secondary vocational education implemented by educational organizations of the city of Moscow. The authors of the article analyzed the regulatory support and methodological support for the design and implementation of this educational cycle, during which a number of problems were identified that hinder the modernization processes in the field of vocational education. Justifying the need to expand the content of the socio-humanitarian subject area in the educational programs of secondary vocational education, the main provisions of the state educational and youth policy in terms of implementing measures to create conditions for the development of students' civil and cultural identity, skills of intercultural and interethnic communication in the modern world are revealed. In this regard, the emphasis is placed on the goals and objectives set by the state and society for the education system, the implementation of which is possible in the case of a revision of traditional managerial, organizational and methodological approaches to the implementation of educational activities. The concept of modernization of secondary vocational education through the inclusion of elective disciplines is based on the experience of implementing university-wide elective

modules in the Liberal Arts format, practiced in bachelor's degree programs at the State Autonomous Educational Institution of Higher Education in Moscow "Moscow City Pedagogical University". The article presents the main provisions of the concept, principles and approaches, the application of which will improve the quality of humanitarian training of students, increase the mobility of the content of secondary vocational education to changes in the socio-cultural environment, ensure continuity with higher education at the bachelor's level.

Keywords: elective disciplines; modernization of secondary vocational education; innovative solutions.

For citation: Kazenina, A. A., & Chernenkaya, S. V. (2021). Realizaciya e'lektivny'x disciplin social'no-gumanitarnogo profilya kak sredstvo gumanizacii i gumanitarizacii srednego professional'nogo obrazovaniya [Implementation of elective disciplines of social and humanitarian profile as a means of humanization and humanitarization of secondary vocational education]. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 3 (39), 86–96. [in Rus.]. DOI: 10.25688/2078-9238.2021.39.3.08

(1) *Kazenina Anna Anatoljevna* — PhD (Philosophy), associate professor of the All-university department of Philosophy and Social Sciences, Institute of Human Sciences, MCU.

Moscow City University, 2nd Selskohosyaystvenny proezd, 4, Moscow, 129226, Russia.

E-mail: kazeninaa@mgpu.ru

ORCID: 0000-0002-2819-8958

(2) *Chernenkaya Svetlana Vasiljevna* — PhD (Philosophy), Associate Professor, associate professor of the All-university department of Philosophy and Social Sciences, Institute of Human Sciences, MCU.

Moscow City University, 2nd Selskohosyaystvenny proezd, 4, Moscow, 129226, Russia.

E-mail: Chernenkayasv@mgpu.ru

ORCID: 0000-0002-7103-3059

Введение

Одним из основных требований со стороны Российского государства и общества к системе профессионального образования является ее направленность на удовлетворение интересов и потребностей человека во всестороннем развитии, включающем в себя как личностный аспект, так и профессиональную траекторию. Не вызывает сомнений важность профессионального блока образования как компонента, качество освоения которого оказывает непосредственное влияние на потенциальные возможности и перспективы развития рынка труда. Однако общеразвивающий образовательный компонент также не может оставаться без внимания. В этом смысле следует отметить, что в современных социальных, культурных, политических и экономических условиях довольно остро стоит проблема гуманизации и гуманитаризации образования, разрешение которой возможно через создание активной, событийной, развивающей образовательной среды,

компоненты которой способствуют формированию у обучающихся потребности в саморазвитии, самоопределении и самореализации. Данный процесс должен выстраиваться образовательными организациями с учетом инициативы обучающихся и на основе сложившихся в российском обществе исторических традиций, культурных ценностей, в том числе свойственного для него характера взаимоотношений и взаимодействия с другими культурами.

Постановка проблемы

Модернизация системы российского профессионального образования осуществляется по нескольким направлениям, среди которых одним из основных является повышение статуса образования как системообразующего социального института. В Указе Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» в части реализации национального проекта «Образование» делается что для важности качественного выполнения образовательными организациями обучающей, воспитательной и культурно-просветительской функций, обеспечения условий для развития гармоничной и социально ответственной личности (*Паспорт национального проекта «Образование»...*, 2018). В этом же контексте в Федеральном законе от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» и в Законе города Москвы от 30.09.2009 № 39 «О молодежи» (с изменениями на 10.06.2020) отмечается необходимость применения ресурсов образовательных организаций в целях обеспечения включенности молодого поколения в социокультурную, экономическую и политическую жизнь российского общества, устранения негативных явлений в молодежной среде (*Федеральный закон...*, 2020; *Закон города Москвы...*, 2009).

Сопоставляя качественные характеристики образовательных программ высшего образования и среднего профессионального образования, обозначенные в федеральных государственных стандартах соответствующих уровней образования, следует отметить, что содержание образовательных программ среднего профессионального образования отличается меньшей степенью мобильности в части формирования вариативной части, планирования образовательных результатов, что делает среднее профессиональное образование инерционным, невосприимчивым к инновациям. Это является препятствием в становлении новой парадигмы профессионального образования, отвечающей задачам постиндустриального общества.

Методология исследования

При проведении исследования использованы методы институционального и структурно-функционального анализа.

Результаты исследования

В разработанном государственном проекте Стратегии развития системы подготовки рабочих кадров и формирования прикладных квалификаций в РФ на период до 2030 года (как и в прежней редакции, действующей до 2020 года) обращается внимание на необходимость пересмотра организационных, управленческих и методологических подходов в системе профессионального образования, создание системы среднего профессионального образования, способной «обеспечивать подготовку квалифицированных рабочих, служащих и специалистов среднего звена в соответствии с потребностями экономики и общества, гибко реагировать на социально-экономические изменения» (*Стратегия развития системы...*, 2013).

Концептуально миссия образовательных организаций, реализующих образовательные программы профессионального образования, заключается в создании условий для развития социальной и предпринимательской компетентности обучающихся, навыков адаптации к изменениям внешней среды. Достижение поставленных целей представляется возможным через проектирование практико-ориентированных и гибких образовательных траекторий обучающихся, ориентацию на опережающий эффект результатов образовательной деятельности.

В рамках выполнения государственной работы «Разработка и практическая апробация цикла (модуля) элективных дисциплин социально-гуманитарного профиля для учебных заведений среднего профессионального образования», проводимой в 2020–2021 годах общеуниверситетской кафедрой философии и социальных наук МГПУ рассмотрена возможность применения содержания и ресурсов социально-гуманитарного образования в решении задач, поставленных перед системой профессионального образования. Выбор данной предметной области обусловлен тем, что ее освоение позволяет обучающимся развить навыки критического осмысления исторической обусловленности культурных, религиозных, этнонациональных традиций, нравственных и социальных установок, идеологических доктрин, сформировать собственную точку зрения на проблемы современности, получить опыт работы с информацией. К апробации предложены два общеуниверситетских элективных модуля, успешно реализуемых на протяжении трех лет на программах бакалавриата: «Восток и Запад: философия для жизни» и «Философия коммуникации, или Как “выжить” в современном мире». В студенческой среде востребованность данной проблематики подтверждается стабильно высоким уровнем их выбора обучающимися и данной ими оценкой актуальности содержания.

Первый этап исследования посвящен экспертно-аналитическому обзору законодательной и нормативно-правовой базы, регламентирующей проектирование и реализацию вариативной части образовательных программ среднего профессионального образования, методического обеспечения образовательного процесса. В интересах исследования проведен анализ следующих документов:

- Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»;
- Приказа Министерства образования и науки Российской Федерации от 14.06.2013 № 464 «Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по образовательным программам среднего профессионального образования»;
- федеральных государственных образовательных стандартов среднего профессионального образования (поколение ФГОС 3++);
- локальных нормативных актов, утвержденных в МГПУ.

Согласно требованиям, установленным в перечисленных актах, после получения основного общего образования обучающиеся имеют академическое право на выбор элективных, т. е. избираемых в обязательном порядке, разделов образовательной программы, предлагаемых организацией в рамках ее освоения. В то же время возможно одновременное освоение разделов образовательных программ иных специальностей, реализуемых как в «домашней» образовательной организации, так и в сторонних организациях, осуществляющих образовательную деятельность (*Федеральный закон...*, 2012). Нормативно обусловлено и введение новых вариативных разделов в структуру образовательных программ как выполнение требований по ежегодному обновлению содержания образования с учетом развития науки, техники, культуры, экономики, технологий и социальной сферы. Основное системное ограничение данных инноваций — это необходимость следования требованиям федеральных государственных образовательных стандартов, соответствие которым является основополагающим критерием государственной оценки качества образования. Таким образом, идея о включении в структуру образовательных программ среднего профессионального образования элективного блока дисциплин социально-гуманитарного профиля является оправданной и не противоречит положениям законодательства РФ в сфере образования.

Следующим направлением экспертно-аналитической работы стало выявление особенностей методического сопровождения организации образовательного процесса в части реализации вариативной части. Анализ существующих отечественных образовательных практик, методических рекомендаций в данной области показывает, что эффективность образовательной деятельности и качество образовательных результатов находятся в прямой зависимости от выбранной образовательной стратегии. В целом, как показывает опыт, проектирование и реализация образовательного процесса базируется на следующих дидактических принципах:

- принципе системности;
- принципе преемственности;
- принципе проблемного обучения;
- принципе межпредметной интеграции.

Содержательная направленность всех разделов в структуре образовательных программ среднего профессионального образования определяется

компетенциями, установленными федеральными государственными образовательными стандартами. В этом смысле включение элективных дисциплин социально-гуманитарного профиля в структуру образовательных программ исследуемого уровня образования обеспечит развитие у обучающихся общих и профессиональных компетенций, позволит в значительной степени удовлетворить образовательные интересы и дефициты обучающихся.

На основе полученных результатов разработаны учебно-методические материалы и рекомендации по теме исследования, модели интерактивных занятий и презентационных лекций, которые прошли пилотную апробацию в организациях среднего профессионального образования Москвы. Учитывая существующие на настоящее время пробелы в системе среднего профессионального образования, авторы исследования определили цели и задачи включения элективных дисциплин социально-гуманитарного профиля в вариативную часть образовательных программ, а именно:

- углубление содержания основных дисциплин (междисциплинарных курсов);
- расширение теоретических знаний, практических навыков и умений;
- дополнение содержания образовательной программы компонентами смежных специальностей.

Исходя из целей реализации элективных дисциплин, можно выделить три основные классификационные группы:

- элективные дисциплины, выступающие надстройкой для основных дисциплин (междисциплинарных курсов) при необходимости их освоения на углубленном уровне;
- элективные дисциплины, имеющие универсальный характер и направленные на формирование межпредметных и метапредметных связей;
- элективные дисциплины, реализация которых направлена на развитие профессиональной мобильности обучающихся (Черенькая, 2019).

Следует отметить, что реализация элективных дисциплин может происходить в разных вариациях. Например, при модульном принципе построения элективного блока возможно изучение в одном модуле дисциплин различной классификации.

При разработке методических рекомендаций по введению элективного блока в структуру образовательных программ среднего профессионального образования были сделаны выводы относительно обязательных требований, выполнение которых будет способствовать повышению качества образования, среди них можно выделить:

- обеспечение каждому обучающемуся реального права выбора и проектирования образовательного маршрута и профессиональной траектории;
- учет при планировании содержания дисциплин и выборе методики уровня подготовки обучающихся и их профессионального профиля;
- системность, взаимодополняемость, последовательность и преемственность содержания разделов образовательной программы;

- создание условий для сохранения и развития культурно-просветительских традиций и исследовательских школ образовательных организаций и столичного мегаполиса;
- уход от формального подхода к разработке учебно-методических материалов, выбору модели обучения, оценке качества выполнения образовательных задач.

Традиционные образовательные подходы уже не в состоянии обеспечить выполнение поставленных целей, «необходимо создание и развитие подвижной, мобильной образовательной системы, инженерии знаний, основу которой составят технологические, организационные и социальные инновации» (Казенина, Сахарова, 2021, с. 76).

Организационно освоение элективных модулей может осуществляться в рамках реализации общеобразовательного цикла дисциплин (при получении среднего профессионального образования на базе основного общего образования) или общего гуманитарного и социально-экономического цикла. Первый вариант освоения элективных модулей предполагает расширение общеобразовательного цикла. Данный подход к проектированию образовательной программы рассматривается в Методических рекомендациях по реализации федеральных государственных образовательных стандартов среднего профессионального образования по 50 наиболее востребованным и перспективным профессиям и специальностям (*Письмо Министерства...*, 2018). Более того, федеральным государственным стандартом среднего профессионального образования допускается включение комплексных образовательных разделов, освоение которых обеспечивает формирование личностных, метапредметных и предметных образовательных результатов. Второй вариант реализации элективных модулей позволяет расширить содержание дисциплин общего гуманитарного и социально-экономического цикла, поэтому при распределении учебной нагрузки необходимо пересмотреть распределение объема часов, сократив долю иных разделов в общей трудоемкости образовательной программы. В этой связи потребуются разработка эффективного учебного плана, направленного на интенсификацию образовательного процесса. Более того, обращая внимание на низкий уровень мобильности вариативной части образовательных программ среднего образования, следует предусмотреть возможность применения как концентрированного типа реализации элективных модулей (освоение дисциплин модуля в течение одного семестра), так и рассредоточенного (освоение дисциплин цикла в течение двух-трех семестров). В любом случае образовательная модель реализации данного блока должна быть приближена к формату Liberal Arts, практикуемому на программах бакалавриата, вплоть до совместного освоения элективных модулей обучающихся по программам бакалавриата и образовательным программам среднего профессионального образования (в том числе в форме самообразования). Но в этом случае, адаптируя практические задания университетского электива для студентов колледжей или разрабатывая новые, необходимо учитывать

сформированность у них навыков критического анализа фактов, коммуникативных навыков, объем знаний возможных решений в ситуации выбора и т. д. (Черенькая, 2015).

Заключение

Таким образом, в ходе проведенной исследовательской работы установлена целесообразность включения в структуру образовательной программы среднего профессионального образования (а именно в вариативную часть) блока элективных дисциплин социально-гуманитарного профиля, определена специфика его проектирования и реализации, рассмотрена и апробирована возможность трансляции имеющегося опыта изучения общеуниверситетских элективных модулей обучающимися по программам бакалавриата среди обучающихся по образовательным программам среднего профессионального образования. Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что практика реализации цикла элективных дисциплин социально-гуманитарного профиля в вариативной части образовательных программ среднего профессионального образования является вполне обоснованной, а ее инновационный характер раскрывается в методологических подходах к организации образовательного процесса, вариантах решения проблемы индивидуализации и персонализации образования. Также не менее важным исследовательским результатом можно считать выявление механизмов сближения содержания образования разных уровней и направлений в части гуманитарной подготовки обучающихся, параллельным эффектом которого является повышение внутренней мобильности (подвижности) российской системы профессионального образования с сохранением ее внешней целостности. Основной целью включения элективных дисциплин социально-гуманитарного профиля в образовательные программы среднего профессионального образования является формирование у обучающихся «способности к осознанному развитию в себе лучших человеческих качеств и стремления к преобразованию окружающей действительности» (Казенина, 2019, с. 85).

Литература

- Закон города Москвы «О молодежи» от 30.09.2009 № 39 (с изменениями на 10.06.2020) [Электронный ресурс] // Система ГАРАНТ. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/292905/> (дата обращения: 04.05.2021).
- Паспорт национального проекта «Образование» (утвержденный президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 № 16). [Электронный ресурс] // Департамент образования города Севастополя: официальный сайт. URL: http://do.sev.gov.ru/images/document/Pasport_naciona_proekta_Obrazovanie_compressed.pdf (дата обращения: 04.05.2021).

- Письмо Министерства образования науки Российской Федерации от 27.02.2018 № 06-341 "О методических рекомендациях" [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_295925/ (дата обращения: 04.05.2021).
- Стратегия развития системы подготовки рабочих кадров и формирования прикладных квалификаций в РФ на период до 2020 года (одобрено Коллегией Министерства образования и науки Российской Федерации (протокол от 18.06.2013 № ПК-5вн). [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической информации. URL: <https://docs.cntd.ru/document/456016920> (дата обращения: 04.05.2021).
- Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 04.05.2021).
- Федеральный Закон «О молодежной политике в Российской Федерации» от 30.12.2020 № 489-ФЗ. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372649/ (дата обращения: 04.05.2021).
- Казенина А. А. Роль современного российского гуманитарного образования в преодолении социокультурного кризиса // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2021. № 4 (32). С. 82–86.
- Казенина А. А., Сахарова М. В. Дисциплина «Великие книги» в рамках реализации программы Liberal Arts (опыт МГПУ) // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2021. № 1 (37). С. 75–81.
- Черненькая С. В. Герменевтические практики в современном образовательном пространстве // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2019. № 2 (30). С. 90–95.
- Черненькая С. В. Традиции университетского образования в современном информационном пространстве // Философия коммуникации: университетское образование в социокультурной динамике информационного общества / под ред. С. В. Клягина, О. Д. Шипуновой. СПб.: Санкт-Петербургский политехнический ун-т Петра Великого, 2015. С. 186–194.

References

- Zakon goroda Moskvy` ot 30.09.2009 № 39 «O molodezhi» (s izmeneniyami na 10.06.2020) [The Law of the city of Moscow dated 30.09.2009 № 39 «On youth» (as amended on 10.06.2020)] (2009). In: *Sistema GARANT [System GARANT]*. [in Rus.]. Retrieved from <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/292905/> (accessed: 04.05.2021).
- Pasport nacional'nogo proekta «Obrazovanie» (utverzhdeny`j prezidiumom Soveta pri Prezidente Rossijskoj Federacii po strategicheskomu razvitiyu i nacional'ny'm proektam, protokol ot 24.12.2018 № 16) [Passport of the national project «Education» (approved by the Presidium of the Council under the President of the Russian Federation for Strategic Development and National Projects, Protocol № 16 dated 24.12.2018)] (2018). In: *Departament obrazovaniya goroda Sevastopolya: oficial'nyj sajt [Department of Education of the city of Sevastopol: official website]*. [in Rus.]. Retrieved from http://do.sev.gov.ru/images/document/Pasport_naciona_proekta_Jbrazovanie_compressed.pdf (accessed: 04.05.2021).

- Pis'mo Ministerstva obrazovaniya nauki Rossijskoj Federacii ot 27.02.2018 № 06-341 «O metodicheskix rekomendaciyax» [Letter of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation dated 27.02.2018 № 06-341 «On methodological recommendations»] (2018). In: *SPS «Konsul'tantPlyus»* [*SPS «ConsultantPlus»*]. [in Rus.]. Retrieved from http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_295925/ (v: 04.05.2021).
- Strategiya razvitiya sistemy` podgotovki rabochix kadrov i formirovaniya prikladny`x kvalifikacij v RF na period do 2020 goda (odobreno Kollegiej Ministerstva obrazovaniya i nauki Rossijskoj Federacii (protokol ot 18.06.2013 № PK-5vn) [Strategy for the development of the system of training workers and the formation of applied qualifications in the Russian Federation for the period up to 2020 (approved by the Board of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (Protocol № PK-5vn dated 18.06.2013))] (2013). In: *E`lektronny`j fond pravovoj i normativno-texnicheskoj informacii* [*Electronic fund of legal and regulatory and technical information*]. [in Rus.]. Retrieved from <https://docs.cntd.ru/document/456016920> (accessed: 04.05.2021).
- Federal'ny`j Zakon «O molodezhnoj politike v Rossijskoj Federacii» ot 30.12.2020 № 489-FZ [Federal Law «On Youth Policy in Of the Russian Federation» dated 30.12.2020 № 489-FZ] (2020). In: *SPS «Konsul'tantPlyus»* [*SPS «ConsultantPlus»*]. [in Rus.]. Retrieved from http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (accessed: 04.05.2021).
- Federal'ny`j zakon «Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii» ot 29.12.2012 № 273-FZ [Federal Law «On Education in the Russian Federation» dated 29.12.2012 № 273-FZ] (2012). In: *SPS «Konsul'tantPlyus»* [*SPS «ConsultantPlus»*]. [in Rus.]. Retrieved from http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372649/ (accessed: 04.05.2021).
- Kazenina, A. A. (2021). Rol` sovremennogo rossijskogo gumanitarnogo obrazovaniya v preodolenii sociokul'turnogo krizisa [The role of modern Russian humanitarian education in overcoming the socio-cultural crisis]. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 4 (32), 82–86. [in Rus.].
- Kazenina, A. A., & Saharova, M. V. (2021). Disiplina «Velikie knigi» v ramkax realizacii programmy` Liberal Arts (opy`t MGPU) [Discipline «Great Books» in the framework of the implementation of the Liberal Arts program (experience of the MCU)]. In: *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 1 (37), 75–81. [in Rus.].
- Chernenkaya, S. V. (2019). Germenevticheskie praktiki v sovremennom obrazovatel'nom prostranstve [Hermeneutical practices in the modern educational space]. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 2 (30), 90–95. [in Rus.].
- Chernenkaya, S. V. (2015). Tradicii universitetskogo obrazovaniya v sovremennom informacionnom prostranstve [Traditions of university education in the modern information space]. In: Klyagin S. V., Shipunova O. D. (Eds). *Filosofiya kommunikacii: universitetskoe obrazovanie v sociokul'turnoj dinamike informacionnogo obshhestva* [*Philosophy of Communication: University education in the socio-cultural dynamics of the Information Society*] (p. 186–194). Saint Petersburg: St. Petersburg Polytechnic University. [in Rus.].

УДК 37.015.31

DOI: 10.25688/2078-9238.2021.39.3.09

И. В. Злотников⁽¹⁾,О. И. Ключко⁽²⁾

Образовательный потенциал системомыследеятельностной методологии

Статья посвящена обобщению образовательных новаций, инициированных Московским методологическим кружком. В логике «история – персоналии – понятийный аппарат – образовательные практики» представлены как концептуальные достижения системомыследеятельностной методологии и основные образовательные формы, родившиеся как в деятельностных практиках, так и базовые процессы, протекающие в ходе данных практик. В качестве основного теоретического основания образовательных практик рассматривается фундаментальная работа участников ММК «Педагогика и логика», которая является выдающимся достижением отечественной педагогики конца XX века. Рассматриваются деятельностные представления об учебной деятельности и деятельности обучения. Представлен подробный список работ, посвященных СМД-методологии, опубликованный на русском и английском языках.

Ключевые слова: Московский методологический кружок; Г. П. Щедровицкий; системомыследеятельностная методология; организационно-деятельностная игра; «Педагогика и логика»; мастерская организационно-деятельностных технологий МГПУ.

Для цитирования: Злотников И. В., Ключко О. И. Образовательный потенциал системомыследеятельностной методологии // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2021. № 3 (39). С. 97–110. DOI: 10.25688/2078-9238.2021.39.3.09

(1) *Злотников Игорь Волдемарович* — магистр экономики, эксперт Московской школы управления «Сколково»; г. Рига, Латвия.

E-mail: zlgarry@gmail.com

ORCID: 0000-0001-6041-0923

(2) *Ключко Ольга Ивановна* — доктор философских наук, профессор департамента психологии МГПУ.

Московский городской педагогический университет (МГПУ), 2-й Сельскохозяйственный пр., д. 4, Москва, 129226, Россия.

E-mail: olga-kliutchko@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-1446-3965

UDK 37.015.31

DOI: 10.25688/2078-9238.2021.39.3.09

Igor V. Zlotnikov⁽¹⁾,
Olga I. Klyuchko⁽²⁾

Educational Potential of System-Thinking-Activity Methodology

The article is devoted to the generalization of educational innovations initiated by the Moscow Methodological Circle. The article presents both the concepts and conceptual achievements of the systemic research methodology and the main educational forms that were born in the activity practices, as well as the basic processes occurring in these practices. The fundamental work of the participants of the MMK «Pedagogy and Logic», which is an outstanding achievement of Russian pedagogy at the end of the 20th century, is considered as the main theoretical basis for educational practices. The activity-based ideas about learning activities and learning activities are considered. A detailed list of works devoted to the STA methodology is presented, published in Russian and English.

Keywords: Moscow methodological circle; system-thinking-activity methodology; organizational-activity game; G. P. Shchedrovitsky; «Pedagogy and Logic»; studio of organizational-activity technologies of the Moscow City University.

For citation: Zlotnikov, I. V., & Klyuchko, O. I. (2021). Obrazovatel'ny'j potencial sistemomy'sledeyatel'nostnoj metodologii [Educational potential of system-thinking-activity methodology]. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 3 (39), 97–110. [in Rus.]. DOI 10.25688/2078-9238.2021.39.3.09

⁽¹⁾ Zlotnikov Igor Voldemarovich — Master of Economics, expert at the “Skolkovo” Moscow School of Management; Founder of Riga Methodological Traditional, Riga, Latvia.

E-mail: zlgarry@gmail.com

ORCID: 0000-0001-6041-0923

⁽²⁾ Klyuchko Olga Ivanovna — Dr. Sc. (Philosophy), Professor at Psychology Department, Moscow City University.

Moscow City University, 2nd Selskohosyaystvenny proezd, 4, Moscow, 129226, Russia.

E-mail: olga-klioutchko@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-1446-3965

История

На протяжении уже более 70 лет важным и существенным опытом содержательных открытий и новых смыслов в системе образования являются разработки Московского методологического кружка (далее — ММК). Общим философским, логическим, психологическим и образовательным основанием этих разработок являются концепции, разработки, методы и практики, созданные методологическим движением. Неформальному

объединению людей, а именно таким «незримым колледжем» был ММК, удалось собрать под своей эгидой новые содержательные идеи и практики, которые были реализованы самыми разными людьми, общим для которых являются идеи и ценности развития и раскрытия человеческого потенциала. В разные временные периоды, начиная с конца 50-х годов ММК был оформлен в разных институциональных формах: комиссия по логике и мышлению при Обществе психологов СССР, методологические семинары Георгия Петровича Щедровицкого, организация системного движения, семинары по логике и методологии науки, специальные обсуждения концепции развивающего обучения, семинары по анализу Ситуации и условий возникновения концепции поэтапного формирования умственных действий, организационно-деятельностные игры (ОДИ), Комитет по организационно-деятельностным играм и СМД-методологии при ВНТО, Школа культурной политики, а также другие организационные формы интеллектуальной и практической деятельности. В итоге эти формы социального действия без жесткого юридического оформления получили наименование **системомыследеятельностной методологии** (далее — СМД-методология).

Под системомыследеятельностной методологией понимается концептуальный и организационно-деятельностный **принцип организации коммуникации, мышления и продуктивного действия**, основанные на разработках ММК и в основании которых лежит схема мыследеятельности, являющаяся уникальной отечественной разработкой философской онтологии, которая позволяет не только объяснить многие особенности практических ситуаций, но и спроектировать новые социальные ситуации, в которых может происходить развитие человеческого потенциала. Именно на основании этой новой онтологии — онтологии СМД — методологическое движение объединяло и продолжает объединять вокруг себя самых разных людей, для которых общими гуманитарными целями и ценностями являются возрождение российского интеллектуального класса на всей территории бывшего СССР — от Прибалтики до Дальнего Востока (*Как это было...*, 2010; *Проблемы и дискуссии...*, 2014). Цель данной статьи — продемонстрировать огромный образовательный потенциал СМД-методологии, основные концепты и оригинальные образовательные формы, разработанные в ее рамках.

Люди

За более чем 70-летнюю историю ММК и СМД-методологии через «незримый колледж СМД-методологии» в той или иной степени прошли сотни и тысячи людей. На протяжении всей деятельности методологического движения участие в методологических семинарах, ОДИ, других мероприятиях в рамках СМД-методологии было показателем самого высокого качества дискуссий, обсуждаемых вопросов и оценки результатов, что называется, «по гамбургскому счету». Через «методологизацию» прошли люди из самых разнообразных

практик деятельности — философской, образовательной, исследовательской, проектной, конструкторской, оргуправленческой, инженерной и т. д. История ММК и СМД-методологии еще ждет своего вдумчивого исследователя, хотя эта работа была начата еще в конце XX века. Были опубликованы сборники воспоминаний участников ММК (*ММК в лицах (т. 1)*, 2006; *ММК в лицах (т. 2)*, 2007), хроника развития методологического движения (Хромченко, 2020). Только перечисление фамилий людей, которые причисляли себя к участникам ММК, говорит о качественном составе этого движения. В опубликованном недавно рейтинге самых цитируемых педагогов и психологов по материалам РИНЦ Георгий Петрович Щедровицкий занимает достойное место в первой трети этого списка (*100 самых цитируемых...*, 2021). Всего в этом списке можно встретить с десятков фамилий, так или иначе связанных с методологическим движением. В настоящее время СМД-методология остается одним из содержательных источников новых идей, разработок и образовательных практик. Помимо публикаций, ежегодно проводятся «Чтения памяти Г. П. Щедровицкого», специальные методологические школы и так называемые семейные игры Петра Щедровицкого, различные конференции по основным направлениям развития СМД-методологии. Уже достаточно много книг и материалов по СМД-методологии опубликовано за рубежом РФ (Zlotnikov, 1997; Khristenko et al., 2014). Но будущее историческое описание системы работ, результатов и влияния ММК и ОДИ на историю российской интеллектуальной и культурной жизни еще впереди.

Исследования и разработки в системе образования

ММК, СМД-методология и методологическое движение как общественное и философское течение очень продуктивно работало в системе образования. Понимая, что **педагогика есть основная и самая очевидная практика философии**, одной из самых важных задач методологического движения стало создание базовых представлений, схем и понятий, которые прямым образом связаны с педагогическими практиками — от дошкольного воспитания и начальной школы до профессионального обучения и высшего образования. В конкретизации этих представлений и, как следствие, из общей онтологии СМД и деятельностных позиций были проанализированы, разобраны и схематизированы базовые представления об учебной деятельности и деятельности обучения, а также различные обеспечивающие базовую систему образования подсистемы — методологическая, управленческая, исследовательская и другие составляющие сложной системы обучения (*Семинары и конференции...*, 2014). Этапом в развитии ММК и серьезным содержательным этапом в понимании принципов содержания и организации образования стала фундаментальная работа «Педагогика и логика», которая была подготовлена к изданию в 1968 году, но в связи с известными политическими событиями не была издана в тот

период, а уже готовый типографский набор был рассыпан. Первое издание этой замечательной книги было осуществлено только в 1993 году, но отдельные положения, тексты и отрывки этих текстов были знакомы специалистам в списках, ксерокопиях и материалах семинаров и конференций (Щедровицкий и др., 1993).

«Педагогика и логика» сделала огромный шаг вперед, введя в обиход образовательного сообщества фундаментальное представление о системе образования как о системе «трансляции культуры и воспроизводства деятельности». В книге были представлены схематические представления о педагогической системе, которые позволили преодолеть плоскостное и предметное представление о системе обучения как о системе передачи знаний и было предложено для основных позиций в педагогической практике системное представление о целостной системе воспроизводства различных типов деятельности как основного содержания образования. Введение в педагогический обиход представлений об учебной деятельности, о деятельности обучения, методологической и методической деятельности явилось важным шагом на пути формирования современных продуктивных представлений о том, как должна строиться современная система образования. Исключительно важным явилось введение в профессиональный лексикон педагогов позиции методиста и методолога, проектировщика и разработчика курсов обучения. Важным стало разведение позиций обучаемого и обучающего, предмета и объекта, представление о многих знаниях и о «сложном объекте», а позднее введение позиции тьютора — это тоже явилось достижением последователей СМД-методологии. Эти различия стимулировали разработку представлений об учебной деятельности как обязательного и специфического типа деятельности, в основании которой положено представление об обязательной трансформации самого человека в процессе обучения. Именно от книги «Педагогика и логика», которая предъявляла важнейшие положения и представления о **деятельностной педагогике**, и нужно вести отсчет о революционном понимании того обстоятельства, что самым важным в обучении является формирование самостоятельного мышления и специальной самостоятельной учебной деятельности у ученика. Важным пониманием, сложившимся в период обсуждения учебной деятельности как важной и специфической деятельности, которую осуществляют все люди в процессе всей своей жизни, стало понимание, что именно в учебной деятельности происходит трансформация человека в соответствии с определенными целями, которые формируются в конкретной культурно-исторической ситуации (Ильясов, 1986). Выводы этой книги актуальны до сих пор. Поэтому символичным можно назвать широкое обсуждение в педагогическом и методологическом сообществе 50-летия со времени создания этой книги, которое прошло в 2018–2020 годах (Щедровицкий, 2018).

Интуитивно ясно, что образование связано с подведением под образ. Другими словами, сначала существует некий образ Человека (понятие Человека, онтология Человека), а затем — целая система процедур (деятельностей,

действий, операций), которые обеспечивают трансформацию сознания Человека (и самого Человека) под этот образ. Но без деятельностного, преобразовательного отношения к учению и пониманию, что именно в деятельностной трансформации происходит реальное, а не формальное обучение — мы никогда не сможем вырваться из знаниевого подхода, который понимает сутью традиционного процесса обучения как передачу и усвоение знаний. Однако в традиции СМД-подхода важно удерживать, что основными и базовыми процессами в системах обучения были процессы воспроизводства деятельности и трансляции культуры. Отдавая должное, что трансляция культуры является очень важным и основным процессом в передаче обобщенных и концептуальных знаний, в ММК были специально и более детально проанализированы основания концепции П. Я. Гальперина о формировании умственных действий и понятий (Щедровицкий, 2004). В течение нескольких сезонов методологические семинары ММК были проведены совместно с психологами и на них подробно обсуждались более сложные структуры и функции процесса учения, что позволило более детально представить место понимания (уяснения) в деятельностной картине организации учения, а также особенности понимания (уяснения) в структуре процессе учения. Главным в процессе обучения является практика исполнительской и учебной деятельности как основных навыков и компетентностей в процессе обучения. Это значит, что учащемуся необходимо в своей рефлексии различить план исполнения преобразования и план личного понимания — что получается, а что нет в процессе обучения. Параллельно исполнительской деятельности в процессе обучения обязательно формируется нормативное отношение к любой деятельности и понимание возможности преодоления нормы (когда это необходимо) и умения самостоятельного построения новой деятельности как самостоятельного творческого акта. Эти различные деятельностные планы фиксируются в сознании учащегося при помощи внешних знаков (рисунков, схем, символов и т. д.), что позволяет овладеть ситуацией и точно определить свою позицию в ситуации обучения. Как правило, это ситуации затруднений, ошибок, непонимания или недостижения цели. В любом случае — гибкость по отношению к нормам деятельности, а также рефлексия собственной деятельности и понимание ситуации является важным противодействием жесткому нормированию и стереотипам.

Деятельность — это всегда преобразование материала в определенный продукт при помощи определенного средства и согласно поставленной цели. В учебной деятельности — это преобразование ученика в процессе обучения. Ученик преобразует сам себя, это цель его учебной деятельности. Преподаватель способствует преобразованию ученика, и это цель деятельности обучения — создавать оптимальные условия для осуществления учеником учебной деятельности.

Учебная деятельность

В учебной деятельности материалом и продуктом является сам учащийся. Преобразование учащегося происходит за счет трансляции социального и культурного опыта в учебном процессе. Средством преобразования ученика в учебной деятельности является учебный курс, создаваемый педагогом и набор специальных учебных ситуаций, в которых происходит воспроизводство основных типов деятельностей, которые усваиваются учащимся. Ученик изменяется, усваивая новые способы деятельности, которые являются основным содержанием учебного курса. Способы деятельности составляют основу любой культуры. Для обеспечения определенных способов деятельности человечество и вырабатывало определенные знания, т. е. знания являются подчиненными способами деятельности образования. В учебных ситуациях происходит уяснение, освоение и овладение основными типами деятельности, включенных в учебный процесс.

Деятельность обучения

Педагог, осуществляя деятельность обучения, создает оптимальные условия для учебной деятельности учащегося, организует усвоение знаний, приобретение учащимся умений и навыков. Для этого обучающий создает учебный курс, в котором необходимый социальный опыт преобразовывается для целей обучения. Учебный курс реализуется педагогом в деятельности обучения и призван обеспечить оптимальные условия для усвоения и овладения социальным опытом. Однако дополнительным и не менее важным элементом обучения является точное понимание и рефлексия педагогом наиболее эффективных и современных форм, методов и средств обучения.

Отдельной важной работой было участие методологов в подготовке к публикации основных работ Л. С. Выготского и П. П. Блонского. Особенно хотелось бы отметить начало предметного обсуждения философской и педагогической антропологии, которую в 80–90-х годах XX века специально обсуждалась в связи с активной практикой организационно-деятельностных игр (Щедровицкий, 1995).

В этом залоге важно понимать, что в СМД-методологии очень внимательно относились к работам отечественных психологов, и эта творческая коммуникация позволила обсудить, а иногда и построить базовые деятельностные понятия, которые позднее позволили более детально рассмотреть систему обучения с точки зрения СМД-подхода. Такое конструктивное отношение к учебным ситуациям позволило создать принципиально новые учебные игровые ситуации и выявить базовые процессы — **анализ ситуации, самоопределения, целеполагания, схематизации, объективации, проблематизации** и другие, которые были внедрены в практику организационно-деятельностных

игр (ОДИ). Создание и отработка типовых учебных ситуаций для воспроизводства основных типов деятельности в учебном зале есть важнейшее достижение СМД-методологии как **особой практики мышледеятельности** — нового «конфигуратора» мышления и деятельности, позволяющего в сложных ситуациях решать вопросы развития и формирования новых способностей (Щедровицкий, Котельников, 1983).

В СМД-подходе к системе обучения выделяются следующие важные представления (понятия):

- **Образование** — это деятельность, направленная на формирование систематической картины мира. Продуктом образования является квалификация (качество) человека.

- **Подготовка** — деятельность, нацеленная на обеспечение навыков и способностей (умений) пользоваться средствами (инструментами). Продуктом подготовки является компетентность.

- **Обучение** — деятельность, направленная на формирование способности использовать (употреблять) в своей деятельности ключевые знаковые системы (естественный язык, математику, формальную логику, геометрию, пространственную организацию (включая архитектуру), музыку, язык жестов (движения), искусство, экономику, программирование, анатомию и физиологию, астрономию, историю и т. д.). Продуктом обучения является грамотность.

- **Воспитание** — выход за рамки прагматического и переход к этическому и моральному использованию практического разума. **Воспитанность** — это иерархия ценностей, регулирующая жизненный путь и межличностное взаимодействие (ОДИ-1, 2006, с. 118–122).

Основанием для более детального рассмотрения системы образования может служить методологическая схема мышледеятельности. В рамках этой схемы важно различить три пояса мышледеятельности — пояс мысли-коммуникации, пояс коллективно-группового мышледействия и пояс чистого мышления. В рамках каждого пояса мышледеятельности, необходимо в учебных целях выделить основные единицы учебных ситуаций — коммуникационную, мышледействия и ситуацию чистого мышления.

Каждая учебная единица мышледеятельности предполагает свою схематизацию и организацию учебного процесса по выявленным схемам. Именно такая практика образования и деятельностного обучения была реализована в основной педагогической инновации, основанной на принципах и схемах СМД-подхода — организационно-деятельностной игре (ОДИ) (ОДИ-16, 2017).

Первая игра была проведена в 1979 году и за более чем 10-летний период были проведены сотни, если не тысячи ОДИ. Опубликованы самые разные материалы ОДИ — от подробных стенограмм конкретных игр (Щедровицкий, 2020; Khristenko et al., 2014) до локальных результатов ОДИ, которые превращались в различные исследовательские работы, статьи, монографии. Концептуальные рамки, формат и логика ОДИ широко используются

как образовательная технология: в Школе управления Сколково, в том числе для реализации программ обучения ректоров российских вузов; стратегические сессии разного уровня как форма повышения квалификации специалистов разного профиля (Ключко, 2018; Ключко и др., 2020).

В 2018 году на основе системомыследеятельностной методологии создана и интенсивно развивается Мастерская организационно-деятельностных технологий МГПУ под руководством А. Е. Левинтова, специализируясь на разработке как онтологических концепций, так и фронтальных проектов (*Мастерская организационно-деятельностных технологий...*, 2019). Мы располагаем материалами разных игр, а также библиотекой собственных изданий, которые собраны в музее мастерской в Институте непрерывного образования МГПУ. Готовится к публикации каталог материалов музея, который станет важной основой для дальнейших архивных исследований.

Завершая статью об образовательном потенциале СМД-методологии, мы хотим отметить, что такой же фрагментарно используемый потенциал СМД-методологии содержится в социальной и управленческой практике, о которой будет продолжен цикл наших статей об СМД-методологии и ее роли в культурном и историческом развитии отечественной гуманитарной мысли.

Литература

- 100 самых цитируемых педагогов России. Дата публикации: 23.04.2021. [Электронный ресурс] // Институт образования человека: сайт. URL: https://eidos-institute.ru/about/news/2021/100_most_cited_teachers_in_russia/ дата обращения: 04.05.2021).
- Архив Чтений памяти Г. П. Щедровицкого [Электронный ресурс] // Е-Библиотека | Некоммерческий научный Фонд «Институт развития им. Г. П. Щедровицкого». URL: <https://www.fondgp.ru/old/lib/chteniya.html> (дата обращения: 04.05.2021).
- Георгий Петрович Щедровицкий / под ред. П. Г. Щедровицкого, В. Л. Даниловой. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 600 с.
- Злотников И. В. Система обучения с точки зрения деятельностного подхода // Психологическое и психофизиологическое обеспечение процесса обучения студента. Рига: Изд-во Рижского политехнического ин-та, 1988. С. 49–99.
- Ильясов И. И. Структура процесса учения: монография. М.: Изд-во МГУ, 1986. 200 с.
- Как это было: воспоминания и размышления / под ред. В. А. Лекторского. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 646 с.
- Ключко О. И. Мастерская организационно-деятельностных технологий как форма и способ развития субъектности сотрудника вуза // Интеграция науки и образования в XXI веке: психология, педагогика, дефектология: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. Саранск: Мордовский гос. пед. ин-т им. М. Е. Евсевьева, 2018. С. 65–73.
- Ключко О. И., Крупник В. Ш., Князева Е. В. Организационно-деятельностная игра как средство развития профессиональной компетентности педагогов дошкольного образования // Учебный эксперимент в образовании. 2020. № 4 (96). С. 24–29.
- Мастерская организационно-деятельностных технологий: опыт формирования в Московском городском педагогическом университете: кол. монография / под общ. ред.

- А. Е. Левинтова, В. А. Гончаровой, И. В. Злотникова и др. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2019. 564 с. DOI: 10.23681/561269
- ММК в лицах. Т. 1 / сост. М. С. Хромченко. М.: Ин-т развития им. Г. П. Щедровицкого», 2006. 436 с. [Электронный ресурс] // Персоналии | Институт развития им. Г. П. Щедровицкого. URL: <https://fondgp.ru/mmk/persons/> (дата обращения: 04.05.2021).
- ММК в лицах. Т. 2 / сост. М. С. Хромченко. М.: Ин-т развития им. Г. П. Щедровицкого, 2007. 384 с. [Электронный ресурс] // Персоналии | Институт развития им. Г. П. Щедровицкого. URL: <https://fondgp.ru/mmk/persons/> (дата обращения: 04.05.2021).
- ОДИ-1 // Организационно-деятельностные игры / сост. и отв. ред.: А. А. Пископ-пель, В. Р. Рокитянский, Л. П. Щедровицкий. М.: Наследие ММК, 2006. 720 с. [Электронный ресурс] // Electronic library. Download books free. Finding books. URL: <https://pb1lib.org/book/2925703/98e916?id=2925703&secret=98e916> (дата обращения: 04.05.2021).
- ОДИ-16. Процессы проблематизации в оргдеятельностных играх // Организационно-деятельностные игры / отв. ред. А. А. Пископ-пель, В. Р. Рокитянский, Л. П. Щедровицкий. М.: Наследие ММК, 2017. 652 с. [Электронный ресурс] // Electronic library. Download books free. Finding books. URL: <https://pb1lib.org/book/3432085/23afb0?id=3432085&secret=23afb0> (дата обращения: 04.05.2021).
- Проблемы и дискуссии в философии России второй половины XX в.: современный взгляд / под ред. В. А. Лекторского. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 470 с.
- Семинары и конференции по разным направлениям СМД-методологии. 2014. [Электронный ресурс] // Архив семинаров | Институт развития им. Г. П. Щедровицкого: сайт. URL: <https://www.fondgp.ru/projects/seminars/> (дата обращения: 04.05.2021).
- Хромченко М. С. Методолог. О Г. П. Щедровицком: в 2 т. М.: Луч, 2020. 1360 с.
- Щедровицкий П. Г. Введение в философскую и педагогическую антропологию. Работы 1981–1996 годов. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 359 с.
- Щедровицкий Г. П. Лекции в Латвийском университете. История развития идей Московского методологического кружка. Рига, 2010. 100 с.
- Щедровицкий Г. П. Об исходных принципах анализа проблемы обучения и развития в рамках теории деятельности // Избранные труды. Категориальный аппарат и теоретические схемы. М.: Школа культурной политики, 1995. 800 с. С. 197–227. [Электронный ресурс] — Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий: сайт. URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/3961/3971> (дата обращения: 04.05.2021).
- Щедровицкий Г. П. Педагогика и логика: сб. ст. М.: Касталь, 1993. 416 с. / Г. П. Щедровицкий, В. М. Розин, Н. П. Алексеев и др. [Электронный ресурс] // Сервис MySocrat (помощь студентам и аспирантам в подборе литературы для их студенческих и научных работ по экономическим дисциплинам). URL: <https://mysocrat.com/book-card/16298-pedagogika-i-logika/> (дата обращения: 04.05.2021).
- Щедровицкий П. Г. Педагогика и логика 2.0. Доклад на XXVI Чтениях памяти Г. П. Щедровицкого «Универсум образования», 23 февраля 2020 года. [Электронный ресурс] // Петр Щедровицкий: официальный сайт. URL: <https://shchedrovitskiy.com/педагогика-и-логика-2-0/> (дата обращения: 04.05.2021).

- Щедровицкий Г. П. Психология и методология. Ситуация и условия возникновения концепции поэтапного формирования умственных действий // Из архива Г. П. Щедровицкого. Т. 2. Вып. 1. М.: Путь, 2004. 368 с.
- Щедровицкий Г. П. Схема мыследеятельности — системно-структурное строение, смысл и содержание // Избранные труды. Категориальный аппарат и теоретические схемы. М.: Школа культурной политики, 1995. 800 с. С. 281–298. [Электронный ресурс] — Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий: сайт. URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/3961/3974> (дата обращения: 04.05.2021).
- Щедровицкий Г. П., Котельников С. И. Организационно-деятельностная игра как новая форма организации и метод развития коллективной мыследеятельности // Нововведения в организациях. М.: ВНИИСИ, 1983. 161 с. [Электронный ресурс] — Е-Библиотека | Некоммерческий научный Фонд «Институт развития им. Г. П. Щедровицкого». URL: <https://www.fondgp.ru/publications> (дата обращения: 04.05.2021).
- Khristenko V. B., Reus A. G., Zinchenko A. P. Methodological School of Management // Bloomsbury Information. June 5. 2014. 992 p.
- Schedrovitsky P. G. The Activity Theory in Soviet Philosophy and Psychology in the 1960-s – 1980-s. // Part IV: the problem of a activity in philosophy, methodology and human sciences / M. F. Bykova, V. Lektorsky. Bloomsbury Academic, 2019. 440 p.
- Zlotnikov I. V. Metatheoretical research in Soviet psychology', in: Psychology of Russia: Past, Present, Future. Commack / eds. E. L. Grigorenko, P. Ruzgis, R. J. Sternberg. NY: Nova Science Publs, Inc, 1997. P. 39–56.

References

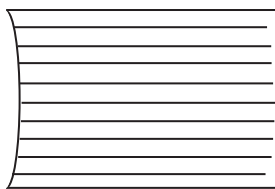
- 100 samy`x citiruemy`x pedagogov Rossii. Data publikacii: 23.04.2021 [*100 most cited teachers in Russia*. Date of publication: 2021. April 23] (2021). In: *Institut obrazovaniya cheloveka*: sajt [*Institute of Human Education*: website]. [in Rus.]. Retrieved from https://eidos-institute.ru/about/news/2021/100_most_cited_teachers_in_russia/ (accessed: 04.05.2021).
- Arxiv Chtenij pamyati G. P. Shchedrovitskogo [Archive of Readings in memory of G. P. Shchedrovitsky]. In: *E-Biblioteka | Nekommercheskij nauchnyj Fond «Institut razvitiya im. G. P. Shchedrovitskogo»* [*E-Library | Non-profit Scientific Foundation «Institute of Development named after G. P. Shchedrovitsky»*]. [in Rus.]. Retrieved from <https://www.fondgp.ru/old/lib/chteniya.html> (accessed: 04.05.2021).
- Ilyasov, I. I. (1986). *Struktura processa ucheniya* [*The structure of the learning process*]: Monograph. Moscow: Moscow State University Publishing House. 200 p. [in Rus.].
- Klyuchko, O. I. (2018). Masterskaya organizacionno-deyatel`nostny`x tehnologij kak forma i sposob razvitiya sub`ektnosti sotrudnika vuza [Workshop of organizational and activity technologies as a form and method of developing the subjectivity of a university employee]. In: *Integraciya nauki i obrazovaniya v XXI veke: psixologiya, pedagogika, defektologiya* [*Integration of science and education in the XXI century: psychology, pedagogy, defectology*]: Materials of the International scientific and practical conference (p. 65–73). Saransk: Mordovskiy gos. ped. in-t im. M. E. Evseveva. [in Rus.].
- Klyuchko, O. I., Krupnik, V. Sh., & Knyazeva, E. V. (2020). Organizacionno-deyatel`nostnaya igra kak sredstvo razvitiya professional`noj kompetentnosti pedagogov

- doshkol'nogo obrazovaniya [Organizational-activity game as a means of developing the professional competence of preschool teachers]. *Uchebny'j e'ksperiment v obrazovanii* [Educational experiment in education], 4 (96), 24–29. [in Rus.].
- Khristenko, V. B., Reus, A. G., & Zinchenko, A. P. (2014). Methodological School of Management. *Bloomsbury Information*, June 5, 992.
- Lektorsky, V. A. (Ed.) (2010). *Kak e'to by'lo: vospominaniya i razmy'shleniya* [How It Was: Memories and Reflections]. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). 646 p. [in Rus.].
- Lektorsky, V. A. (Ed.) (2014). *Problemy' i diskussii v filosofii Rossii vtoroj poloviny' XX v.: sovremenny'j vzglyad* [Problems and Discussions in the Philosophy of Russia in the Second Half of the 20-th Century: Modern View]. Moscow: Politicheskaya e'nciklopediya. 470 p. [in Rus.].
- Levintov, A. E., Goncharova, V. A., Zlotnikov, I. V. & Mixajlova, I. D. (Eds) (2019). *Masterskaya organizacionno-deyatel'nostny'x tekhnologij: opy't formirovaniya v Moskovskom gorodskom pedagogicheskom universitete* [Studio of organizational and activity technologies: the experience of formation at the Moscow City University]: Collective Monograph. M.; Berlin: Direct-Media, 2019. 564 p. [in Rus.]. DOI: 10.23681/561269
- Piskoppel', A. A., Rokityanskij, V. R., & Shchedrovitsky L. (Eds) (2006). ODI-1 // Organizacionno-deyatel'nostny'e igry' [OAG-1 // Organizational-activity game]. M.: Nasledie MMK. 720 p. In: *Electronic library. Download books free. Finding books*. [in Rus.]. Retrieved from <https://pb1lib.org/book/2925703/98e916?id=2925703&secret=98e916> (accessed: 04.05.2021).
- Piskoppel' A. A., Rokityanskij V. R., & Shchedrovitsky L. (Eds) (2017). ODI-16. Processy' problematizacii v orgdeyatel'nostny'x igrah // Organizacionno-deyatel'nostny'e igry' [OAG-16. Processes of problematization in organizational and activity games // Organizational-activity game]. M.: Nasledie MMK. 652 p. In: *Electronic library. Download books free. Finding books*. [in Rus.]. Retrieved from <https://pb1lib.org/book/3432085/23afb0?id=3432085&secret=23afb0> (accessed: 04.05.2021).
- Seminary' i konferencii po razny'm napravleniyam SMD-metodologii. 2014 [Seminars and conferences in various areas of the SMD methodology. 2014] (2014). In: *Arxiv seminarov | Institut razvitiya im. G. P. Shhedrovitskogo: sajt* [Archive of seminars | Institute of Development named after G. P. Shchedrovitsky: website]. [in Rus.]. Retrieved from <https://www.fondgp.ru/projects/seminars> (accessed: 04.05.2021).
- Schedrovitsky, P. G. (2018). *Vvedenie v filosofskuyu i pedagogicheskuyu antropologiyu. Raboty' 1981–1996 godov* [An introduction to philosophical and pedagogical anthropology. Works 1981–1996]. M.: Politicheskaya e'nciklopediya. 359 p. [in Rus.].
- Shchedrovitsky, G. P. (2010). *Lekcii v Latvijskom universitete. Istoriya razvitiya idej Moskovskogo metodologicheskogo kruzhka* [Lectures at the University of Latvia. The history of the development of the ideas of the Moscow methodological circle]. Riga. 100 p. [in Rus.].
- Shchedrovitsky, G. P. (1995). Ob isxodny'x principax analiza problemy' obucheniya i razvitiya v ramkax teorii deyatel'nosti [On the initial principles of the analysis

- of the problem of learning and development in the framework of the theory of activity]. In: *Izbranny'e trudy. Kategorial'ny'j apparat i teoreticheskie sxemy* [Selected Works. Categorical apparatus and theoretical schemes] (p. 197–227). M.: Shkola kul'turnoj politiki. Downloaded from the website: E'lektronnaya publikaciya: Centr gumanitarny'x texnologij [Electronic publication: Center for Humanitarian Technologies]. [in Rus.]. Retrieved from <https://gtmarket.ru/library/basis/3961/3971> (accessed: 04.05.2021).
- Schedrovitsky, P. G. (2020). *Pedagogika i logika 2.0. Doklad na XXVI Chteniyax pamyati G. P. Shchedrovitskogo «Universum obrazovaniya», 23 fevralya 2020 goda* [Pedagogy and Logic 2.0. Report at the XXVI Readings in memory of G. P. Shchedrovitsky "Universum of Education", February 23]. In: *Petr Shchedrovitsky: oficial'ny'j sajt [Pyotr Shchedrovitsky: official website]*. [in Rus.]. Retrieved from <https://shchedrovitskiy.com/педагогика-и-логика-2-0/> (accessed: 04.05.2021).
- Shchedrovitsky, G. P. (2004). *Psixologiya i metodologiya. Situaciya i usloviya vozniknoveniya koncepcii poe'tapnogo formirovaniya umstvenny'x dejstvij* [Psychology and methodology. The situation and conditions for the emergence of the concept of the phased formation of mental actions]. In: *Iz arxiva G. P. Shchedrovitskogo [From the archive of G.P. Shchedrovitsky]* (vol. 2, issue 1). M.: Put'. 368 p. [in Rus.].
- Shchedrovitskiy, G. P. (1995). *Sxema my'sledeyatel'nosti — sistemno-strukturnoe stroenie, smy'sl i sodержanie* [Scheme of thought activity — system-structural structure, meaning and content] // *Izbranny'e trudy. Kategorial'ny'j apparat i teoreticheskie sxemy* [Selected works. Categorical apparatus and theoretical schemes] (p. 281–298). Moscow: Shkola kul'turnoj politiki. 800 p. In: *E'lektronnaya publikaciya: Centr gumanitarny'x texnologij: sajt [Electronic publication: Center for Humanitarian Technologies: website]*. [in Rus.]. Retrieved from <https://gtmrket.ru/library/basis/3961/3974> (accessed: 04.05.2021).
- Schedrovitsky, P. G. (2019). The Activity Theory in Soviet Philosophy and Psychology in the 1960-s – 1980-s. In: Bykova M., Lektorsky V. (Eds). *The problem of activity in philosophy, methodology and human sciences*. Bloomsbury Academic. 440 p.
- Shchedrovitsky, P. G., & Danilova, V. L. (Eds) (2010). *Georgy Petrovich Shchedrovitsky*. Moscow: Russian political encyclopedia (ROSSPEN). 600 p. [in Rus.].
- Shchedrovitsky, G. P., & Kotelnikov, S. I. (1983). *Organizacionno-deyatel'nostnaya igra kak novaya forma organizacii i metod razvitiya kollektivnoj my'sledeyatel'nosti* [Organizational-activity game as a new form of organization and a method for the development of collective thought activity]. In: *Novovvedeniya v organizaciyax [Innovations in organizations]*. Moscow: VNIISI. 161 p. Downloaded from the website: E-Biblioteka | Nekommercheskij nauchnyj Fond «Institut razvitiya im. G. P. Shhedrovitskogo» [E-Library | Non-profit Scientific Foundation «Institute of Development named after G. P. Shchedrovitsky»]. [in Rus.]. Retrieved from <https://www.fondgp.ru/publications> (accessed: 04.05.2021).
- Shchedrovitsky, G. P., Rozin, V. M., Alekseev, N. P., & Nepomnyashhaya, N. I. (1993). *Pedagogika i logika* [Pedagogy and logic]: Collection. M.: Kastal'. 416 p. In: *Servis MySocrat (pomoshh` studentam i aspirantam v podbore literatury` dlya ix studencheskix i nauchny'x rabot po e'konomicheskim disciplinam) [MySocrat*

Service (assistance to students and postgraduates in the selection of literature for their student and research papers in economic disciplines)]. [in Rus.]. Retrieved from <https://mysocrat.com/book-card/16298-pedagogika-i-logika/> (data obrashheniya: 04.05.2021).

- Xromchenko, M. S. (2020). *Metodolog. O G. P. Shhedrovitskom [Methodologist. About G. P. Shchedrovitsky]* (in 2 vol.). M.: Luch. 1360 p. (in Russian)
- Xromchenko M. S. (Ed.) (2006). *MMK v liczax. T. 1 [MMC in faces. Vol. 1]*. M.: Institute for Development named after G. P. Shchedrovitsky. 436 p. In: *Personalii | Institut razvitiya im. G. P. Shchedrovitskogo [Personalities | Institute of Development named after G. P. Shchedrovitsky]*. [in Rus.]. Retrieved from <https://fondgp.ru/mmk/persons/> (accessed: 04.05.2021).
- Xromchenko M. S. (Ed.) (2007). *MMK v liczax. T. 2 [MMC in faces. Vol. 2]*. M.: Institute for Development named after G. P. Shchedrovitsky. 384 p. In: *Personalii | Institut razvitiya im. G. P. Shchedrovitskogo [Personalities | Institute of Development named after G. P. Shchedrovitsky]*. [in Rus.]. Retrieved from <https://fondgp.ru/mmk/persons/> (accessed: 04.05.2021).
- Zlotnikov, I. V. (1997). Metatheoretical research in Soviet psychology`. In: Grigorenko, E. L., Ruzgis, P., & Sternberg, R. J. (Eds). *Psychology of Russia: Past, Present, Future* (p. 39–56). NY: Nova Science Publs.
- Zlotnikov, I. V. (1988). *Sistema obucheniya s tochki zreniya deyatel'nostnogo podxoda [The training system from the point of view of the activity approach]*. In: *Psixologicheskoe i psixofiziologicheskoe obespechenie processa obucheniya studenta [Psychological and psychophysiological support of the student learning process]* (p. 49–99). Riga: Riga Polytechnic Institute. [in Rus.].

УДК 316.752

DOI: 10.25688/2078-9238.2020.39.3.10

Э. Ю. Ковалев⁽¹⁾

Образ СССР в умах молодежи и предшествовавших поколений

Развал СССР стал крупнейшей геополитической катастрофой, во многом определившей развитие всего постсоветского пространства с 1991 года по сегодняшний день. Столь значительное событие по-разному осмысливается как отдельными людьми, так и разными поколениями. Поколение, выросшее в СССР, и современное цифровое поколение имеют принципиально различающиеся представления о мире и обществе, системе ценностей. Поэтому изучение отношения к распаду Союза и ностальгии по нему может сказать, насколько велик процент изменений в ценностях между поколениями. Для изучения данной проблематики использовался следующий метод исследования: изучение статистического материала социологических исследований, проводимых среди различных возрастных групп населения для анализа общественных представлений о советской эпохе среди различных поколений. В ходе анализа было произведено изучение и сравнение результатов опросов мнений среди представителей поколения, жившего в СССР, и поколения современной молодежи. В ходе исследования было выявлено, что большинство молодежи не испытывают сильной связи с ушедшей страной и не рассматривают ее развал как относящуюся к ним трагедию. В то же время среди старшего поколения абсолютное большинство жалеет об исчезновении Советского Союза и относится к его эпохе с ностальгией. Подобное различие можно отнести к изменившейся системе жизненных ценностей. Так, сравнив ответы на вопросы о ценностях среди молодого и советского поколений, можно заметить, что жизненные приоритеты молодежи скорее подразумевают личностный индивидуализм и прагматизм. Этим они не совпадают с ценностями поколения советской эпохи, для которого в большей степени характерен альтруизм и коллективизм.

Ключевые слова: молодежь; СССР; старшее поколение; поколения; экономика; ценности; самосознание.

Для цитирования: Ковалев Э. Ю. Образ СССР в умах молодежи и предшествовавших поколений // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2021. № 3 (39). С. 111–121. DOI: 10.25688/2078-9238.2020.39.3.10

⁽¹⁾ Ковалев Эдуард Юрьевич — аспирант.

Московский городской педагогический университет (МГПУ), 2-й Сельскохозяйственный пр., д. 4, Москва, 129226, Россия.

E-mail: cowalyow.ed@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-1431-5356

UDK 316.752

DOI: 10.25688/2078-9238.2020.39.3.10

Eduard Y. Kovalev⁽¹⁾

The Image of the USSR in the Minds of Young People and Previous Generations

The collapse of the USSR was the largest geopolitical catastrophe that largely determined the development of the entire post-Soviet space from 91 to the present day. Such a significant event is interpreted differently by both individuals and different generations. The generation that grew up in the USSR and the modern digital generation have fundamentally different ideas about the world and society, a system of values. Therefore, the study of attitudes to the collapse of the union and nostalgia for it can tell you how large the percentage of changes in values between generations is. To study this problem, the following research methods were used: analysis of the statistical material of sociological studies conducted among different age groups of the population to analyze public perceptions of the Soviet era among different generations. In the course of the analysis, the results of opinion polls among representatives of the generation that lived in the USSR and the generation of modern youth were studied and compared. The study found that the majority of young people do not feel a strong connection with the departed country, and do not consider its collapse as a tragedy related to them. At the same time, among the older generation, the absolute majority regrets the disappearance of the Soviet Union and treat its era with nostalgia. Such a difference can be attributed to a changed system of life values. So, comparing the answers to questions about values among the young and Soviet generations, we can see that the life priorities of young people rather imply personal individualism and pragmatism. This is why they do not coincide with the values of the Soviet-era generation, which is more characterized by altruism and collectivism.

Keywords: Youth; USSR; older generation; generations; economy; values; self-consciousness.

For citation: Kovalev, E. Yu. (2021). *Obraz SSSR v umax molodezhi i predshestvovavshix pokolenij* [The image of the USSR in the minds of young people and previous generations]. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 3 (39), 111–121. [in Rus.]. DOI: 10.25688/2078-9238.2020.39.3.10

⁽¹⁾ Kovalev Eduard Yurievich — Graduate student.

Moscow City University, 2nd Selskohosyaystvenny proezd, 4, Moscow, 129226, Russia.

E-mail: cowalyow.ed@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-1431-5356

Введение

На настоящий момент в российском информационно-политическом пространстве наблюдается значительный интерес к проблеме взаимоотношения прошлого и настоящего. Президентом был поднят вопрос о том, как должен быть устроен учебник истории России, что именно необходимо знать поколениям юных россиян о прошлом, а также как они должны оценивать те или иные значимые исторические события. Говоря об общероссийском социуме и его отношении к ключевым историческим датам и вехам истории, необходимо выделить наиболее близкий хоть и уже прошедший период советской истории, к перипетиям которого часто обращаются в настоящий период как во властных кругах, так и в обществе в целом. СССР во многом сохраняет ностальгический образ утраченного спокойного времени с понятной системой координат, символизирующих стабильность и неизменность, которых не хватает многим россиянам в современном хаотичном настоящем.

Поэтому представляется важным выделить проблематику отношения граждан РФ к советскому периоду, для того чтобы понять, насколько сильны, т. е. насколько схожи ностальгические настроения, а значит, ценностные установки и структуры, представленные образом ушедшего государства среди различных поколений, передается ли ценностный багаж советского периода от старшего поколения к более юным. Поэтому особый интерес представляет здесь ретроспективная составляющая исторических представлений молодежи, поскольку, повзрослев, они будут определять будущее нашей страны. Методологической основой исследования выступил комплекс общенаучных методов, в рамках сравнительного, логического анализа, а также посредством изучения структуры графической интерпретации систематизированных данных. В рамках данного анализа по результатам исследования мнений граждан в ходе социологических опросов было выявлено, что около 75 % россиян согласны с мнением, что советская эпоха была лучшим временем в истории страны, в то время как несогласных с этим суждением — 18 % опрошенных. Таковы данные из подготовленного «Левада-центром» исследования «Структура и воспроизводство памяти о Советском Союзе в российском общественном мнении».

Суммарно позитивное отношение к советскому времени имеют 76 %, существенно ниже нейтральных — 38 %, в то время как отрицательных — всего 7 %. Данная сумма больше 100 % ввиду того, что часть опрошиваемых давали разные оценки: 65 % россиян считают трагедией распад Советского Союза, те же опрошенные полагают, что развала можно было избежать. При этом у 26 % респондентов прямо противоположное мнение в обоих вопросах. Причинами, вызывающими сожаление по поводу распада, являются: у 52 % — что они огорчены утратой чувства принадлежности к великой державе; 49 % опечалены разрушением общей для Союза экономической системой, связывавшей государства; 37 % считают, что вместе с распадом возросло взаимное

недоверие и жестокость вместе с потерей эмпатии. Однако и в некотором смысле противореча ранее указанным ответам «вернуться на путь, которым двигался Советский Союз», желают лишь 28 % опрошенных; абсолютное большинство придерживается представления о том, что для России необходим «собственный, особый путь» — 58 %. Также наличествует меньшинство, выступающее за европейский вариант развития РФ, — 10 %.

Необходимо заметить, что существующие на данный момент представления россиян о советском времени являются в большинстве своем положительными, однако при этом заметна тенденция вытеснения личных воспоминаний общими стереотипными образами, связываемыми в основном с «стабильностью», «уверенностью в завтрашнем дне» и в целом мнением о хорошей жизни в СССР (Попов, 2018, с. 311). При этом наиболее показательно то обстоятельство, что хотя с мнением о благополучии граждан в СССР соглашаются члены всех возрастных и поколенческих групп, но ностальгия по Советскому Союзу больше характерна для людей старшего возраста, молодежь в то же время только соглашается с тем, что распада СССР можно было избежать (Сибирев, 2020, с. 310).

В то же время наиболее важно, что романтизация советского прошлого не согласуется с желанием восстановить советский строй (Урываев и др., 2018, с. 29). Этого не желает ни поколение СССР, ни постсоветская молодежь. Анализ исследования позволяет утверждать, что ознакомление с информацией о советской эпохе носит прежде всего характер бытового мифа. В основе данного представления лежит «уважение к предкам» как великим людям, создавшим мировую державу. Вместе с этим основным ядром национального самосознания сегодня является победа в Великой Отечественной войне (Пономарева, 2020, с. 320). Таким образом, в том числе через различные мероприятия, вроде Бессмертного полка, происходит совмещение семейной истории и государственной. Необходимо заметить, что наибольшая тоска по советскому прошлому и вместе с тем воспоминания о различных положительных деталях быта советского общества растут вместе с ухудшением социально-экономической ситуации в стране, т. е. наблюдается корреляция роста с годами снижения экономического благосостояния. Многие граждане в современном обществе полагают, что на сегодняшний день в стране отсутствует правовая и бытовая справедливость, нет солидарности, чувства единения, которые наличествовали в советском обществе. Современность с ее постоянной непредсказуемостью со множеством явных и неявных угроз кажется многим временем беспокойным и неприятным. Из чего появляется ностальгия по потерянной «золотому веку», спокойствию и стабильности, которые они связывают с развалившейся страной (Зильберман, Мишанкина, 2017, с. 44).

Однако необходимо заметить, что при этом в обществе не наблюдается широкого запроса на возвращение в СССР в смысле возвращения коммунистической идеологии и власти партии, как и факт того, что большинство населения не хотят отказываться от благ продуктового изобилия, которое принесла с собой капиталистическая эпоха. Это заметно в первую очередь по ответам

на вопрос о дальнейшем движении страны, ее будущем. Так, по ответам видно, что абсолютное большинство считает, что стране необходимо двигаться по собственному, особенному, отличному от западного, но при этом не по советскому пути. Выбор именно этого варианта, скорее всего, подразумевает, что большинство граждан ощущают, что, несмотря на разрушение СССР, Россия должна оставаться крупным игроком на мировой арене, но при этом культурно сохранять свое своеобразие, отличающее ее от других стран, включая страны Европы. Также видно, что существует запрос на идею, которая бы охарактеризовала новое движение вперед, т. е. очертила данный самостоятельный, отличный от двух других путь (Гуляхин и др., 2018, с. 188).

Рассматривая именно представления молодого поколения о советской эпохе мы в первую очередь должны заметить, что, так как у них нет опыта жизни в СССР, их мнение по большей части складывается из рассказов родителей и учебников по истории (Субботин, 2020, с. 331). То есть отношение, будь это романтизация или, наоборот, неприязнь, строится на чужом опыте, без ощущения причастности к нему взглядом наблюдателя. При этом заметно что большинство молодежи в отличие от более старшего поколения все же не разделяют сожаления по распаду СССР. Чтобы понять, почему их оценка так отличается, необходимо рассмотреть их систему ценностей. Поэтому для изучения представлений о жизни и ценностных ориентиров современной молодежи было взято и проанализировано исследование Института социологии РАН «Динамика ценностных ориентаций современной молодежи» от 2016 года.

Как мы можем интерпретировать эти данные? Заметны некоторые основные максимы в воззрениях современной молодежи. Так, не может не беспокоить постепенный рост и выход на первое место пункта «связей», который по-другому следует назвать кумовство или коррупция. Вместе с этим постепенно растет ощущение невозможности достижения успеха, представление о многочисленных проблемах общества, таких как неработающие социальные лифты, отсутствие значимых перемен к лучшему, а значит, и надежда занять престижное и хорошо оплачиваемое место в обществе, отсутствие инноваций, ощутимого движения вперед, наиболее значимого для младшего поколения (Карабчук, Поплавская, 2019, с. 170). Различие в восприятии поколений демонстрирует разное отношение к мнению окружающих. Так, для молодежи его значение уменьшается: с 2008 по 2016 год произошло падение на треть, в то же время у старшего поколения за тот же период оно увеличилось, хоть и не столь значительно, как падение у молодежи. Прагматическое отношение к жизни проявляется и в языке. Так в опросах молодежи 2008 и 2016 годов устойчиво лидируют «связи» и «деньги», но снижается значение «трудолюбия», «таланта», «честности и принципиальности». Заметно это и по серьезному падению престижа образования, верному индикатору того, что меритократические системы не работают. С другой стороны, некоторый оптимизм внушает серьезное падение показателя «заботы о себе», что может свидетельствовать о повышении эмпатии у молодежи. Однако причины повышения требуют дополнительного изучения (Нарбут, Троцук, 2018а, с. 147).

Заключение

Нами был произведен анализ и соотнесение мнений об эпохе СССР представителей советского поколения и молодежи с целью изучения их отношения к данному временному периоду, выявления ценностных характеристик, связываемых с данным периодом у данных поколений, и на основе этих данных выявление идеалов и ориентиров присущих как зрелой, так и молодой возрастной группе. По результатам осуществления исследования были получены следующие выводы: наибольшая часть молодого поколения не связывает себя с советским прошлым и не испытывает отрицательных эмоций из-за развала советской державы. В то же время среди поколения, прожившего жизнь в СССР, практически не имеется тех, кто не испытывает ностальгии и не горюет об исчезновении Советского Союза. Такое различие, по нашему мнению, исходя из соотнесения информации социологических опросов нельзя отнести только к тому, что в одном случае советское поколение значительную часть своей жизни прожило в социалистической системе, в то время как молодое поколение не имело данного опыта. Мы полагаем, что значимая часть ностальгии связана с изменившейся системой морально-ценностных представлений в обществе. Так при комплексном соотнесении ответов на вопросы, затрагивающие ценности, жизненные приоритеты молодежи, оказываются отличными от присущих советскому поколению, а именно молодые россияне в куда большей степени ценят личностный индивидуализм и прагматизм. Данные изменения резко контрастируют с основополагающими принципами поколения СССР, для которого в большей степени характерен альтруизм и коллективизм. Таким образом, можно сделать вывод, что отношение к образу советской эпохи напрямую связано с системой ценностей индивида, а также что в результате изменения жизненных условий ввиду смены системы государства с социализма на рыночную экономику изменились и представления о наиболее значимых ценностях.

Литература

- Гуляихин В. Н. Стереотипы политического мышления молодежи в контексте реализации Стратегии национальной безопасности РФ: опыт регионального исследования / В. Н. Гуляихин, О. Е. Андрющенко, П. П. Фантров и др. [Электронный ресурс] // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. № 2. С. 186–194. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stereotipy-politicheskogo-myshleniya-molodezhi-v-kontekste-realizatsii-strategii-natsionalnoy-bezopasnosti-rf-opyt-regionalnogo> (дата обращения: 26.05.2021). DOI: 10.15688/jvolsu4.2018.2.16
- Зильберман Н. Н., Мишанкина Н. А. «Советское» в рефлексии пользователей интернет-сообществ [Электронный ресурс] // Вестник Том. гос. ун-та. Филология. 2017. № 47. С. 39–56. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovetskoe-v-refleksii-polzovateley-internet-soobschestv> (дата обращения: 26.05.2021). DOI: 10.17223/19986645/47/3
- Ильинский И. М., Луков В. А. Московские студенты: трансформации ценностных ориентаций [Электронный ресурс] // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2020. № 1, 50–63. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/moskovskie-studenty-transformatsii-tsennostnyh-orientatsiy/viewer> (дата обращения: 26.05.2021). DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-1-50-63

- Куракин Д. Трагедия неравенства: расчеловечивая «тотального человека» [Электронный ресурс] // Социологическое обозрение. 2020. № 3, 167–231. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tragediya-neravenstva-raschelovechivaya-totalnogo-cheloveka> (дата обращения: 26.05.2021). DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-1-124-138
- Карабчук Т. С., Поплавская А. А. Анализ динамики отношения молодежи стран постсоветского блока к интеграционным процессам между странами [Электронный ресурс] // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 1 (149). С. 153–178. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-dinamiki-otnosheniya-molodezhi-stran-postsovetskogo-bloka-k-integratsionnym-protsessam-mezhdu-stranami> (дата обращения: 26.05.2021). DOI: 10.14515/monitoring.2019.1.07
- Ткачева Н. А., Белоножко Л. Н. Влияние духовно-нравственных ценностей молодежи на формирование гражданской культуры российского общества [Электронный ресурс] // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2017. № 2, 225–234. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-duhovno-nravstvennyh-tsennostey-molodezhi-na-formirovanie-grazhdanskoy-kultury-rossiyskogo-obschestva> (дата обращения: 26.05.2021). DOI: 10.22363/2313-2272-2017-17-2-225-234
- Нарбут Н. П., Троцук И. В. (а) Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран (на примере России, Казахстана и Чехии): сравнительный анализ ценностных ориентаций (часть 1) [Электронный ресурс] // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. № 1. С. 135–155. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-samochuvstvie-molodezhi-postsotsialisticheskikh-stran-na-primere-rossii-kazahstana-i-chehii-sravnitelnyy-analiz-tsennostnyh> (дата обращения: 26.05.2021). DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-1-131-155
- Нарбут Н. П., Троцук И. В. (b) Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран (на примере России, Казахстана и Чехии): сравнительный анализ страхов, надежд и опасений (часть 2) [Электронный ресурс] // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. № 2. С. 284–302. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-samochuvstvie-molodezhi-postsotsialisticheskikh-stran-na-primere-rossii-kazahstana-i-chehii-sravnitelnyy-analiz-strahov> (дата обращения: 26.05.2021). DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-2-284-302
- Омельченко Е. Л. Молодежный активизм в России и глобальные трансформации его смысла [Электронный ресурс] // ЖИСП. 2005. № 1. С. 59–86. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/molodezhnyy-aktivizm-v-rossii-i-globalnye-transformatsii-ego-smysla> (дата обращения: 26.05.2021). DOI: 10.25688/2078-9238.2020.36.4.13
- Пономарева Е. Г. Вторая мировая война и проблема фальсификации ее истории в представлениях российской молодежи [Электронный ресурс] // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2020. № 2. С. 307–322. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vtoraya-mirovaya-voyna-i-problema-falsifikatsii-ee-istorii-v-predstavleniyah-rossiyskoy-molodezhi> (дата обращения: 26.05.2021). DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-307-322
- Попов Н. П. Российские и американские поколения XX века: откуда пришли миллениалы? [Электронный ресурс] // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 4 (146). С. 309–323. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskie-i-amerikanskije-pokoleniya-xx-veka-otkuda-prishli-millennialy> (дата обращения: 26.05.2021). DOI: 10.14515/monitoring.2018.4.15
- Пузанова Ж. В. Типология исторической памяти о Второй мировой войне: методологические аспекты изучения (на примере студенчества РУДН) [Электронный

- ресурс] / Ж. В. Пузанова, Н. П. Нарбут, Т. И. Ларина и др. // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2020. № 2. С. 292–306. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tipologiya-istoricheskoy-pamyati-o-vtoroy-mirovoy-voynе-metodologicheskie-aspekty-izucheniya-na-primere-studenchestva-rudn> (дата обращения: 26.05.2021). DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-292-306
- Рубан Л. С. Современное девиантное поведение и отношение молодежи к его проявлениям [Электронный ресурс] // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. № 2. С. 318–333. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-deviantnoe-povedenie-i-otnoshenie-molodezhi-k-ego-proyavleniyam> (дата обращения: 26.05.2021). DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-2-318-333
- Рязанцев И. П., Подлесная М. А., Богдан И. В. Универсализм ценностей студенческой молодежи и развитие российского общества [Электронный ресурс] // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2021. № 1. С. 97–109. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/universalizm-tsennostey-studencheskoy-molodezhi-i-razvitie-rossiyskogo-obschestva> (дата обращения: 26.05.2021). DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-1-97-109
- Сибирев В. А., Головин Н. А. Межпоколенческие различия в удовлетворенности жизнью и чувстве счастья в России (на материалах Европейского социального исследования) [Электронный ресурс] // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1 (155). С. 296–315. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhpokolencheskie-razlichiya-v-udovletvorennosti-zhiznyu-i-chuvstve-schastya-v-rossii-na-materialah-evropeyskogo-sotsialnogo> (дата обращения: 26.05.2021). DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.12
- Субботин А. Российское поколение миллениалов [Электронный ресурс] // Социологическое обозрение. 2020. № 1. С. 328–337. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskoe-pokolenie-millennialov> (дата обращения: 26.05.2021). DOI: 10.17323/1728-192X-2020-1-328-338
- Трубина Е. Г. Незавершенное строительство несовершеннолетнего [Электронный ресурс] // Сибирские исторические исследования. 2017. № 2. С. 21–37. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nezavershennoe-stroitelstvo-nesovershennogo> (дата обращения: 26.05.2021). DOI: 10.17223/2312461X/16/3
- Урываев В. А. Динамика показателей самоактуализации личности в транзитивном обществе [Электронный ресурс] / В. А. Урываев, В. А. Мазилев, И. Г. Сенин и др. // Экология человека. 2018. № 8. С. 27–31. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-pokazateley-samoaktualizatsii-lichnosti-v-tranzitivnom-obschestve> (дата обращения: 26.05.2021). DOI: 10.33396/1728-0869-2018-8-27-31
- Хворостьянова Н. И. Волонтерство в российском обществе и в российской социологии: взгляд из-за рубежа [Электронный ресурс] // Социологический журнал. 2017. № 2. С. 136–152. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/volonterstvo-v-rossiiskom-obschestve-i-v-rossii-skoi-sotsiologii-vzglyad-iz-za-rubezha/viewer> (дата обращения: 26.05.2021). DOI: 10.19181/socjour.2017.23.2.5162
- Утехин И. Otto Boele, Boris Noordenbos, and Ksenia Robbe, eds. Post-soviet Nostalgia: Confronting the Empire's Legacies. New York: Routledge, 2019. 244 p. ISBN 978-0-36733-265-5 [Электронный ресурс] // Laboratorium: журнал социальных исследований. 2020. 12 (2). Р. 265–271. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otto-boele-boris-noordenbos-and-ksenia-robbe-eds-post-soviet-nostalgia-confronting-the-empires-legacies-new-york-routledge-2019-244> (дата обращения: 26.05.2021). DOI: 10.25285/2078-1938-2020-12-2-265-271

References

- Gulyaikhin, V. N., Andryushchenko, O. E., Fantrov, P. P., & Galkina, E. V. (2018). Stereotipy` politicheskogo my`shleniya molodezhi v kontekste realizatsii Strategii nacional'noj bezopasnosti RF: opyt` regional'nogo issledovaniya [Stereotypes of political thinking of young people in the context of the implementation of the National Security Strategy of the Russian Federation: the experience of regional research]. *Vestnik VolGU. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodny`e otnosheniya*. [Bulletin of VolSU. Series 4, History. Regional studies. International relationships], 2, 186–194. [in Rus.]. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/stereotipy-politicheskogo-myshleniya-molodezhi-v-kontekste-realizatsii-strategii-natsionalnoj-bezopasnosti-rf-opyt-regionalnogo> (accessed: 26.05.2021). DOI: 10.15688/jvolsu4.2018.2.16
- Ilyinsky, I. M., & Lukov, V. A. (2020). Moskovskie studenty`: transformatsii cennostny`x orientatsiy [Moscow students: transformations of value orientations]. *RUDN Journal of Sociology*, 1, 50–63. [in Rus.]. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/moskovskie-studenty-transformatsii-tsennostnyh-orientatsiy> (accessed: 26.05.2021). DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-1-50-63
- Karabchuk, T. S., & Poplavskaya, A. A. (2019). Analiz dinamiki otnosheniya molodezhi stran postsovetetskogo bloka k integratsionny`m processam mezhdu stranami [Analysis of the dynamics of the attitude of young people of the post-Soviet bloc countries to the integration processes between countries]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: E`konomicheskie i social'ny`e peremeny`* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 1 (149), 153–178. [in Rus.]. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-dinamiki-otnosheniya-molodezhi-stran-postsovetetskogo-bloka-k-integratsionnym-protsessam-mezhdu-stranami> (accessed: 26.05.2021). DOI: 10.14515/monitoring.2019.1.07
- Khvorostyanova, N. I. (2017). Volonterstvo v rossijskom obshchestve i v rossijskoj sociologii: vzglyad iz-za rubezha [Volunteering in Russian society and in Russian sociology: a view from abroad]. *Sociologicheskij zhurnal [Sociological Journal]*, 2, 136–152. [in Rus.]. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/volonterstvo-v-rossijskom-obschestve-i-v-rossii-skoi-sotsiologii-vzglyad-iz-za-rubezha> (accessed: 26.05.2021). DOI: 10.19181/socjour.2017.23.2.5162
- Kurakin, D. (2020). Tragediya neravenstva: raschelovechivaya «total`nogo cheloveka» [The tragedy of inequality: humanizing the «total man»]. *Sociologicheskoe obozrenie [Sociological Review]*, 3, 167–231. [in Rus.]. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/tragediya-neravenstva-raschelovechivaya-totalnogo-cheloveka> (accessed: 26.05.2021). DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-1-124-138
- Narbut, N. P., & Trotsuk, I. V. (2018a). Social'noe samochuvstvie molodezhi postsocialisticheskix stran (na primere Rossii, Kazaxstana i Chexii): sravnitel'ny`j analiz cennostny`x orientatsiy (chast` 1) [Social well-being of youth in post-socialist countries (on the example of Russia, Kazakhstan and the Czech Republic): a comparative analysis of value orientations (part 1)]. *RUDN Journal of Sociology*, 1, 135–155. [in Rus.]. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-samochuvstvie-molodezhi-postsotsialisticheskix-stran-na-primere-rossii-kazakhstan-i-chexii-sravnitelnyy-analiz-tsennostnyh> (accessed: 26.05.2021). DOI: 10.22363 / 2313-2272-2018-18-1-131-155

- Narbut, N. P., & Trotsuk, I. V. (2018b). Social'noe samochuvstvie molodezhi post-socialisticheskix stran (na primere Rossii, Kazaxstana i Chexii): sravnitel'ny'j analiz straxov, nadezhd i opasenij (chast' 2) [Social well-being of young people in post-socialist countries (on the example of Russia, Kazakhstan and the Czech Republic): a comparative analysis of fears, hopes and fears (part 2)]. *RUDN Journal of Sociology*, 2, 284–302. [in Rus.]. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-samochuvstvie-molodezhi-postsotsialisticheskix-stran-na-primere-rossii-kazaxstana-i-chexii-sravnitelnyy-analiz-strahov> (accessed: 26.05.2021). DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-2-284-302
- Omelchenko, E. L. (2005). Molodezhny'j aktivizm v Rossii i global'ny'e transformacii ego smy'sla [Youth activism in Russia and global transformations of its meaning]. *ZhISP*, 1, 59–86. [in Rus.]. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/molodezhnyy-aktivizm-v-rossii-i-globalnye-transformatsii-ego-smysla> (accessed: 26.05.2021). DOI: 10.25688/2078-9238.2020.36.4.13
- Ponomareva, E. G. (2020). Vtoraya mirovaya vojna i problema fal'sifikacii ee istorii v predstavleniyax rossijskoj molodezhi [The Second World War and the problem of falsification of its history in the views of Russian youth]. *RUDN Journal of Sociology*, 2, 307–322. [in Rus.]. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/vtoraya-mirovaya-vojna-i-problema-falsifikatsii-ee-istorii-v-predstavleniyah-rossiyskoj-molodezhi> (accessed: 26.05.2021). DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-307-322
- Popov, N. P. (2018). Rossijskie i amerikanskije pokoleniya XX veka: otkuda prishli millenialy? [Russian and American Generations of the 20-th Century: Where Did Millennials Come From?] *Monitoring obshhestvennogo mneniya: E'konomicheskie i social'ny'e peremeny`* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 4 (146), 309–323. [in Rus.]. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/rossijskie-i-amerikanskije-pokoleniya-xx-veka-otkuda-prishli-millenialy> (accessed: 26.05.2021). DOI: 10.14515/monitoring.2018.4.15
- Puzanova, Z. V., Narbut, N. P., Larina, T. I., & Tertyshnikova, A. G. (2020). Tipologiya istoricheskoy pamyati o Vtoroj mirovoj vojne: metodologicheskie aspekty` izucheniya (na primere studenchestva RUDN) [Typology of historical memory of the Second World War: methodological aspects of the study (on the example of RUDN University students)]. *RUDN Journal of Sociology*, 2, 292–306. [in Rus.]. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/tipologiya-istoricheskoy-pamyati-o-vtoroy-mirovoy-vojne-metodologicheskie-aspekty-izucheniya-na-primere-studenchestva-rudn> (accessed: 26.05.2021). DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-292-306
- Ruban, L. S. (2018). Sovremennoe deviantnoe povedenie i otnoshenie molodezhi k ego proyavleniyam [Modern deviant behavior and the attitude of young people to its manifestations]. *RUDN Journal of Sociology*, 2, 318–333. [in Rus.]. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-deviantnoe-povedenie-i-otnoshenie-molodezhi-k-ego-proyavleniyam> (accessed: 26.05.2021). DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-2-318-333
- Ryazantsev, I. P., Podlesnaya, M. A., & Bogdan, I. V. (2021). Universalizm cennostej studencheskoj molodezhi i razvitie rossijskogo obshhestva [Universalism of a values of student youth and development of russian society]. *RUDN Journal of Sociology*, 1, 97–109. [in Rus.]. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/universalizm-tsennostey-studencheskoj-molodezhi-i-razvitie-rossijskogo-obschestva> (accessed: 26.05.2021). DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-1-97-109

- Sibirev, V. A., & Golovin, N. A. (2020). Mezhpokolencheskie razlichiya v udovletvorennosti zhizn'yu i chuvstve schast'ya v Rossii (na materialax Evropejskogo social'nogo issledovaniya) [Intergenerational differences in life satisfaction and a sense of happiness in Russia (based on the materials of the European Social Research)]. *Monitoring obshhestvennogo mneniya: E'konomicheskie i social'ny'e peremeny`* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 1 (155), 296–315. [in Rus.]. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhpokolencheskie-razlichiya-v-udovletvorennosti-zhiznyu-i-chuvstve-schastya-v-rossii-na-materialah-evropeyskogo-sotsialnogo> (accessed: 26.05.2021). DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.12
- Subbotin, A. (2020). Rossijskoe pokolenie millenialov [Russian generation of millennials] // *Sociologicheskoe obozrenie* [Sociological Review], 1, 328–337. [in Rus.]. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/rossijskoe-pokolenie-millenialov> (accessed: 05.26.2021). DOI: 10.17323/1728-192X-2020-1-328-338
- Tkacheva, N. A., & Belonozhko, L. N. (2017). Vliyanie duxovno-nravstvenny`x cennostej molodezhi na formirovanie grazhdanskoy kul'tury` rossijskogo obshhestva [Influence of spiritual and moral values of youth on the formation of civil culture in Russian society]. *RUDN Journal of Sociology*, 2, 225–234. [in Rus.]. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-duhovno-nravstvennyh-tsennostey-molodezhi-na-formirovanie-grazhdanskoy-kultury-rossijskogo-obschestva> (accessed: 26.05.2021). DOI: 10.22363/2313-2272-2017-17-2-225-234
- Trubina, E. G. (2017). Nezavershennoe stroitel'stvo nesovershennogo [Incomplete construction of the imperfect]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya* [Siberian historical research], 2, 21–37. [in Rus.]. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/nezavershennoe-stroitelstvo-nesovershennogo> (accessed: 26.05.2021). DOI: 10.17223/2312461X/16/3
- Uryvaev, Vl. A., Mazilov, V. A., Senin, I. G., Slepko, Yu. N., & Zolotareva V. V. (2018). Dinamika pokazatelej samoaktualizatsii lichnosti v tranzitivnom obshhestve [Dynamics of personality self-actualization indicators in a transitive society]. *E'kologiya cheloveka* [Human Ecology], 8, 27–31. [in Rus.]. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-pokazateley-samoaktualizatsii-lichnosti-v-tranzitivnom-obschestve> (accessed: 26.05.2021). DOI: 10.33396/1728-0869-2018-8-27-31
- Utekhin, I. (2020). Otto Boele, Boris Noordenbos, and Ksenia Robbe, eds. Post-soviet Nostalgia: Confronting the Empire's Legacies. New York: Routledge, 2019. 244 p. ISBN 978-0-36733-265-5. *Laboratorium: zhurnal social'ny`x issledovanij* [Laboratorium: Journal of Social Research], 12 (2), 265–271. [in Rus.]. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/otto-boele-boris-noordenbos-and-ksenia-robbe-eds-post-soviet-nostalgia-confronting-the-empires-legacies-new-york-routledge-2019-244> (accessed: 26.05.2021). DOI: 10.17423/195686645/43/3
- Zilberman, N. N., & Mishankina, N. A. (2017). «Sovetskoe» v refleksii pol'zovatelej internet-soobshhestv [«Soviet» in the reflection of users of Internet communities]. *Vestnik Tom. gos. un-ta. Filologiya* [Bulletin of Tomsk State University. Philology], 47, 39–56. [in Rus.]. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/sovetskoe-v-refleksii-polzovateley-internet-soobschestv> (accessed: 26.05.2021). DOI: 10.17223/19986645/47/3

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Уважаемые авторы!

В нашем журнале публикуются как оригинальные, так и обзорные статьи по философским наукам. Журнал адресован философам-исследователям, представителям социально-гуманитарного знания, аспирантам и соискателям ученой степени — всем, кто интересуется философским осмыслением сущности человека и общества, проблемами познания, этики и философии культуры.

Редакция просит вас при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике МГПУ», руководствоваться требованиями Редакционно-издательского совета МГПУ к оформлению научной литературы.

1. Шрифт — Times New Roman, 14 кегль; межстрочный интервал — 1,5; поля: верхнее, нижнее и левое — по 20 мм, правое — 10 мм. Объем статьи, включая список литературы и постраничные сноски, не должен превышать 20–30 тыс. печатных знаков (0,5–0,6 а. л.). Рисунки должны выполняться в графических редакторах. Графики, схемы, таблицы нельзя сканировать.

2. На титульной странице размещаются:

а) основные метаданные статьи: авторы, заглавие, аффилиация, авторское резюме (аннотация), ключевые слова;

б) благодарности / Acknowledgements (при наличии данных о благодарности людям и финансировании исследований);

в) рекомендации о цитировании статьи;

г) данные о контактном лице.

3. На титульной странице также указывается тип статьи (*Оригинальная статья / Original Paper; Обзорная статья / Review* и др.).

4. Блок англоязычных метаданных на титульной странице размещается за русскоязычными метаданными (если статья на русском языке).

5. Вся статья должна идти без разрывов, так как метаданные являются частью статьи. Чередование метаданных на титульной странице статьи зависит от языка статьи: если статья на русском языке, то сначала дается блок русскоязычных метаданных; если статья на английском языке, то первыми идут англоязычные метаданные.

6. Не должно быть разрывов между абзацами в аннотациях, так же как и красных строк (абстракт должен восприниматься единым информационным блоком). Для заглавий статей применяется стиль написания строчно-прописными буквами с выделением прописными собственных имен, аббревиатур и т. д. В англоязычных метаданных статей необходимо соблюдать правила представления Ф. И. О. авторов, принятые в английском языке, — И. О. Ф. (имя, инициал отчества, фамилия). В русскоязычных метаданных фамилия должна отделяться запятой от имени и инициала отчества.

Пример:

О. С. Кирова⁽¹⁾

Международные наукометрические базы данных

Аннотация.

Ключевые слова:

Для цитирования: Кирова О. С. Международные наукометрические базы данных // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2018. № 2 (1). С. 52–72. DOI: 10.25688/2078-9238.2018.1.2.12

⁽¹⁾ Кирова Ольга Сергеевна — доктор философских наук, профессор, профессор департамента философии МГПУ.

Московский городской педагогический университет (МГПУ), 2-й Сельскохозяйственный пр., д. 4, Москва, 129226, Россия.

E-mail: kirova@rasep.ru

ORCID: 0000-0000-0000-0000

Olga S. Kirova⁽¹⁾

International Scientometric Databases

Abstract.

Keywords:

For citation: Kirova, O. S. (2018). Mezhdunarodny'e naukometricheskie bazy' danny'x [International Scientometric Databases]. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 2 (1), 52–72. [in Rus.]. DOI: 10.25688/2078-9238.2018.1.2.12

⁽¹⁾ Kirova Olga Sergeevna — Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy of the Moscow State Pedagogical University.
Moscow City University (MCU), 2nd 2-i Selskokhoziaistvennyi pr., 4, Moscow, 129226, Russia
E-mail: kirova@rasep.ru
ORCID: 0000-0000-0000-0000

7. Аннотация должна содержать от 200 до 250 слов. В аннотации указывается цель исследования, используемые методы, результаты и выводы. Размер шрифта — 12.

8. Содержание и структура статьи. Язык статей — английский или русский. Основное содержание научно-исследовательской статьи формируется с учетом следующей структуры: **Введение; Постановка проблемы; Методология исследования; Результаты исследования; Заключение.**

9. Ссылки на литературу в тексте оформляются в круглых скобках: сначала указывается фамилия, год издания и страница, на которой размещена цитата (Иванов, 2010, с. 250). Если фамилия ученого встречается в предложении или вы уже ссылались в предыдущем предложении на него, то нет нужды помещать ее еще раз в скобках (2010, с. 251). Если у цитируемого автора имеются две работы одного года, то они обозначаются буквенно, например (Иванов, 2010а, с. 250) или (Иванов, 2010b, с. 149). Минимальное количество источников — 20, не менее 2/3 — источники из международных баз данных. Не менее 2/3 источников должны быть опубликованы в последние 5 лет. Обязательно указывать DOI. Приводите полные интернет-адреса (URL) для ссылок там, где это возможно.

10. Список литературы на русском языке оформляется в соответствии с ГОСТ 7.05-2008. References оформляется в соответствии с форматом 7-й версии Американской ассоциации психологов (APA). Если русскоязычная литература переводится на английский язык, то дается транслит названия, потом перевод, в конце прописывается: [in Rus.].

Пример:

Gromov, A. N. (2017). The problem of citation in the humanities. *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 87 (1), 83–86. DOI: 10.1134/S101522 1616060101

Kruglikov, V. N. (2018). Rol' aktivnogo obucheniya [The role of active learning]. *MCU Journal of Humanities Sciences*, 3 (20), 159–168. [in Rus.]. DOI: 10.5732/JHSS.227.20

11. Вся информация об авторах (звание, степень, должности, контакты), кроме аффилиации, — в разделе «Информация об авторах» / *Information about the authors* в конце статьи после References.

Более подробные сведения о требованиях к оформлению рукописи можно найти на официальном сайте журнала: <https://philosophy.mgpi.ru>

Плата за публикацию статей в журнале не взимается.

По вопросам публикации статей в серии «Философские науки» журнала «Вестник МГПУ» предлагаем обращаться к составителю — заместителю главного редактора Светлане Васильевне Черненко (ChernenkayaSV@mgpi.ru).

Телефон редакции: (499) 181-52-35, доб. 135.

E-mail: vestnikphilosophya@mail.ru

Вестник МГПУ
Научный журнал
Серия «Философские науки»

MCU Journal
of Philosophical Sciences

2021, № 3 (39)

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № ФС77-62496 от 27 июля 2015 г.

Главный редактор:
доктор философских наук, профессор *А. В. Жукоцкая*

Главный редактор выпуска:
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник:

Т. П. Веденеева

Редактор:

А. В. Лященко

Корректор:

К. М. Музамилова

Технический редактор:

О. Г. Арефьева

Верстка:

А. В. Бармин

Научно-информационный издательский центр ГАОУ ВО МГПУ
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.
Телефон: 8 (499) 181-50-36.
Сайт: <https://vestnik.mgpu.ru>

Подписано в печать: 12.10.2021.
Формат 70 × 108 1/16. Бумага офсетная.
Объем: 7,75 печ. л. Тираж 1000 экз.